

§ 2. «Брошенные волкам»¹: чекисты уничтожают краеведов ЦЧО

*«Мне нравилось в детстве сквозь красное стёклышко
смотреть, любоваться на ясное солнышко.
Я думал: всё было б намного красивее,
когда б этот цвет был разлит вместо синего,
деревья б окрашивал вместо зелёного.
Хотел необычного я, беззаконного.
Я вырос, и вот сквозь тюремное стёклышко
пришлось поглядеть мне на ясное солнышко.
Лазурь необъятную взором я впитывал,
тоску по деревьям зелёным испытывал.
Я ночью на следствии мне было велено,
чтоб чёрное белым назвал я немедленно.
В лицо меня били. Сознание теряющий,
смотрел я — и красен был мир окружающий.
Я сплёвывал кровь, проклиная злосчастное
меня обманувшее стёклышко красное...»*

Анатолий Александрович Александров (1927–2003).

Стёклышко красное.

Колыма. Лагерь в посёлке Галимый. 2 марта 1953 года.

¹ Профессор Венского университета Б. Мак Клуглин взялся проследить судьбы своих соотечественников ирландцев, которые в 1920-е годы примкнули к коммунистическому движению у себя на родине, а затем в силу тех или иных жизненных обстоятельств пытались найти убежище в СССР. В монографии проанализированы личные и следственные дела этих людей, воспоминания их родных и близких; другие материалы об идейных эмигрантах из Зелёного острова в нашу страну после революции. Эти люди всей душой разделяли представление, что советская страна прокладывает путь к коммунизму. Они искренне стремились помочь Стране Советов. Все они разочаровались относительно своих иллюзий о советской системе. Монография правильно называется «Брошенные волкам. Ирландские жертвы сталинистского террора» (*McLoughlin B. Left to the Wolves. Irish Victims of Stalinist Terror. Dublin, Portland. Irish Acad. Press, 2007. XVIII, 294 p., ill*). Двое из них попытались вырваться обратно на родину; им это не удалось; их и всех остальных нескольких ирландских эмигрантов в СССР ждали аресты, расстрел или гибель в Гулаге. Надо ли пояснять, что точно такой же оказалась судьба представителей остальных этнических диаспор в центре мирового Интернационала? Автор рецензии на эту монографию, Ф.И. Фирсов абсолютно верно завершает её более общим выводом: «Книга ирландского историка ... наглядно показывает, что в тоталитарной системе каждый человек является её заложником; ждёт ли его арест, расправа — вопрос только времени» (Вопросы истории. 2008. № 5. С. 170).

Та же самая участь — гибель в застенках Гулага ожидала представителей всех остальных этнических землячеств Коминтерна в России; значительную часть «национальных меньшинств» СССР вообще (См., например: *Джуха И. Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан... История репрессий против греков в СССР. Греки на Колыме. СПб., 2010*).

«Были кое-какие успехи и у археологов и реставраторов РСФСР, но всё же начало 1930-х годов навсегда останется чёрной страницей в летописи русской культуры».

А.А. Формозов.

Русское общество и охрана памятников культуры.

1983 год.

С конца 1920-х, начала 1930-х годов произошло заметное *торможение* не только провинциальной, но и столичной, университетской *археологии в СССР*. И в этой, казалось бы, отдалённой от злобы текущего дня области знаний возобладала политическая конъюнктура, процвело вульгаризаторство. «В марксистско-ленинской классификации наук археология не имеет места, как самостоятельная наука, противопоставляющая себя или параллельная истории. — Утверждалось в краевой энциклопедии. — Классовая борьба на археологическом фронте, разоблачение всех и всяческих извращений и враждебных вылазок в последние годы (1932–33) достигла особой остроты и напряженности...»². За такого рода абстрактными лозунгами неистовых ревнителей советской идеологии всегда следовали конкретные обвинения. Так, книгу известного историка и археолога Ю.В. Готье «Железный век в Восточной Европе» (М., 1930) журнал «Историк-марксист» в рецензии некоего И. Куршанака оценил как «образчик того, как создаётся буржуазной профессурой идеология интервенции против СССР»³. И если от университетского профессора-гуманитария партийные начётчики требовали «ползти в марксистскую Каноссу» с томом Маркса в руках — демонстрацией идейной «перековки», то для краеведа-любителя к тому времени археологические штудии стали прямым доказательством измены интересам социализма.

В историографии обсуждаемой темы успело сложиться мнение, будто власти на протяжении 1920-х годов всецело поддерживали краеведов, а ополчились на них только на рубеже 1930-х. Курские данные говорят о том, что *атака большевистских властей на краеведческое движение* готовилась гораздо раньше, по сути, с самого его начала под советскими лозунгами.

Одно из многих подтверждений тому представляет собой отзыв вышедшего в Курске губернского журнала «Спутник большевика» на первое печатное издание Курского губернского общества краеведения — альманаха «Курский край». Автор данного опуса, скромно подписавшийся инициалами И.К., — *Иван Григорьевич Клабуновский*, 28-летний член ВКП(б), имевший за плечами три курса Московского университета. Сын сапожника из Коломны, он, не служив в армии, сумел попасть в руководители среднего звена и был брошен партией в Курск на культпросветработу. Меняя одну должность за другой (глава губмузея, инспектор наркомпроса, зав. отделением Госиздата, зам. зав. агитпропом

² Энциклопедический словарь ЦЧО. Т. I. Воронеж, 1934. С. 70.

³ Историк-марксист. 1930. Т. 21. С. 115.

Курского губкома партии), одновременно состоял заместителем председателя (то есть как бы большевистским комиссаром) Общества курских краеведов.

*Штатский (и штатный) палач краеведов М.Г. Клабуновский (1896–1980) — отличник народного просвещения, ветеран труда.
Портрет на действующем портале МПГУ в опции «Учёные МПГУ».*

Рецензируя труд своих товарищей по краеведческому Обществу, Клабуновский для начала клеймит позором аналогичные по тематике издания Курской учёной архивной комиссии. «Сами “учёные” деятели Архивной комиссии, — пишет он, — представляли собой образец самодовольной бюрократии. ... Неудивительно [для этого недоучившегося “обществоведа” — С.Щ.], что революция смела не только трон и его “учёных” лакеев [излюбленное самим Лениным оскорбление учёных-немарксистов — С.Щ.], но и самые организации последних — архивные комиссии. “Камергеры” [вроде основателя Курского музея губернатора Н.Н. Гордеева или курского помещика, поэта А.А. Фета, заслуживших именно этот придворный чин — С.Щ.] и “действительные статские советники” [вроде первого профессионального археолога-курянина К.П. Сосновского — С.Щ.] бежали... , мелкие сошки, оставшиеся на местах, растерялись, попрятались и до сих пор не могут подняться до былого величия своей учёной деятельности»⁴.

⁴ И.К. «Курский край» (вместо рецензии) // Спутник большевика. Курск, 1925. № 3. С. 88.

Каково было этим самым «царским лакеям» вроде Познякава, Танкова, Сенаторского да «мелким сошкам» типа Булгакова, Парманина, Резановой и прочим интеллигентным краеведам подниматься к высотам науки и практики под рукой таких инструкторов, как Клабуновский, видно из дальнейших признаний последнего: «В нашей среде, особенно партийной, до сих пор не изжиты предрассудки в этом вопросе. Слова “Губмузей”, “Губархив”, “Краеведческое общество” вызывают неизменную улыбку и жест не то отчаяния, не то сожаления. Между тем, — пока ещё призывает поставленный над краеведами юный большевик, — именно партийцы своим авторитетом, своей административной помощью должны занять позицию защиты и содействия этой чрезвычайно важной, ответственной работе в стране...»⁵.

События на «краеведном фронте» (как тогда выражались) повернулись таким образом, что партийцы выступили не защитниками, а безжалостными обвинителями настоящих краеведов во всех мыслимых и немыслимых

⁵ Там же. С. 90.

Прослужив несколько лет в Курске, Клабуновский был перемещён служить на Нижнюю Волгу, откуда продолжал давать краеведам директивы в прежнем, погромном стиле. Перед нами один из самых ярких творцов советского архетипа безудержной социологизации, односторонней политизации и атеизации музейного дела в стране. См.: *Клабуновский И.Г.* Об отделах революционного движения в краевых музеях // *Краеведение*. Т. IV. 1927. № 3. С. 325–334; *Его же.* Об изучении бытового православия или как «бес» может опутать коммуниста // *Советское краеведение*. 1932. № 6. С. 13–16. В этих публикациях мечутся громы и молнии по «старым специалистам-краеведам», чьи труды называются «гробокопательством», «идиотской чепухой», не до конца разоблачённым вредительством и тому подобными эпитетами из лексикона патентованного доносчика. Согласно итоговой оценке этого коммунистического фанатика, «старое краеведение не просто отставало от жизни, оно пыталось встать поперёк поступательного движения Страны Советов к социализму, ... оно по природе своей и по всему своему содержанию было насквозь буржуазным. ... Основными кадрами советского краеведения должны стать массы рабочих и колхозников. Единственной теоретической базой его является диалектико-материалистическая теория Маркса–Ленина–Сталина» (*Клабуновский И.Г.* Через советское краеведение — к освоению естественных богатств страны // Там же. 1932. № 4. С. 7).

Рвение Клабуновского не осталось без внимания властей — его назначили директором информационного отдела Главного управления организации и планирования Наркомпроса. Он же возглавил Общество краеведов-марксистов, созданное при Коммунистической академии (ОКРАМ). О его разрушительной деятельности в этой должности см. в кн.: *Вайнер Д.* Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991. С. 185–193; *Формозов А.А.* Предисловие // *Очерки истории отечественной археологии*. М., 1988. С. 10.

В отличие от погубленных им краеведов, сделал завидную карьеру в советской школе и органах власти. См. справку о нём в Википедии. Пик его карьеры — заместитель председателя Комитета культуры при Совмине СССР (1946–1951). С 1939 года преподавал в Московском педагогическом институте, руководил полусотней кандидатских и докторских диссертаций. Кандидат педагогических наук (1942); профессор (1960); заведующий кафедрой советской литературы факультета русского языка и литературы (1951–1963); декан факультета русского языка и литературы.

прегрешениях. И передали их в руки палачей, совершивших над краоведами разные казни, вплоть до расстрелов.

В 1931 году в качестве прелюдии к полной ликвидации краеведения было создано *Общество краеведов-марксистов* (ОКРАМ). Его учредителями стали 53 члена партии из Коммунистической академии, пообещавшие «поставить краеведное движение на те рельсы, которые нужны нашему советскому строительству». Получалось, что пока ещё существовавшее Центральное бюро краеведения и его многочисленные филиалы на местах так и не стали советскими. Над ними замаячил топор революционного палача. Заместителем председателя ОКРАМа стал наш знакомый И.Г. Клабуновский (1896–1980), к тому времени уже возвышенный до руководителя информационного отдела Наркомпроса. Теперь он мог заявить уже на всю страну: «Долгие годы краеведение в СССР было на откупе у "старых" специалистов-краеведов. Вытесненные историей из русла общественно-политической жизни, эти "специалисты" наши себе убежище в краеведении. Здесь они отсиживались вплоть до 1929 года»⁶. Напарник идейного погромщика, ставший секретарём ОКРАМа Василий Фёдорович Карпыч⁷ из Института Востока уточнил: все предыдущие «краеведческие организации являлись ... единственной легальной формой организации прямо враждебных антисоветских элементов...»⁸. Но сразу похоронить настоящее краеведение у этих левых радикалов не получилось — старые и авторитетные большевики П.Г. Смидович, Н.В. Крыленко и М.П. Потёмкин, возглавлявшие ЦБК и журнал «Охрана природы», поначалу отбили голословную атаку на своих подшефных. Но компромат на краеведов был вброшен в общественное сознание, и жаждавшие новых жертв чекисты не замедлили воспользоваться подсказкой Клабуновского и Ко.

Поначалу главной претензией к исследователям местной истории, этнографии и географии стала их якобы оторванность от нужд социалистического строительства. В установочном выступлении на II Всесоюзной краеведческой конференции (декабрь 1924 года) нарком просвещения А.В. Луначарский «выразил пожелание, чтобы краеведческое дело впредь было тесно спаяно с общегосударственной работой и школой». К чему председатель Главнауки Наркомпроса Ф.Н. Петров⁹ прибавил

⁶ Цит. по: Кузеванов Л.И. Было ли краеведение 1920-х годов «советским» и «золотым?» // Некоммерческое электронное издательство «Российская историография».

⁷ Василий Фёдорович Карпыч (Карпов) (1900 – ?) — историк Средней Азии. Член ВКП (б). Учился в церковно-приходской школе, реальном училище, но не закончил их. С 16 лет работал по найму в качестве корректора, репортёра. В 1918–1924 годах — на политработе в Красной армии. Затем — на партийной работе в Туркмении. С 1929 года — сотрудник Коммунистической академии. Таким вот путём недоучки в СССР делали академическую карьеру.

⁸ Архив РАН. Ф. 367. Оп. 1. Д. 5. Л 1.

⁹ Фёдор Николаевич Петров (1876–1973) — сын слесаря. Закончил медицинский факультет университета св. Владимира в Киеве (1902). Затем вступил в РСДРП, примкнул к большевикам и занялся подрывной работой. Один из организаторов революции

требование, дабы «краеведческое дело вошло в тесную связь с восстановлением производительных сил страны при условии установления связи с широкими массами рабочих и крестьян»¹⁰.

От Курска на эту конференцию выезжали А.А. Вирский и Г.И. Булгаков, Рыльск представляла С.К. Репина, Дмитриев — М.П. Нагибина, все, как мы помним, — заведующие тамошних музеев. Но не эти дельные краеведы, а «мёртвые» в творческом отношении, но партийные «души» на местах подхватили зловещие кличи вождей. В Курске такой выпад явственно прозвучал сначала в мае 1925 года на губернском совещании музейных и краеведных работников. В докладе Булгакова по методике музейного дела целью краеведения объявлялось «накопление и распространение сведений о современном и прошлом состоянии природы и населения края и его материальной и социальной культуре»¹¹. Казалось бы, сказано вполне корректно. Но в ответ завуч педагогического техникума «П.Ф. Хлопин предостерёг от того широкого толкования задач краеведения, которое даёт докладчик. Планы работ краеведческих организаций, — с его точки зрения, — должны быть строго увязаны с производством и из рамок производства не выходить, иначе это заведёт учительство в глубокие дебри»¹².

Как видно, воинствующее невежество, прикрываясь партийностью, поднимало голову в среде краеведов. Но культурные, образованные люди до поры имели там право голоса, им удавалось какое-то время отстаивать свои позиции, хотя бы ценой неизбежных компромиссов с партийными ортодоксами. Возражавший тому же Хлопину Булгаков, признавая, что «вся краеведная работа должна получить производственный уклон», настаивал всё же на сохранении «всех её взаимосвязанных граней: природоведческой, экономической и культурно-исторической»¹³.

Что заставило обе стороны — власти, партийцев с одной стороны, и беспартийных краеведов старой закалки — с другой, идти в течение ряда лет на компромисс?

С первой, официальной стороны, по всей видимости, бралось в расчёт, что факт добросовестной, плодотворной работы части прежней интеллигенции на благо рабоче-крестьянского государства в какой-то степени украшает его международный фасад, как сейчас говорят — имидж во внешней и внутренней политике. Не случайно Курский губисполком

1905 года и боевых действий против законной власти. Осуждён за это на каторгу и вечное поселение в Сибири. Освобождён Февральской революцией. Затем на партийно-государственной работе на самых разных руководящих должностях. В 1934–1952 годах — директор НИИ музееведения и краеведения Наркомпроса РСФСР. Один из ведущих авторов писаний по истории КПСС.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 35 об.

¹² Там же. Л. 36.

¹³ Там же. Д. 6. Л. 40.

периодически требовал с краеведов отчёта «для помещения его в общий отчёт ГИК к предстоящему губсъезду Советов»¹⁴. Информацию о своей деятельности курские краеведы предоставляли также для справочно-адресной книги «Культурные центры СССР», для «Информационного бюллетеня» Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, многих других центральных изданий.

Таблица из революционного букваря «Долой неграмотность».

С другой, интеллигентской стороны имелись желание или необходимость примениться к новым, весьма своеобразным для всех «бывших» порядкам советского режима; легально продолжать свои литературные, исследовательские, коллекционерские, педагогические занятия; вообще развить общественную активность, причём в мало к чему обязывающей, политически нейтральной форме краеведческих встреч и бесед. До поры до времени это поощрялось или, по крайней мере, снисходительно терпелось партийно-государственными властями. Недаром все активисты курского общества, по тем или иным причинам покидавшие Курск, запасались подробными справками о своём вкладе в губернское краеведение.

С обеих сторон — и большевистской, и интеллигентской — присутствовали культуртрегерские порывы к ликвидации неграмотности в крестьянско-мещанской России, её просвещению в том числе по

¹⁴ Там же. Д. 56. Л. 26.

гуманитарно-исторической части. «Дореволюционная интеллигенция жила идеей просвещения народа (“сейте разумное, доброе, вечное”), а власти в 1920-е гг. эту идею поддерживали (ликбезы, рабфаки, лектории в церковных зданиях и т.д.). Но этой почве мог возникнуть достаточно принципиальный альянс»¹⁵, — отмечает А.А. Формозов.

К сказанному стоит добавить, что большевики, действительно ликвидируя в массовом масштабе элементарную, функционально-грамматическую безграмотность, заодно добивались политико-идеологического «зомбирования» малограмотного сознания научившихся наконец читать и писать простых людей в духе ненависти ко всему буржуазному, «бывшему» и надежды на радужные перспективы социализма, пролетаризации жизни. В «Революционном рабоче-крестьянском букваре для взрослых» (М., 1920) изображён, в частности, «зубастый, толстый, со звериным оскалом капиталист, стегающий кнутом маленьких сгорбленных пролетариев»¹⁶. Краеведы же дореволюционной закалки, даже не монархически, а демократически настроенные (вроде тех же отца и сына Стрельских, прятавших у себя при временной победе белых оригинал письма В.И. Ленина курским рабочим), органически не могли унизиться до подобных вульгаризаций в своей просветительской деятельности. А их согласные со здравым смыслом попытки сблизиться с официальной политикой коммунистов чаще всего выглядели в глазах последних подозрительно.

На фоне общего обеднения, упрощения культурной жизни в послереволюционной провинции, краеведение, помимо всего прочего, служило одной из немногих отдушин для людей, привыкших к содержательному общению, общепольному досугу. В тех условиях, когда: «Гражданина окликает гражданин: / Что сегодня, гражданин, на обед? / Прикреплялись, гражданин, или нет? / Я сегодня, гражданин, плохо спал! / Душу я на керосин обменял...» — горькая самоирония в 1920 году рафинированного поэта из плеяды «серебряного века» (В.А. Зоргенфрея), застигнутого «военным коммунизмом». Русская интеллигенция после революции в своей массе оказалась заметно маргинализованной («стала ничем») по сравнению с кадровыми пролетариями и совслужащими («ставшими всем» в смысле бытовых привилегий — пайка, жилплощади, уважения окружающих, перспектив служебной карьеры, права голоса на собраниях и в газетах, на образование).

Поэтому ностальгия по нормальной, до- или внереволюционной жизни выражалась тогда, помимо прочего, и в краеведческих формах. Нередко на сугубо маниловский манер. Как в метаироничной передаче А.М. Ремизова: «Если бы им [— Манилову и Чичикову —] жить вместе, незаметно

¹⁵ Формозов А.А. — Щавелёву С.П. 16 июня 1993 года // Архив автора.

¹⁶ Волков В.В. «Новая культура в области чувства». Как ликвидировали безграмотность в СССР // Человек. 1992. № 1. С. 99.

проходили бы часы деревенской скуки, изучали бы какую-нибудь науку — памятники древней русской письменности, словарь Даля, и потом рассуждали бы о мыслях и словах...»¹⁷. Хотя сам-то искусный писатель Ремизов был археологом, правда, в старом смысле этого слова — знатоком старинных рукописей, почерков да книг. Вообще-то кроме какой-то доли самолюбивых демагогов среди первых советских краеведов насчитывалось множество дельных и энергичных любителей старины. Так что главное заключалось совсем в другом, гораздо более значительном, долговечном эффекте тогдашнего краеведения. В провинции оно послужило основным способом духовного сопротивления интеллигенции революционному натиску на русскую культуру. В своих парижских воспоминаниях «Лихие годы. 1925–1941» искусствовед Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин (1915–1991) так оценивал позицию научной интеллигенции тех лет относительно большевистских реалий: «Недостатков много, но все они временные, постепенно они будут изживаться. Поэтому надо работать не за страх, а за совесть. Работаем мы не для власти, а для народа». В бытность свою аспирантом Научно-исследовательского института театра и музыки, мемуарист «ко всем руководителям института ... относился с пренебрежением: мне они казались беспринципными; я обвинял их в холуйстве, в подлизывании к большевикам. Боже мой! Как я был не прав! В труднейших условиях они делали своё дело, сохраняя традиции русской науки. И ведь всю эту работу приходилось вести в обстановке непрерывной травли, неожиданных качаний из стороны в сторону политического корабля, когда от малейшей прихоти любого прохвоста зависела судьба учёного и сама его жизнь! Часто упрекают нашу интеллигенцию за трусость, за молчание, за то, что она не нашла ответа перед лицом зверств. Неправда! Стиснув зубы, в тяжёлых условиях она продолжала свою работу, развивала русскую науку, русскую культуру. Это и был её ответ»¹⁸.

В списках членов курского объединения краеведов встречаются лица, мало чем помогшие изучению древностей, но достаточно колоритные сами по себе. Вот, например, *Леонид Дмитриевич Кашкин*, вступивший в число советских краеведов 75 лет от роду. В членской анкете он представился как сын воронежского книгопродавца Дмитрия Антоновича Кашкина¹⁹. «Мой отец, — с законной гордостью отмечает свежеиспечённый краевед, —

¹⁷ Ремизов А.М. Огонь вещей. М., 1989. С. 97.

¹⁸ Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы. 1925–1941. Воспоминания. Париж:, 1977. С. 380. Цит. по: Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1850-е гг.). Брянск, 2005 С. 121–122.

¹⁹ Дмитрий Антонович Кашкин (1793–1862) — купец-хлеботорговец; владелец первого книжного магазина в Воронеже и книжного абонемента с читальным залом при нём. Поэты Иван Кольцов и Иван Никитин были в числе посетителей этого неформального клуба любителей словесности. Для них пользование библиотекой Кашкиных было бесплатным.

первый учитель Кольцова, о чём говорится во всех биографиях поэта. Около 1850 г. отец ослеп и обеднел»²⁰, то есть вышел из состава «мелкой буржуазии». На самом деле его книжная лавка работала при нём пожизненно и была унаследована вдовой. Сам Л.Д. Кашкин, кандидат сельского хозяйства бывшей Петровской, затем Тимирязевской академии, служил с 1894 года главбухом Курского акцизного управления, начальник которого, он же опытный археолог К.П. Сосновский, и заразил его, скорее всего, краеведческими интересами.

Сошлюсь ещё на одну типичную среди пассивных краеведов 1920-х годов фигуру. Отставной курский адвокат *Николай Владимирович Фабрикант* (1867 года рождения) имел за плечами полтавскую классическую гимназию, юридический факультет Московского университета и Московское же музыкально-филармоническое училище. Дореволюционную службу чиновником контрольной палаты при поступлении в советские краеведы благоразумно скрыл. Когда-то сотрудничал с «Русскими ведомостями», «Русской мыслью» и другими повременными изданиями, «занимался литературой» и «всегда интересовался вопросами краеведения». В Курске он время от времени «выступал с публичными лекциями по музыке и общественным вопросам»²¹. В юнсекцию краеведов вступил также его сын Георгий (1905 года рождения), школьник.

На примерах этих и других, культурно близких им людей видна тяга провинциальной интеллигенции к чему-то духовному и безусловно полезному на общественном поприще даже при большевиках и, можно сказать, несмотря на них, а потому безопасному для людей непролетарского происхождения и свободных профессий. Однако *альянс старой интеллигентской и новой пролетарской культур на ниве краеведения* вышел непрочным. Все попытки лучших краеведов правдами и неправдами доказать свою нужность социалистическому строительству оказались тщетными.

Кроме знающих и, главное, увлечённых краеведением деятелей, в списках Курского губернского общества краеведения сплошь и рядом попадаются совершенно случайные, принятые явно ради количества люди. Их заявления и анкеты пестрят вопиющими грамматическими ошибками (взять хотя бы некоего 18-летнего «*допрезвника* Владимира *Грегорьевича* Попова», не умеющего даже грамотно подписаться, но желающего заниматься «*архиологией*»). Руководители общества позаботились внести в членские списки немало «мёртвых» для краеведения, но классово вроде бы правильных «душ» — крестьян разных уездов, агрономов, инженеров, служащих, старшекласников средних школ. Рабочих от станка им удалось наскрести всего двоих.

Но ни расширение «социальной базы» своей организации, ни вся прочая *просоветская мимикрия краеведов* им не помогла. В июле 1928 года

²⁰ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 55. Л. 58.

²¹ Там же. Л. 12–12 об.

губернские общества краеведов были распущены, а их члены вошли в состав Областного бюро краеведения (ОБК) — в связи с очередным изменением административно-территориального деления, по которому бывшая Курская губерния, вместе с рядом соседних, вошла в единую Центрально-Чернозёмную область. Председателем ОБК назначили Д.А. Авксентьевского²², заведующего областным отделом народного образования; заместителем — А.А. Комарова, который в Воронеже заведовал архивным бюро, а ответственным секретарём доцента Воронежского университета С.Н. Введенского.

ОБЪЕДИНЕННОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
пп ОГПУ по ЦЧО.
Дело № 6824
Начато 1918 г. 1920 г.
Окончено 1920 г.
Окончено в 1941 г.
ДЕЛО № 724
ЗА...
По обвинению гг. Гор Белгорода
Барышникова
Павла Ивановича
по ст. 52-3 УК
Начато 1-го Мая 1920 г.
Окончено 1-го Мая 1920 г.
На листах
Архивн. № 549205
в 1962 г.

Следственное дело белгородского краеведа П.И. Барышникова.

На заседании Областного бюро краеведения (ОБК) в сентябре 1929 года в Воронеже слушался отчёт Курского отделения и 5-летний план его работы. Тогда «отмечается наличие в организации небольшой группы старых краеведов, не желающих уяснить идей массового советского

²² Дмитрий Алексеевич Авксентьевский (1885–?) — перед революцией учительствовал в народных школах. С 1919 года — в разных органах Наркомпроса. Член ВКП(б) с 1920. С 1929 — заведующий облоно Воронежской области. См.: *Авксентьевский Д.А. Общественно-полезный труд и метод проектов в школе.* М., 1926; *Его же. Строительство социализма и общественно-полезный труд школы.* Изд. 5-е. М. — Л., Госиздат, 1928.

краеведения, пытающихся стащить краеведческую работу на старые, замкнутые от масс кабинетные рельсы» (стоит задержать внимание читателя на этом перле советского новояза: «рельсы, пролегающие через кабинет...»). Краеведов громили неграмотные люди.

Решено было «считать необходимым повести с ними решительную борьбу, вплоть до полного очищения краеведческих рядов от таких социально чуждых элементов»²³. Так над краеведами стали сгущаться политические тучи. В предчувствии такого решения в Курске уже принесли одну жертву из обречённой на заклятие «группы старых краеведов» — в 1928 году сняли с должности и отдали под суд за некие финансовые упущения беспартийного директора губмузея В.М. Василькова, которому якобы «были чужды интересы рабочего класса»²⁴ (как выразился его преемник из номенклатуры губкома ВКП(б) Анатолий Сергеевич Молчин). Приговором по делу Василькова будущие руководители музея стремились прикрыться как фиговым листком, «подтверждающим мероприятия в отношении расхитителей ценностей»²⁵.

Следующих жертв наметил состоявшийся в январе 1930 года I областной съезд ЦЧО по краеведению. К необходимости выявить в краеведческих рядах «козлов отпущения» прямо подводили доклад заместителя председателя ОБК А.А. Комарова «Об итогах и перспективах краеведческого движения в ЦЧО» и доклад его сотрудника П.Н. Черменского²⁶ «Социалистическая реконструкция хозяйства ЦЧО и задачи краеведения». Краеведческое общество было переименовано в «Общество по изучению местного края в целях социалистического переустройства страны».

В резолюции съезда отмечалось: «С большим удовлетворением съезд констатирует решительную политику ОБК за очищение краеведческих организаций от социально-чуждых вредительских элементов (типа С.Н. Введенского²⁷, Ф.И. Поликарпова, бывшего земского начальника²⁸,

²³ Там же. Д. 58. Л. 58–58 об.

²⁴ *Молчин А.С.* Курский государственный музей // Известия КГОК. 1928. № 3. С. 72.

²⁵ ГАКО. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 55. Л. 12.

²⁶ *Пётр Николаевич Черменский* (1884–1973) — историк, археолог и краевед Тамбовщины, Рязанщины и Курского края. Закончил несколько духовных и светских учебных заведений, включая Историко-филологический институт в Санкт-Петербурге. Работал на раскопках Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского. Десятилетний срок заключения по делу краеведов отбыл в Белбалтлаге. После войны участвовал в раскопках Деснинской экспедиции М.В. Воеводского. Самостоятельными разведками выявил несколько археологических памятников в окрестностях Курска. Автор нескольких книг и рукописей по истории Московской Руси в начале Нового времени.

²⁷ *Сергей Николаевич Введенский* (1867–1940) — сын сельского священника из Липецкого уезда Тамбовской губернии; получил богословское образование (Тамбовская семинария, Московская духовная академия, где он слушал лекции В.О. Ключевского); богослов и историк. Кандидат богословия (1891). С 1892 года преподавал в Задонском духовном училище, с 1910 — служил инспектором народных училищ Задонского и Землянского уездов. Член Воронежской учёной архивной комиссии, тамошнего же

Г.И. Булгакова-церковника») ²⁹. Все помеченные каиновой печатью испуганных коллег «бывшие краеведы» в том же году были арестованы органами ГПУ.

Курские краеведы тут же — 26 января вывели своего учёного секретаря, столь несвоевременно «согрешившего» церковностью (в виде членства в управленческой «двадцатке» совета Благовещенской церкви), а заодно с ним А.Н. Сахарову из своих рядов как «лишенцев» (избирательных прав). В справке, выданной Георгию Ильичу по этому случаю, значилось: «На протяжении всего времени с момента организации Общества, учредителем коего он состоял, ... был активным работником, неоднократно выступал докладчиком, проводил лекции по вопросам краеведения, как на собраниях рабочих, так и на съездах и конференциях учительства. ... Исключён из общества за связь с религией» ³⁰ (выразившуюся в конце его общественной «проработки» просто в посещении церковных служб). Дух захватывает от этого советского силлогизма: исключён за то, что работал активно...

Тогда же Булгакова исключили из профсоюза работников просвещения. Это означало потерю педагогической работы и права на трудовой паёк в Курске. Пришлось перебираться в Воронеж, где в одной из школ ФЗО, да на «Высших экономических курсах» нашлось место для опального учителя с четвертьвековым стажем и учёной степенью. Через

церковно-археологического комитета. С 1919 года живёт в Воронеже, становится доцентом ВГУ (на кафедре истории факультета общественных наук). Создатель (1924) и председатель Воронежского городского общества краеведов и ответственный секретарь Областного бюро краеведения. По вопросам публикации своих научных работ неоднократно обращался в Москву и Ленинград, познакомился с несколькими академиками-историками, включая С.Ф. Платонова. Это позволило ОГПУ представить его организатором и вдохновителем чернозёмного филиала «заговора в Академии наук».

Подробнее о нём см.: *Сергей Николаевич Введенский (1907–1940)*. Биобиблиографический указатель / Сост. А.Н. Акинъшин, Н.М. Фёдорова. Воронеж, 1997. В этом издании — биографический очерк «С.Н. Введенский — краевед и педагог», перечень его публикаций, сохранившихся рукописей и архивных материалов. Указанные воронежские краеведы пытаются приукрасить личность Введенского. Он внёс кое-что полезное в изучение родного края, но попав в чекистскую тюрьму, быстро потерял лицо и предал кого только смог из своих столичных и провинциальных коллег. Именно с его слишком признательных показаний начался их путь к гибели.

²⁸ *Фёдор Иванович Поликарпов (1882–1931)* — уроженец Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Его дореволюционная служба в армии и гражданской администрации (в годы мировой войны — подпоручик, земский начальник Острогожского уезда, затем вроде бы участвовал в Белом движении) позволила на процессе краеведов представить его одним из самых опасных «заговорщиков». Хотя в 1920–1921 годах он уже отбывал тюремное заключение за службу в Белой армии. После освобождения заведовал этнографическим отделом Воронежского краеведческого музея. Будучи уволен оттуда, стал сельским священником (вплоть до ареста по делу краеведов). Нарушая фундамент права, большевики за одно и то же карали два раза.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 48. Л. 108.

³⁰ Там же. Д. 40. Л. 4 об.

несколько месяцев он приехал в Курск с прошением о восстановлении в правах члена их общества и его совета, о разрешении ему заочно участвовать в их работе. Увлечение историей родного края оказалось для этого человека выше личных обид. Технический секретарь М.А. Рязанцев уже заготовил соответствующую справку, но партийная глава общества и музея М.А. Кардаш не подписала её. Курские товарищи иезуитски-дипломатично переадресовали запрос: «Ввиду того, что вопрос об исключении т. Булгакова поднят был на областном съезде ЦЧО по краеведению..., то и восстановление его, по формальным соображениям и мотивам, должно быть произведено ОБК, тем более что т. Булгаков в настоящее время работает в Воронеже»³¹.

Воронеж оказался неудачным пристанищем для опального краеведа. Именно этот город чекисты избрали для *продолжения так называемого «Дела Академии наук»*. По этому делу с января и по август 1930 года были схвачены академики С.Ф. Платонов³², Н.П. Лихачёв³³, М.К. Любавский³⁴, Е.В. Тарле³⁵, Ю.В. Готьёв³⁶; члены-корреспонденты А.И. Андреев³⁷,

³¹ Там же. Д. 48. Л. 96.

³² *Сергей Фёдорович Платонов* (1860–1933) — историк, архивист; член-корреспондент Императорской Академии наук (1908); академик (1920); профессор (с 1899), заведующий кафедрой русской истории Санкт-Петербургского университета (с 1890); председатель Археографической комиссии АН (с 1918–1929); директор Пушкинского дома (Института русской литературы) (1925–1929) и библиотеки Академии наук (1925–1928). Будучи выслан по Академическому делу, умер в ссылке.

³³ *Николай Петрович Лихачёв* (1862–1936) — историк, археограф, палеограф, искусствовед, библиограф; коллекционер старинных рукописей, икон и т.п. раритетов. Профессор Археологического института (1892), член Археографической комиссии АН (1894); помощник директора Императорской Публичной библиотеки (1902–1914). Академик (1925). Основатель Музея палеографии АН (1925). Свои богатейшие коллекции подарил Русскому музею, Академии наук. В итоге Академического дела выслан на 5 лет в Астрахань, откуда вернулся досрочно в 1933 году.

³⁴ *Матвей Кузьмич Любавский* (1860–1936) — историк, архивист; профессор (1901–1917), ректор (с 1911) Московского университета; член-корреспондент (1917), академик (1929) АН. Председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете (1913–1929). Умер в ссылке.

³⁵ *Евгений Викторович Тарле* (1875–1955) — историк; член-корреспондент АН (1921), академик (1927–1929, повторно с 1938). На следствии признательными показаниями опережал вопросы чекистов. Своего рода чемпион по очернительству своих коллег в кровавой мясорубке сталинских репрессий. В итоге Академического дела в 1930 году выслан на 5 лет в Алма-Ату. Вернулся оттуда к прежней работе в 1936 году.

³⁶ *Юрий Владимирович Готьёв* (1873–1943) — историк, археолог, архивист; профессор Московского университета; академик (1929). По Академическому делу выслан в Самару, откуда вернулся в Москву, продолжил научную работу.

³⁷ *Александр Игнатьевич Андреев* (1887–1959) — историк, археограф и архивист; управляющий архивом бывшего Министерства путей сообщения (1918–1925); учёный секретарь Археографической комиссии АН при С.Ф. Платонове (1926–1929). В 1929 году арестован по Академическому делу, в 1930 году выслан из Ленинграда на 5 лет в Красноярский край. Вернувшись из ссылки, работал в академических учреждениях.

В.Г. Дружинин ³⁸, Д.Н. Егоров ³⁹, А.И. Яковлев ⁴⁰; профессора С.К. Богословский ⁴¹, С.В. Рождественский ⁴², Б.А. Романов ⁴³, П.Г. Васенко ⁴⁴, М.Д. Присёлков ⁴⁵, С.В. Бахрушин ⁴⁶; А.И. Заозерский ⁴⁷, В.И.

³⁸ *Василий Григорьевич Дружинин* (1859–1936) — историк, товарищ председателя Археографической комиссии. Член-корреспондент Академии наук (1920). В 1930–1935 годах — в ссылке по Академическому делу в Ярославской области (ссылкой заменили 5-летний лагерный срок, объявленный ему первоначально). По возвращении оттуда в Ленинград умер.

³⁹ *Дмитрий Николаевич Егоров* (1878–1931) — историк-медиевист, профессор Московского университета; член-корреспондент Академии наук (1928). В 1930 году арестован по Академическому делу, год продержан в тюрьме, затем выслан в Ташкент, где вскоре и скончался.

⁴⁰ *Алексей Иванович Яковлев* (1878–1951) — историк, профессор Московского университета; член-корреспондент Академии наук (1929). В 1930 году арестован по Академическому делу и сослан в Минусинск. В 1933 году возвращён в Москву со снятием судимости и смог вернуться к научной работе.

⁴¹ *Михаил Михайлович Богословский* (1867–1929) — историк, профессор Московского университета; академик (1921). Умер сразу после того, как вышел на свободу после короткого ареста, как выяснилось, ошибочного: чекисты спутали его с белым офицером, его однофамильцем. До Академического дела, таким образом, не дожид, но фигурирует в его материалах как один из заговорщиков против советской власти.

⁴² *Сергей Васильевич Рождественский* (1868–1934) — историк; профессор Ленинградского университета; заместитель С.Ф. Платонова по руководству Библиотекой Академии наук. По Академическому делу выслан на 5 лет в Томск, умер в ссылке.

⁴³ *Борис Александрович Романов* (1889–1957) — историк, источниковед. По Академическому делу отбыл срок заключения в тюрьме и на строительстве Беломорканала (1931–1933). Потом вернулся к научной работе, но от отечественной истории перешёл ко всеобщей (конфискованные при аресте материалы ему не возвратили).

⁴⁴ *Платон Григорьевич Васенко* (1874–1934) — историк, приват-доцент Санкт-Петербургского университета. По Академическому делу получил 10 лет заключения. Начал отбывать срок в Соловецком лагере. В 1933 году досрочно освобождён и сослан во Владимир. Работы там найти не смог. Погиб в дорожной аварии.

⁴⁵ *Михаил Дмитриевич Присёлков* (1881–1941) — историк, археограф; профессор Ленинградского университета. Первый раз арестовывался в 1922 году по ходу репрессий против деятелей церкви, но вскоре освобождён. В 1930 году по Академическому делу получил 10 лет лагерей. В Соловецком лагере работал счетоводом. В 1931 году лагерь заменён на высылку в Новосибирск на оставшийся срок. В 1935 году смог вернуться в Ленинградский университет, профессором и затем деканом исторического факультета. В начале 1941 года умер от рака.

⁴⁶ *Сергей Владимирович Бахрушин* (1882–1950) — историк, член-корреспондент Академии наук (1939). Отбыв наказание по Академическому делу (сослан в Семипалатинск в 1931–1933 годах), вернулся к научной работе.

⁴⁷ *Александр Иванович Заозерский* (1874–1941) — историк; в 1920-е годы — хранитель рукописного отдела Библиотеки академии наук. Арестован в 1929 сначала по делу религиозного кружка «Воскресение», затем включён в Академическое дело. Соловецкий лагерь ему заменили на ссылку в Алма-Ату. Вышел на свободу в середине 1930-х годов, вернулся к научной работе.

Пичета ⁴⁸, И.А. Голубцов ⁴⁹, Л.В. Черепнин ⁵⁰; прочие члены их якобы «подпольной контрреволюционной организации историков» ⁵¹. Следователи назвали её «Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России». Историки этого позорнейшего момента отечественной истории выделяют несколько фокусных групп, откуда чекисты целенаправленно вынимали людей и «шили» им фантастические обвинения. Среди этих групп были не только сотрудники самой Академии наук и её учреждений (ряда институтов, библиотеки, Центрархива, Русского музея и др.), но и участники академических экспедиций по найму, так называемые «церковники» в прошлом или настоящем, обрусевшие немцы, работники издательств, бывшие офицеры старой гвардии и армии.

С.Ф. Платонов на первых же допросах рассказал о своих «связях» с немецкими политиками, признался в том, что он «убеждённый монархист» ⁵². Через несколько месяцев психологического прессинга он

⁴⁸ *Владимир Иванович Пичета* (1878–1948) — историк, действительный член Белорусской академии наук; Российской Академии наук (1946); профессор Московского и Минского университетов. Арестован по Академическому делу в 1930 году и выслан в Вятку, где трудился нормировщиком в общественной столовой. Освобождён из ссылки досрочно, в 1935 году и вернулся в научной работе.

⁴⁹ *Иван Александрович Голубцов* (1887–1966) — историк, археограф, картограф. Арестован в 1930 году по Делу историков и выслан в Коми-Пермяцкий край, где работал счетоводом. После освобождения из ссылки вернулся к научной работе. См. о нём: *Черепнин Л.В.* И.А. Голубцов — учёный и человек // В кн.: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984.

⁵⁰ *Лев Владимирович Черепнин* (1905–1977) — историк, источниковед, историограф; академик; заведующий сектором истории СССР периода феодализма в Институте истории АН СССР. В 1930 году арестован по Академическому делу. Получил 3 года концлагеря. Отбыл срок на каменном карьере в Северном крае. Потом вернулся к академической деятельности.

⁵¹ См. подробнее: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / Отв. ред. *В.П. Леонов*. СПб., 1993; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1–2 / Отв. ред. *В.П. Леонов*. СПб., 1998; *Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 4; *Куманёв В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991 С. 77–83 («Как громили кадры историков»); *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 76–84; Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М., 1995; In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.–Л., 1995; Скифский роман. М., 1997 (особенно раздел: *Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и Российская Академия наук, с. 101–110); *Ананьич Б.В., Панях В.М.* «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. М., 1999. Вып. 2 (120); *Ананьич Б.В., Панях В.М.* Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 гг. // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 3; *Степанов М.Г.* «Академическое дело» (1929–1931 гг.): взгляд современной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 7 (33). В 2 ч. Ч. II; *Брачев В.С.* Травля русских историков. М., 2006.

⁵² Цит. по: *Брачев В.* Травля русских историков. М., 2006. С. 102–103 и следующие.

«полностью разоружился» перед следствием и подтвердил, что с весны 1928 года руководил этим самым «Всенародным союзом»...

Чтобы антисоветская организация казалась поразветвлённое внутри страны, к ней «пристегнули» руководителей Центрального бюро краеведения, имевшего тесные связи на местах. Так были арестованы учёный секретарь Центрального бюро краеведения Д.О. Святский⁵³, его сподвижники по координации краеведческой работы в стране — Б.Б. Веселовский⁵⁴, С.И. Тхоржевский⁵⁵, М.П. Бабенчиков⁵⁶, М.Н. Смирнова и другие. Кроме краеведов и экскурсоводов, взяли целую группу священнослужителей разных конфессий (вина этих последних для

⁵³ *Даниил Осипович Святский* (1881–1940) — астроном, метеоролог, историк естествознания и техники. Уроженец города Севска Орловской губернии. В студенческие годы (1905) агитировал за вооружённое восстание в Москве, за что отсидел в тюрьме. Публиковал работы по краевой истории: *Святский Д.О.* Исторический очерк Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орёл, 1908. Один из руководителей Русского общества любителей мироведения (по делу которого и был впервые арестован), затем — Центрального бюро краеведения. В 1930–1932, 1935–1940 годах находился в лагерях и ссылках, после чего сразу умер. Его главный труд — «Очерки истории астрономии в Древней Руси» — был опубликован лишь через 20 лет после смерти автора (Новое издание: М., 2007). См. о нём: *Синицына М.В.* Даниил Осипович Святский: трагедия учёного // Вестник Брянского государственного университета. 2009. № 2. С. 44–52.

⁵⁴ *Борис Борисович Веселовский* (1880–1954) — историк, экономист; доктор экономических наук, профессор МГУ и Московского инженерно-строительного института. Из дворян. Выпускник МВТУ. В 1905 году помогал социал-демократам. После революции работал в Центроархиве, Госплане СССР. Брат историка, академика Степана Борисовича Веселовского. Арестован в 1930 году по Академическому делу.

⁵⁵ *Сергей Иванович Тхоржевский* (1893–1942) — историк, специалист по XVII–XVIII векам. Из дворян. Выпускник юридического факультета Петроградского университета, специализировался на истории Испании. Проходил по Академическому делу, в 1931 году осуждён на 10 лет концлагеря. Освобождён досрочно как ударник строительства Беломорканала, до 1940 года работал в системе Байкало-Амурских лагерей по вольному найму экономистом. Ежегодно приезжал в отпуск в Ленинград для работы в архивах с документами о восстаниях Разина и Пугачёва. Умер от голода в блокадном Ленинграде. Злая ирония судьбы: вернуться на склоне лет в родной город после многолетней разлуки и погибнуть, не успев доработать собранный архивный материал.

⁵⁶ *Павел Петрович Бабенчиков* (1882–1947) — крымский археолог. Сын офицера, участника обороны Севастополя. Создатель и первый директор Крымского музея краеведения (1923–1930). Школьный учитель истории, перед арестом по делу краеведов — научный сотрудник этого музея в Севастополе. Обвинён в шпионаже в пользу Германии: якобы его археологические фотографии и карты Крыма мог использовать германский генеральный штаб. После этого крымские археологи какое-то время боялись составлять карты изучаемой местности и пользоваться ими. Вербовщиком археолога чекисты объявили первого русского дравидолога Александра Михайловича Мерварта (1884–1932), чья семья имела немецкое происхождение. Отбыл год в Печорских лагерях, а затем три года ссылки в Западной Сибири. Из лагеря освобождён по ходатайству жены перед Е.П. Пешковой. После освобождения вернулся в Севастополь, где снова учительствовал и сотрудничал с музеями. Проводил археологические раскопки. Умер от туберкулёза, подхваченного в ГУЛАГе. Доживал с клеймом врага народа. Реабилитирован только в 1967 году.

чекистов заключалась в самом роде их занятий) и бывших офицеров старой армии и жандармерии.

В конце концов, у С.Ф. Платонова получили показания «о связи с организацией Введенского Сергея Николаевича» и переправили их в Воронеж ⁵⁷. А именно, Платонов показал: «...Были группы в Москве, Саратове, кроме того, были отдельные лица, связанные с руководящим ядром в других городах. Введенский Сергей Николаевич, Воронеж...» Ещё раньше Сергей Фёдорович приписал членство в «своей организации» многим ленинградским учёным, в частности академикам И.Ю. Крачковскому, Е.Ф. Карскому, В.В. Бартольд, В.М. Истрину, П.А. Лаврову; В.М. Алексею, А.Н. Самойловичу. «Очень близко примыкали к организации по политическим взглядам» академики Б.М. Ляпунов, Н.К. Никольский, Ф.И. Щербатской. «Что же касается академиков Жебелёва, Бузескула, Грушевского и Владимирцова, то они членами организации не состояли». «Привлечением в организацию новых лиц занимались все члены организации»: член-корреспондент АН С.В. Рождественский ⁵⁸, Н.В. Измайлов ⁵⁹, Н.П. «Лихачёв, насколько мне известно, был мало активен; что касается Тарле Е.В., то в этом отношении он был активнее, чем другие» ⁶⁰. Привлекли к антисоветской деятельности якобы Садикова ⁶¹, В.Н. Сидорова ⁶², М.Д. Присёлкова, Достоевского ⁶³, Пилкина, И.Н. Бороздина ⁶⁴, Пыпина ⁶⁵ и других. «Я лично — секретаря Пушкинского

⁵⁷ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 1. Л. 3.

⁵⁸ *Сергей Васильевич Рождественский* (1868–1934) — историк, архивист, член-корреспондент Академии наук (1920). По делу Академии наук арестован в 1929 году; осуждён в 1931 на пятилетнюю ссылку в Томск, там и скончался.

⁵⁹ *Николай Васильевич Измайлов* (1893–1981) — зять Платонова; филолог, пушкинист; с 1923 года заведовал рукописным отделом Пушкинского дома. Арестован по «делу академиков», получил 5 лет лагеря. В 1931–1934 годах находился в заключении. С 1957 года вернулся на прежнюю должность в Пушкинский дом.

⁶⁰ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 1. Л. 4–5 об.

⁶¹ По-видимому, *Владимир Сергеевич Садилов* (1871–1942) — биохимик, профессор ЛГУ. Пережил в блокаде Ленинграда первую зиму, был вывезен в тыл, но тут же умер.

⁶² Не *Владимир* ли *Николаевич Сидоров* (1903–1968) — московский лингвист. Руководил составлением словаря языка А.С. Пушкина. В 1934 году арестован по делу славистов, получил 5 лет лагеря, но вскоре из Сиблага переведён в ссылку. Отбыв её, вернулся сначала в Подмоскowie, а потом и в столицу на прежнюю работу. Дожил до реабилитации в 1964.

⁶³ *Андрей Андреевич Достоевский* (1863–1933) — племянник писателя. Статистик, географ. Многолетний секретарь Русского Географического общества. В 1930 году по Академическому делу получил 5 лет концлагеря и был отправлен на Соловки. В возрасте 70 лет. Основанием для приговора послужили два визита к академику Е.В. Тарле и разговоры там. Благодаря вмешательству А.В. Луначарского и М.И. Калинина через год освобождён. Последние три года жизни работал в Гидрологическом институте.

⁶⁴ *Илья Николаевич Бороздин* (1883–1959) — историк, археолог, востоковед. Выпускник МГУ. Член ИРАОН, секретарь ИМАО. В 1935 году после первого ареста на 3 года сослан в Алма-Ату, где преподавал в педагогическом институте. В 1937 году

дома Каплан ⁶⁶», — заканчивает морально сломленный арестант свои убийственные для ни в чём не повинных коллег показания. Не всех, но многих из платоновского списка тогда или впоследствии репрессировали. Обратим внимание, что те из оклеветанных коллегами учёных, кто не попал под арест сразу — по делу историков, были арестованы через три года по делу славистов или по аналогичным делам.

Признательные показания, то есть поклёпы на своих ни в чём не повинных коллег допустили и другие жертвы «дела академиков» (начиная с Е.В. Тарле, С.В. Бахрушина, Д.О. Святского). Об этом, в частности, свидетельствует в своих мемуарах их одноделец Н.П. Анциферов. Упоминает, что называется, без гнева и пристрастия, но вполне определённо. Нынешние историки Академического дела (включая цитируемых здесь В.С. Брачева, А.Н. Акиншина) нередко затушёвывают моменты духовного слома своих персонажей на следствии. Я считаю это неправильным, несправедливым к тем нашим предшественникам, которые в тех же самых камерах и на том же самом следствии не дали себя сломать, никого не оклеветали и тем показали высокий пример мужества будущим поколениям российских сограждан.

По документам Академического дела и воспоминаниям его участников вырисовывается следующий «проект» ОГПУ: разоблачить ещё одну крупную антисоветскую организацию, наподобие уже «разгромленных» групп технических специалистов («Промпартии», шахтинского дела «вредителей», членов «Крестьянской трудовой партии», «саботажников» из ВСНХ и многих других в близком для советского террора будущем). Одни из этих судебных процессов были открытыми, другие закрытыми для прессы. «Эти процессы закрепляли миф о саботаже и выполняли тройную функцию. Во-первых, был найден "козёл отпущения" за срывы в экономике. Во-вторых, заставляли молчать кадровых работников, не поддерживавших политику ускоренной индустриализации. И, в-третьих, они ставили в пример другим бдительность и эффективность новых пролетарских кадров» ⁶⁷.

осуждён на 10 лет, которые и отбыл в лагере возле озера Хасан на Дальнем Востоке. После освобождения преподавал в Ашхабаде; наконец, устроился в Воронеже преподавателем университета. Дожил до реабилитации в 1955 году.

⁶⁵ Николай Александрович Пытин (1876–1942) — племянник Н.Г. Чернышевского. Писатель, научный сотрудник Пушкинского дома. Арестован в 1930 году по Академическому делу, в 1931 году получил 10 лет лагерей. Освобождён по ходатайству В.Д. Бонч-Бруевича в 1933. Повторно выслан из Ленинграда в 1935 году после убийства Кирова. Умер в блокадном Ленинграде от голода в 1942 году.

⁶⁶ Правильно: *Каплан Борис Иванович* (1898–1941) — историк литературы; учёный хранитель и учёный секретарь Пушкинского дома (1919–1929). Арестован в 1929 году. Вскоре освобождён. Повторно арестован в 1930. Приговорён к 3 годам ссылки. Выслан в Ульяновск. После освобождения вернулся в Ленинград. Арестован в третий раз и расстрелян в 1941 году.

⁶⁷ *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. 2-е изд. М., 1994. С. 219.

*Крымский археолог П.П. Бабенчиков, которого на следствии чекисты свели с ума.
См. воспоминания его однодельца Н.П. Анциферова.
Фото с сайта «Открытая археология».*

Настала очередь гуманитарной интеллигенции, для большевиков априорно ещё более подозрительной политически, нежели инженеры, агрономы да экономисты старой закалки. Вот чекисты и взялись за историков и краеведов, богословов да философов, искусствоведов, музейных работников. Личное знакомство Платонова с великим князем Андреем Владимировичем (1876–1956), находившимся в эмиграции, позволяло выдать того за кандидата на русский престол. Монархия, разумеется, уже конституционная, чтобы кадет Платонов мог занять в ней видное место. Ему якобы отводилась роль премьер-министра будущего российского правительства. Е.В. Тарле подходил на должность министра иностранных дел, В.Н. Бенешевич⁶⁸ — юстиции или вероисповеданий. Контакты этих

⁶⁸ *Владимир Николаевич Бенешевич* (1874–1938? 1943?) — историк церковного права, византист; профессор Санкт-Петербургского университета (1905–1921); член-корреспондент Академии наук (1924). Ещё до Академического дела арестовывался (1922) и был сослан (1929). А по «делу академиков» получил 5 лет лагеря. Срок отбывал на Печоре до 1933 года. После освобождения вернулся в Ленинград, работал в Публичной библиотеке. Вплоть до нового ареста в 1937 году. Умер в заключении.

учёных с немецкими и итальянскими коллегами были истолкованы как поддержка их заговора со стороны нацистской Германии и Ватикана. После начала военной интервенции против СССР, краеведческие группы на местах должны были «взять власть во избежание анархии»⁶⁹. Резонные возражения вроде того, что «краеведы обычно люди пожилые, совершенно непрактичные, разве они способны справиться с анархией?»⁷⁰ — вызывали у следователей по этому делу только новые приступы агрессии по отношению к «запирающимся заговорщикам».

*Шапёр, чекист, кинематографист, моряк С.С. Дукельский.
По должности в Воронеже — палач краеведов. Фото с сайта obd.teto.ru*

Так из действительно мирных, хотя и не вполне советских по убеждениям краеведов сделали боевиков будущей военной интервенции. Если сравнить с расстрелами первых лет после революции, скажем, боевого офицера Н.С. Гумилёва и его сообщников в 1921 году, то дело краеведов выглядит следующим этапом абсурдизации большевистского террора, переходным к запредельному безумию 1937 года (когда под нож репрессий

⁶⁹ Стоит заметить, что когда в будущем немцы действительно оккупировали многие русские города, то не отбывшие по разным причинам в эвакуацию краеведы (археологи, архивисты, музейные сотрудники) в своём большинстве продолжили свою работу на прежних должностях. Случаев, чтобы они входили в состав оккупационной администрации, мне неизвестно. Кого-то из них репрессировали за «сотрудничество с оккупантами», кого-то нет.

⁷⁰ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 352.

отдали не только всяческих оппозиционеров, но и самих преданных партии чекистов ежовского набора), и, затем, последних лет сталинского режима (когда убийцами объявили даже врачей вместе с биологами-генетиками).

Тем самым советская контрразведка подтверждала тезис И.В. Сталина о «войне классов» по ходу социалистических преобразований сельского хозяйства и культуры в СССР. «... Наши классовые враги существуют. И не только существуют, но растут, пытаюсь выступить против Советской власти»⁷¹, — провозгласил вождь в мае 1928 года. Сигнал к новой волне репрессий прозвучал.

5 ноября 1930 года воронежские чекисты под руководством заместителя начальника («полномочного представителя») ОГПУ по ЦЧО С.С. Дукельского⁷² начали «реализовывать поступивший из центра материал на группу Введенского». Кроме него самого, были обысканы и арестованы А.М. Путинцев⁷³, Г.А. Замятин⁷⁴, В.В. Литвинов⁷⁵,

⁷¹ Цит. по: *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. 2-е изд. М., 1994. С. 218.

⁷² *Семён Семёнович Дукельский* (1892–1960) — сын чиновника. Образование ограничилось тремя классами еврейского училища да частной музыкальной школой. Подрабатывал тапёром в кинотеатрах ряда городов юга России. Как безработный высылался по этапу, скрывался от полиции. С 1915 года призван в армию — рядовым музыкальной команды. Член партии большевиков с марта 1917 года. С 1919 года на службе в ЧК, на южных фронтах. Организовывал красный террор в Крыму. В 1921–1922 годах возглавлял Одесскую губчека. Затем поменял несколько должностей в ОГПУ и хозяйственных организациях. С 1930 года — заместитель полномочного представителя ОГПУ по ЦЧО. Подписал ордера на обыски и аресты краеведов ЦЧО. Рвение по делу краеведов и аналогичным делам принесло ему повышение. С 1932 он стал полномочным представителем, а в 1934–1937 — начальником управления НКВД по ЦЧО, затем по Воронежской области. В 1937 году попал в автокатастрофу, серьёзно пострадал, долго лечился. После ухода из «органов» работал председателем союзного Комитета по кинематографии (Об его работе в этой должности оставил феерические воспоминания М.И. Ромм). В 1939–1942 — нарком морского флота. В 1942–1943 — уполномоченный ГКО по производству боеприпасов на заводах наркоматов боеприпасов и миномётного вооружения СССР по Челябинской области. В 1943–1948 годах — заместитель наркома (с марта 1946 года — министра) юстиции РСФСР. На этой должности написал сотни доносов в различные органы власти, в том числе Сталину с надуманными обвинениями работников юстиции СССР и РСФСР в шпионаже и вредительстве. Был одним из инициаторов массовых чисток органов юстиции в 1948–1952 годах. В связи с усилением паранойи помещён в лечебницу. Продолжал писать доносы на врачей, якобы замышляющих убить его по заданию американской разведки. С 1953 года персональный пенсионер союзного значения. См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999.

⁷³ *Алексей Михайлович Путинцев* (1880–1937) — литературовед, фольклорист, этнограф. Выходец из духовной среды. Закончил Воронежскую духовную семинарию (1901) и историко-филологический факультет Юрьевского университета (1906). До революции учительствовал в школах нескольких городов Центральной России. С 1920 года — преподаватель (доцент, профессор) Воронежского университета. По делу краеведов ЦЧО получил пять лет концлагеря. Отбывал срок на Соловках и в Свирьлаге. После освобождения преподавал в педагогических институтах Орла, Перми, Тамбова.

А.Н. Аверин ⁷⁶, Т.М. Олейников ⁷⁷, В.А. Преображенский ⁷⁸,
Н.М. Беззубцев ⁷⁹, М.Н. Крашенинников ⁸⁰, а неделю спустя —

⁷⁴ *Герман Андреевич Замятин* (1882–1953) — историк, краевед. Сын протоиерея. Выпускник Вятской духовной семинарии и историко-филологического факультета Юрьевского университета, Петербургского Археологического института (1907–1909). Вместе с Юрьевским университетом оказался в Воронеже, где занял должность профессора истории. По делу краеведов ЦЧО получил 3 года концлагеря. Освобождён досрочно в 1933 году. С 1928 года работал в Перми, в Молотовском университете. Защитил докторскую диссертацию в МГУ по истории русско-шведских отношений.

⁷⁵ *Василий Васильевич Литвинов* (1871–1943) — учитель, библиограф, краевед. Из рабочих. Окончил учительское училище. Главный хранитель Воронежского краеведческого музея (с 1910 года). Репрессирован по делу краеведов ЦЧО — 5 лет лагерей. В 1934 году досрочно освобождён. Потом работал в Воронежском управлении статистики.

⁷⁶ *Александр Николаевич Аверин* (1868– после 1941) — журналист. Из мещан. Окончил Воронежское уездное училище. Работал полиграфистом в типографиях. После революции — конторщиком в губернских организациях. По делу краеведов ЦЧО получил 10 лет концлагеря. Освободился в 1938 году. После освобождения жил в городе Мичуринске Тамбовской области.

⁷⁷ *Тихон Митрофанович Олейников* (1883 – после 1941) — учитель, архивист, музейный работник. Из духовенства. Закончил Воронежскую духовную семинарию, Петербургскую духовную академию, Петербургский Археологический институт. После революции работал в Воронеже сотрудником архива и музея. По делу краеведов ЦЧО получил 5 лет лагерей. После отбытия наказания работал учителем средней школы в городе Семилуки.

⁷⁸ *Виктор Алексеевич Преображенский* — выпускник университета; с 1912 года преподаватель истории и географии Орловского Александринского института благородных девиц; после революции сотрудник журнала «Краевед ЦЧО» (1930). Единственный отпущенный по делу краеведов ЦЧО без наказания.

⁷⁹ *Николай Максимович Беззубцев* (1885–1957) — искусствовед, художник-кукольник. Уроженец Воронежа. Из мещан. Окончил Воронежское реальное училище. Учился в Константиновском межевом институте. Служил в конторе Юго-Восточных железных дорог. Хранитель музея изящных искусств и восточных древностей Воронежского университета, сотрудник губернского музея краеведения, член губернского общества краеведения. В 1925 году при месткоме и секции научных работников ВГУ им был организован «Театр Петрушек». Ставили сценки из жизни местного комитета ВГУ, «Женитьбу» Н.В. Гоголя, оперу К.А. Корчмарёва «Бунт кукол». Впоследствии театр стал профессиональным.

По делу краеведов ЦЧО получил 5 лет концлагеря. Работал на строительстве Балахнинского комбината. В декабре 1934 года был освобождён из Темниковского лагеря и возвратился в Воронеж. Художественный руководитель театра кукол при Молодом театре (1934–1938). Художник-керамист промышленной артели на станции Латная (с 1938). Во время Великой Отечественной войны в Воронеже сгорели библиотека, коллекция кукол и игрушек Беззубцева. Затем режиссёр и художник Оренбургского кукольного театра (1947–1955). С 1955 года жил в ленинградском Доме ветеранов сцены.

⁸⁰ *Михаил Никитич Крашенинников* (1865–1932) — филолог-классик. Уроженец Великого Новгорода. Из крестьян. Профессор кафедры классической филологии и истории литературы Юрьевского университета, вместе с которым переместился от германской и гражданской войн в Воронеж (1918). Получил классическое образование: окончил Кронштадтскую гимназию (1883) и историко-филологический факультет

С.Н. Шестову⁸¹, В.А. Долгополова⁸². Все они якобы «путём организованных контрреволюционных действий подготавливали свержение Советской власти, имея в виду установление конституционного монархического образа правления при помощи иностранной интервенции и восстания внутри СССР»⁸³.

План советской контрразведки в этом деле ясен: доказать существование ещё одной крупной антисоветской организации среди старой интеллигенции. В одной из единиц хранения архивной коллекции по делу краеведов (с обвинительным заключением по всему делу) имеется фотокопия графической «Схемы Воронежской монархической организации "Краеведы"»⁸⁴. Должно быть, педант С.С. Дукельский⁸⁵ демонстрировал её начальству для наглядности при отчётах об этом деле. Таблица выглядит так.

Петербургского университета (1887). В Воронеже одновременно профессор местного отделения Московского археологического института (1920–1922). Председатель Воронежского отдела Общества по исследованию памятников древности имени А.И. Успенского (1920–1923). В 1929 году, после открытого заседания в ВГУ, на котором был подвергнут публичному допросу перед пролетарским студенчеством и общественными организациями, уволился из университета. Осенью 1930 года был арестован местными органами ОГПУ по обвинению в участии в контрреволюционной монархической организации (так называемое «Дело краеведов»). В июне 1931 года судебная коллегия ОГПУ приговорила профессора к 5 годам концлагеря. Специалист мирового уровня умер в Семипалатинском исправительно-трудовом лагере.

⁸¹ *Софья Николаевна Шестова* (1876 – после 1934) — уроженка Тверской губернии. Из семьи народных учителей. Окончила гимназию в Царском селе (1894). Училась на археографическом факультете Воронежского отделения Московского археологического института (1920–1922). Учитель земской школы в Корчевском уезде Тверской губернии (1894–1906). Работала в редакциях газет, книгоиздательстве, музее (Ярославль, 1906–1913). С 1913 года в Воронеже. Член Ярославской и Воронежской губернских учёных архивных комиссий. Сотрудник губернского музея (1914–1919), одновременно (до 1918 года) работала в редакции «Воронежского телеграфа». Архивариус губернского архива (1919–1921), хранитель рукописного отдела губернского музея (1921–1925). Занималась разбором и описанием документов XVII–XVIII веков, на основе которых подготовила ряд докладов и статей в местной прессе. Библиотекарь облплана, губернского исполнительного комитета, Ветеринарного института (1925–1930). Приговорена к 5 годам концлагеря.

⁸² *Владимир Алексеевич Долгополов* (1874 – ?) — учитель истории. Из семьи священника Воронежской губернии. Закончил Воронежскую духовную семинарию (1896), Киевскую духовную Академию (1901). Затем преподаватель духовных училищ и семинарий, включая воронежскую. Член тамошнего церковно-археологического комитета. После революции работал в Воронежском железнодорожном техникуме. По делу краеведов ЦЧО получил 3 года концлагеря.

⁸³ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 1. Л. 1.

⁸⁴ Там же. Ч. 8 б. Л. 19.

⁸⁵ Вот уморительная сценка знакомства кинорежиссёра Михаила Ильича Ромма с новым министром кинематографии: «Новый человек – Семён Семёнович Дукельский. Кто такой? Из органов, говорят. Уполномоченный по Воронежу. Ну, а какое же он отношение имеет к искусству? В молодости, говорят, был тапёром, в кинотеатре играл на рояле. – Значит, имеет музыкальное образование? Интересно. – Да нет, говорят, музыкального

«Всенародный Союз борьбы за возрождение России

г. Ленинград

Академик Платонов; секретарь Археографической комиссии Андреев

Академия наук

Москва

В.С.Б.

Академик Богословский ⁸⁶

Москва

ЦБК

проф. Богданов, Григорьев, проч.

Введенский

Олейников Литвинов

Путинцев

ЦЧО Воронеж

Обл. центр к.-р.

монарх. орг.

Группа военных (5); группа учителей (9); группа ВГУ (9); Обл. краев. об-во
(6);

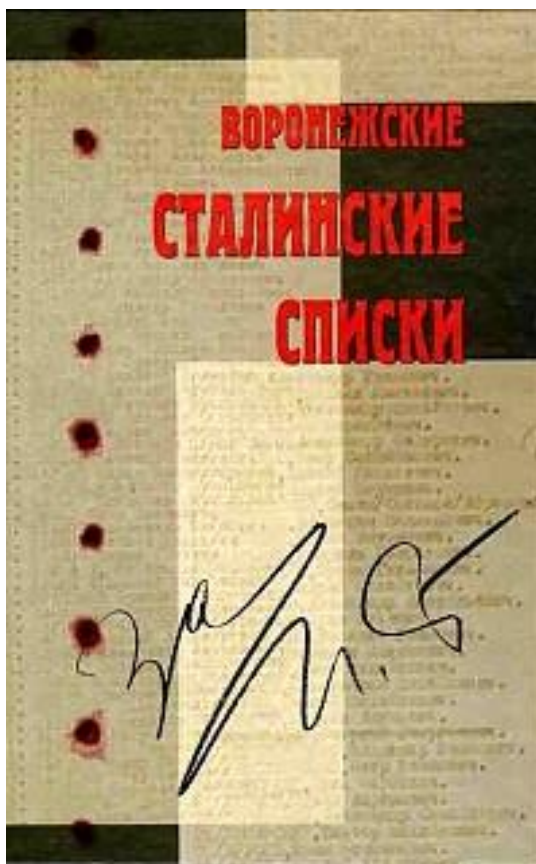
Краев. музей (4); Никитинский музей; группа церковников (4); фото об-во
(2);

ОМИХР (3)

образования у него нет, одним пальцем играл где-то в провинции, в маленьком городишке. А пришёл он наводить порядок. Порядок будет наводить. – А-а, ну посмотрим, что это за Семён Семёнович Дукельский, бывший тапёр, который пришёл из органов к нам наводить порядок. Проходит дня два – звонок мне. Секретарша говорит: – Семён Семёнович просит вас завтра в два часа явиться к нему. Ну, естественно, завтра ровно в два я как штык. Секретарша идёт к нему докладывать. Выходит человек, высокий, костлявый, в синих бриджах и сапогах, в синей гимнастерке, плечи такие острые. Туловище поворачивается вместе с головой. Рот, когда улыбается, кривит. Брит наголо. Голова, как яйцо, – большая, длинная. Уши торчат, и очки тёмные. На Победоносцева смахивает; длинная шея с кадыком. И голова ворочается вместе с туловищем. Первое впечатление довольно зловещее. Глядит на меня: – Вы кто? Я говорю: – Я Ромм, кинорежиссёр, вы меня вызвали. – Когда? Я говорю: – В два часа. – А сейчас сколько? Я говорю: – Два часа. – Четырнадцать! Четырнадцать! Два часа – это ночью бывает, а днём бывает четырнадцать. Вы это на всякий случай усвойте, товарищ режиссёр. Вы, творческие работники, к порядку не привыкли, а будет порядок. Днём – четырнадцать часов, ночью – два часа» (*Ромм М.И.* Устные рассказы. М., 1989. С. 156).

⁸⁶ Как отмечалось выше, М.М. Богословский умер в апреле 1929 года вскоре после кратковременного ошибочного ареста (чекисты спутали его с однофамильцем, бывшим белым офицером), а на следствии по Академическому делу из него сделали главу московского филиала «организации» «В[сенародного] С[юза] Б[борьбы...]».

Задонская группа; Липецкая группа (3); Острогожская группа (5);
Тамбовская группа (14); Орловская группа (9); Курская группа (4);
Старо-Оскольская группа (5)»

Воронежские сталинские списки. Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области. В 2 т. / Под общ. ред. В. И. Битюцкого. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2006. Т.1. 280 с. Т. 2, 2007. 256 с.

Уголок фотографии, где было указано, кто составил схему, в архивном деле оторван (видимо, кем-то из предусмотрительных чекистов, когда прошли сталинские времена). Как видно уже из этой схемы, «нити академического заговора» якобы распростёрлись из Ленинграда и Москвы в Воронеж как культурную «столицу» ЦЧО, а уже оттуда во все основные города региона. Везде арестовали краеведов (выборочно), а в Воронеже ещё и представителей других учреждений и общественных групп, которые будто бы готовились вместе свергать советскую власть. Среди них бывшие дворяне, офицеры, чиновники, чины полиции, купцы, священнослужители — независимо от того, чем они занимались к моменту ареста; фотографы, музейные и научные работники, преподаватели; а также лица гораздо более прозаичных профессий, вплоть до сторожей и безработных. Личные знакомства, нередко случайные, превращались в глазах следствия в свидетельства организации заговора. Так «контрреволюционная организация» выросла почти до сотни членов. Единственным доказательством её существования для чекистов могли стать и стали личные

признания обвиняемых. Перед нами явная репетиция 1937 года (как символа максимального террора): наркомат внутренних дел задаёт органам на местах аланы на аресты «врагов народа», а те рвутся заданные цифры перекрыть. Узнать множество фамилий «врагов народа» можно только из показаний арестованных ранее — тогда вина всех окажется априорной: раз знаком, общался, сотрудничал с уже признавшимся врагом, значит, и сам враг...

СТРОГО СЕКРЕТНО **ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.** 185
Снятие копий воспрещается (Пост. ЦБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)
Кому послана *Решено* (Пост. Ц. Б. № 54 п. 487)
25.1.32.

ШИФРОВКА

Из КИРОВА отправлена 17-20 21.X. 1937 г. Поступила в ЦК ВКП
на расшифрование 21.X. 1937 г. ч. 19 м. 50 Вх. № 2320/Ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ.

В результате операции по первой, второй категориям в области вскрыты свыше 70 различных активно действовавших кулацких, белогвардейских, церковно-сектантских организаций, групп. В частности выявлена значительная засоренность на железнодорожном транспорте, где подлежат изъятию свыше 500 человек белогвардейско-кулацкого элемента.

Прошу об увеличении лимита по первой категории дополнительно на 300 человек, второй категории дополнительно на 1000 человек.

Секретарь обкома РОДИН.

Расшифрована 22.X. 1937 г. в ч. 10 м. 00 Напечатано 4 экз. Чечулин, Подпись
НК

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ.

1. Шифротелеграмма должна храниться только в секретных хранилищах.
2. При ссылках на текст шифротелеграмм указывается, что цитируемый текст получен шифром, также воспрещается указывать и номера шифровок.
3. Ответ на шифровку посылается также в шифрованном виде, текст передаваемого шифром сообщения составляется коротко и ясно: пишется только в одном экземпляре, который и передается на шифрование.

*Кровавый правитель Сулла (бессрочный диктатор «для написания законов и укрепления республики») отдыхает. Советские списки проскрипций 1937 года.
Скан документа из Особой папки НКВД на сайте Rusland.mirtesen.ru*

Когда «дело академиков» дотянулось до Воронежа, С.Н. Введенский, как и Булгаков в Курске, к тому времени был уже «вычищен» как «социально чуждый элемент» со всех своих должностей, кроме заведования библиотекой Воронежского университета. На первых, ноябрьских допросах он держался стойко, обвинения в антисоветском заговоре отметал, «твёрдо надеялся

довести свою реабилитацию до конца». Заявлял об отсутствии у него «монархических симпатий» и «мечтаний о какой-либо интервенции». Объявляя себя учеником В.О. Ключевского (по Московской духовной академии), отрешивается от влияния петербуржца С.Ф. Платонова ⁸⁷. Вполне резонно обращает внимание следователей, что у него, небогатого человека, без земли и капиталов, «весь свой век жившего своим трудом», нет причин ждать реставрации царизма, а тем более её готовить. «Я много лет жил мыслью о работе в университете, но только при Советском строе это желание могло осуществиться и 10 лет своей преподавательской деятельности в Воронежском университете я считаю самой счастливой порой своей жизни» ⁸⁸.

*Выставка к 120-летию Н.М. Беззубцева в Воронежском государственном университете.
2005 год. С сайта ВГУ.*

⁸⁷ В действительности, уже зрелым исследователем он неоднократно обращался к Платонову за консультациями и вообще научной поддержкой. Тот дал на работы Введенского следующий лестный отзыв: «У автора нет объёмистых книг типа диссертаций, но его многочисленные статьи по русской истории составят в общей сложности несколько томов значительной научной ценности» (Цит. по: *Акинъшин А.Н.* Трагедия краеведов // *Русская провинция.* Воронеж, 1992. С. 215).

⁸⁸ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 1. Л. 157 об.

На вопросы о «связях с краеведами, живущими и работающими в разных местах ЦЧО», отвечал правду: «В Курске знал краеведа Молчина (партийный, бывший заведующий музеем); видел его однажды в Воронеже, у себя в квартире, причём весь вечер мы провели в беседе, обмениваясь сведениями о постановке краеведческой работы вообще и в нашем крае. Другой курский краевед Булгаков стал мне известен с 1924 г., со времени II Всесоюзной краеведческой конференции в Москве, где мы присутствовали оба в качестве делегатов. С 1930 г. Булгаков переселился в Воронеж, и я видел его однажды здесь, в библиотеке университета; он ко мне обратился как к заведывающему [так писали тогда — С.Щ.] этой библиотекой; за статистическими справками по ЦЧО. Кроме обычных разговоров на краеведческие темы, мы иных каких-либо разговоров [не вели], ни более близкого знакомства у меня с Булгаковым не было.

С.Н. Введенский.

Портрет на сайте «Воронежский исторический форум».

В Рыльске знаю зав. музеем т. Репину, с которой встретился в Москве в 1924 г., видел её несколько раз в Воронеже, на краеведческих конференциях, переписывался с нею по краеведению и литературным вопросам; знаю её как человека, искренне преданного музейному и краеведческому делу, а в политическом и общественном отношении как вполне лояльную и всецело отдающуюся строительству новой жизни»⁸⁹.

⁸⁹ Там же. Л. 153–153 об.

Вот — это правильные, продуманные показания честного и мужественного человека. К сожалению, «в несознанке», как говорят уголовники, Введенскому удалось продержаться месяца два. Ещё 23 января он «запирается» на допросе, отрицая антисоветский характер своих дружеских отношений с коллегами по краеведческому обществу В.В. Литвиновым⁹⁰, Т.М. Олейниковым⁹¹, А.М. Путинцевым⁹²: «Могу только твёрдо сказать — я и сам не вёл с ними каких-нибудь антисоветских разговоров, равно как и не слышал их ни от кого из присутствовавших» на собраниях краеведов.

Затем методы следствия сделали своё чёрное дело. Что-то произошло за очередные сутки пребывания Введенского в камере. После чего он, что называется, сломался — «не остался в долгу перед Платоновым» и на допросах 25–26 января 1931 года продолжил роковую эстафету клеветнических признаний. Сначала «бумерангом» переадресовал академику обвинение в плетении заговорщицкой сети. Якобы «обратив [Археографическую] комиссию в штаб своего контрреволюционного союза, Платонов решил и Воронежский филиал [её] обратиться в одно из своих отделений»⁹³. Кроме Платонова, «глава воронежского центра» показал на нескольких учёных, преимущественно историков, ленинградцев, — С.И. Тхоржеского, С.К. Богоявленского⁹⁴, И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, А.И. Андреева; натуралиста академика А.Е. Ферсмана⁹⁵, и на москвича, академика М.М. Богословского⁹⁶. «Их человеком» являлся будто бы и

⁹⁰ *Василий Васильевич Литвинов* (1873–1941) — уроженец станицы Новохопёрской. Выпускник Воронежской учительской семинарии (1891). Работал сельским учителем. С 1910 года — сотрудник Воронежского музея, главный хранитель. После революции — в статистическом бюро. Автор ряда работ по региональной библиографии и истории. По делу краеведов ЦЧО получил 5 лет концлагеря. В 1934 году досрочно освобождён. Затем работал в Воронежском управлении статистики.

⁹¹ *Тихон Митрофанович Олейников* (1883 – после 1936) — родом из Острогожского уезда Воронежской губернии, сын священника. Получил богословское образование. С 1910 года преподавал в Воронежской духовной семинарии. Председатель Воронежского церковно-археологического комитета. Редактор «Воронежской старины». После революции служил в архивном бюро, краеведческом музее, на рабфаке Воронежского университета.

⁹² *Алексей Михайлович Путинцев* (1880–1937) — уроженец Коротоякского уезда Воронежской губернии. Из семьи сельского священника. Выпускник Духовной академии и историко-архивного института. Литературовед, этнограф, фольклорист. С 1920 года — профессор кафедры русской литературы ВГУ; с 1924 — ещё директор Дома-музея И.С. Никитина.

⁹³ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 1. Л. 6.

⁹⁴ *Сергей Константинович Богоявленский* (1872–1947) — историк, археограф, архивист; член-корреспондент АН (1929). Женат на сестре М.М. Богословского Марии Михайловне (1871–1949).

⁹⁵ *Александр Евгеньевич Ферсман* (1883–1945) — геохимик и минералог, академик (1919); вице-президент АН (1927–1929). Член президиума Центрального бюро краеведения.

⁹⁶ *Михаил Михайлович Богословский* (1867–1929) — историк, академик (1921).

попавший из мест предыдущего заключения в Курск историк, бывший полковник старой армии Г.С. Габаев⁹⁷.

*В.В. Литвинов с семьёй. Фото на сайте Н.А. и Э.В. Комоловых.
У всех проглоченных ГУЛАГом узников оставались родные и близкие люди,
осиротевшие и обездоленные на всю оставшуюся жизнь.*

Александр Игнатьевич Андреев якобы в 1927 году в Москве, на III Всероссийской конференции по краеведению, сообщил воронежскому делегату «в кратких чертах о намерении Платонова использовать меня, как близкого к нему по научной работе человека, для проведения в Воронеже идей формируемой им монархической организации. Предложение Платонова я принял и просил передать ему моё согласие и надежду на то, что по мере возможности буду действовать»⁹⁸.

⁹⁷ *Георгий Соломонович Габаев (1877–1956) — военный историк. Военный историк. Ветеран Германской войны. С 1918 года сотрудник Центрархива. С 1926-го по 1937 годы — в заключении, с недолгим перерывом жительства в Курске. С.Ф. Платонов якобы прочил его на роль «военного министра» в своём будущем демократическом правительстве новой России. После освобождения жил в провинции.*

⁹⁸ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 1. Л. 69.

Дальше — больше. С.К. Богословский в том же 1928 году будто бы уже сообщает «завербованному в монархисты» Введенскому «план подготовки к перевороту». В неё, оказывается, уже вовлечены «городская интеллигенция, молодёжь, крестьянство и духовенство». «Используются для этого все возможности, как легальные, так и нелегальные, как-то научные общества, кружки, вузы и т.д.».

В свою антисоветскую «группу» Введенский зачисляет многих знакомых воронежцев — коллег-преподавателей, студентов, врачей, фотографов, пенсионеров...

Уровень зла растёт от допроса к допросу. Психологически надломленный человек под явную диктовку чекистов не только выдаёт на расправу отдельных коллег и вообще посторонних краеведению людей, но и ставит под удар всё краеведческое движение страны и, прежде всего, Чернозёмной области. «Равным образом, столь же удачно выбран был Платоновым для его цели и фронт краеведческих обществ. Обнимая в своём составе старых педагогов, ответственных чиновников — пенсионеров разных ведомств, бывших служащих земства, статистических комитетов, архивных комиссий и подобных им лиц, краеведческие общества содержат в себе много социальных элементов, чуждых советскому строю, а иногда прямо ему враждебных. Таким подбором членов, между прочим, в сильной степени страдают и краеведческие организации ЦЧОобласти, в городах которой, особенно в Воронеже, было много контрреволюционных и антисоветских элементов и объектов старого общественного строя, что способствовало быстрому развитию и укреплению идей контрреволюционной монархической организации...»⁹⁹ Так что «под прикрытием научной работы проводилась антисоветская работа...» Её целью было «уничтожение сов. строя и замена его буржуазно-демократической республикой»¹⁰⁰ (эта последняя нестыковка с навязчивыми обвинениями в «монархизме» всех старых краеведов чекистов не смущала — всё антисоветское они валили в одну кучу).

Далеко не все *арестованные по делу краеведов* лица могли выглядеть социально чуждыми советскому строю. Среди них немало простых, вовсе безграмотных или слабообразованных людей, представителей массовых профессий, самых примитивных занятий — конторщиков, архивариусов, сотрудников почты, рядовых преподавателей, счетоводов, библиотекарей, продавцов, фотографов, сторожей, безработных и тому подобной в глазах «истинных пролетариев» «шушеры». Вся их «вина» (на самом деле, беда) состояла в знакомстве, нередко случайном и шапочном, с представителями краеведческих обществ, музеев, учебных заведений, академических институтов. Для следственного спектакля, разыгранного чекистами, это статисты, массовка. С тем большим рвением палачи-контрразведчики

⁹⁹ Там же. Л. 6–7.

¹⁰⁰ Там же. Ч. 8 б. Л. 160–160 об.

выискивали в показаниях арестованных малейшие намёки на любые «чуждые» факты их биографий. Такие обстоятельства были подчёркнуты в обвинительных заключениях по делу краеведов. А именно, социальное происхождение, общественный статус, род занятий, наличие недвижимости: «из духовных; имеет собственный дом» (Г.И. Булгаков); «дочь попа, имеет собственный дом» (Н.И. Пузанова); «бывший капитан штаба Особой армии» (М.А. Рязанцев); «бывший торговец, нумизматик» (Т.А. Горохов); и прочая, и прочая в том же фантазмагорическом духе. Попутно замечу, что, как ни трагичны судьбы «брошенных волкам» из ЧК замечательных русских людей, как ни жаль, что ни за что, ни про что поубивали нужных стране специалистов, ещё печальнее, на мой взгляд, та ужасающе нелепая идеология, которая легла в основание абсурдных обвинений и надолго овладела умами значительной части населения СССР, а значит и современной России. «Иметь собственный дом», «служить офицером на войне своей страны с её врагами», «торговать чем-то» (в не тачать болванки у станка), «верить в Бога», «ездить за границу для учёбы или отдыха» — вот что коммунисты объявили преступлениями перед народом. Как этот самый народ будет жить без семейного жилья, без профессиональной армии, без торговых «точек» и храмов, без международных обменов — в это коммунисты не вдавались. И не покаются в этой своей кровавой утопии до сих пор.

К «внутреннему врагу» чекисты, как видно, должны были добавить врага внешнего. Сломленный безжалостным следствием Введенский охотно обращает их внимание, что в Воронеж-то был эвакуирован в годы Мировой войны Юрьевский, бывший Дерптский университет, «бывший настоящим немецким университетом». Немецкая речь де в преподавательских комнатах звучала не реже русской. Те преподаватели, кто по обмену опытом ездили в Германию, Болгарию и Италию, «знакомились с ролью фашистских организаций для целей интервенции против СССР». Так к набору априорного компромата прибавилось знание иностранных языков.

Введенский поддерживает версию чекистов о борьбе между «реакционными краеведами» и «лояльной к Советам частью обществ» краеведов, о поражении последней. На себя Сергей Николаевич брал роль руководителя воронежского филиала платоновского «Союза борьбы за возрождение свободной России». А чтобы «союз» действительно казался «всенародным», у «воронежского центра» должны были появиться собственные филиалы в бывших губернских и даже уездных городах. Так меч политической контрразведки был занесён над краеведами соседних с Воронежем регионов.

ОТДЕЛ

Курский Омерский

к делу №

уч. регистр.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

19 31 г. февраля мес. 8 дня, я Уполномоченный
Омерский ОГПУ Брунелевский допрашивал в качестве
обвиняемого (он) гражданина (ку) Рязанцева Михаила
свидетеля (ницы) Алексеевича
и на первоначальные предложенные вопросы он (а)
показал (а)

1. Фамилия Рязанцев
2. Имя, отчество Михаил Алексеевич
3. Возраст (год рождения и месяц) 1879.
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство) из крестьян с. Сирелеужки, Курской у и губернии, р. с. м. п., р. с. ф. с. р.
5. Место жительства (постоянное и последнее) г. Курск. Селеновская д. № 4.
6. Род занятий (последнее место службы и должность) секретарь Общественного Краснения и преподаватель ИЗО педтехникума.
7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время) женат, жена Ольга Павловна - 46 лет - домохозяйка, дети: сын Александр - 19 лет, работает по употреблению - брат Павел - г. Москва, род занятий не знаю.
8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников, подвергался ли раскулачиванию и когда) до революции: у отца и матери ничего не было, у брата Николая (ученик) было небольшое хозяйство. Я лично ничего не имел.
9. Сколько платил сельхозналога (1929—30 г. и 1930—31 г. если торговец—указать количество промналога)

10. Образовательный ценз (первонач. образование, средняя школа, высшая, специальная, где, и когда и т. д.) Курская духовная семинария - 4 класса, с. Петербургское юнкерское училище - 3 года, работал в сродии ИЗО г. Харьков.

11. Партийность и политические убеждения б/п. В полит. партии не состоел.

12. Сведения о лишении изб. прав (когда и за что) не имел.

13. Где жил (а), служил и чем занимался (лась): а) до войны 1914 г. до 1906 года учился. с 1906 - 1914 г. - адъютант батальона старой армии -

б) с 1914 г. до Февральской революции 17 года 1914-1917 - сол. армия - полковой адъютант. В 1916 - 1917 - сол. армия полковой адъютант без получения знака Особой армии - капитан.

в) где был (а), что делал (а) в Февральскую революцию 17 г., принимал (а) ли активное участие и в чем оно выразилось в штабе Особ. армии. Участие в революции не принимал.

г) с Февральской революции 17 г. до Октябрьской революции 17 г. там же

д) где был (а), что делал (а) в Октябрьскую революцию 17 года там же.

е) с Октябрьской революции 17 г. по настоящий день 1918 - 1919 для получения прикомандирован к командиру по передвижению М. К. В. ш. 8. пол. и директору фабрики - 1919 - уволен поехал в Москву. В белой армии не был и (или) не участвовал. 1920 - Москва и Туркестан - затем курс. с 1922 - 1931 г. курский курс.

14. Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее) не судим

15. Отношение допрашиваемого свидетеля к обвиняемому —

16. Отношение к военной службе снят с военного учета

17. Служба родственников в кр. армии и флоте (кто, когда, где и в какой должности) не имел

18. Сведения о высланных родственниках (кто, когда, куда и почему выслан) не имел.

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого)

(подпись допрашиваемого)

М. А. Рязанцев

Протокол допроса М. А. Рязанцева 8 февраля 1931 года. ГАОПИ Воронежской области.
Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 15-15 об. +

Полномочное Представительство ОГПУ по ЦЧО.

ОТДЕЛ Курский оперсектор к делу № уч. реестр.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1930 г. февраль мес. 9 дня я Умолотенко Курск. оперсектор ОГПУ Бунычев допрашивал в качестве обвиняемого (ой) свидетеля (ницы) гражданина (ку) Корохова Алексея Ивановича и на первоначальные предложенные вопросы он (а) показал (а)

1. Фамилия Корохов
2. Имя, отчество Алексей Иванович
3. Возраст (год рождения и месяц) 1879 г. май.

4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство) Из кр-н с. Семеновки, Щигровского уезда, Курской губ., русский, р-р опер-изобр. прав не имеет
5. Местожительство (постоянное и последнее) г. Курск, Мараша х 20 кв 7.

6. Род занятий (последнее место службы и должность) Мультимаст Краеведческого музея.

7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время) жена Антонина Николаевна 59 г. - дом. хоз. Дети: Николай - 28 л - делопроизводитель Щигровской МТС; Федор - 26 л - слесарь Экипона; Иван - 23 л - учитель с. Заозеро, Медвенск. р-на; Клавдия - 20 лет - медсестра в школе.
8. Имущественное положение (до и после революции) допрашиваемого и его родственников, подвергался ли раскулачиванию и когда) до революции - Тимошевский печатник. После не имел и не имел.

9. Сколько платил сельхозналога (1929-30 г. и 1930-31 г. если торговец - указать количество промналога) нет.

10. Образовательный ценз (первонач. образование, средняя школа, высшая, специальная, где, и когда и т. д.) камауша. 2 годичные курсы по мультимастике в г. Москве.

11. Партийность и политические убеждения б/п. В политику не вступал.

12. Сведения о лишении изб. прав (когда и за что) с 1927 по 1928, был лишен избир. прав, или disfranchisement. В 1928 восстановлен.

13. Где жил (а), служил и чем занимался (лась): а) до войны 1914 г. 1887-1888. Габрак помещика. 1889-1918 в семье родителей маэстрин Владышев в г. Курене, Могилеве и Киеве - педагогом
б) с 1914 г. до Февральской революции 17 года

в) где был (а), что делал (а) в Февральскую революцию 17 г., принимал (а) ли активное участие и в чем оно выразилось

г) с Февральской революции 17 г. до Октябрьской революции 17 г.

д) где был (а), что делал (а) в Октябрьскую революцию 17 года

е) с Октябрьской революции 17 г. по настоящий день

14. Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее) арестовывался в 1914г. Указом в г. Курене к подозреваемому в сношениях с иностранцами - евреям в их защиту освобожден. В 1920 году арестован Куренск. судом и освобожден.

15. Отношение допрашиваемого свидетеля к обвиняемому

16. Отношение к военной службе не был в чине.

17. Служба родственников в кр. армии и флоте (кто, когда, где и в какой должности) нет.

18. Сведения о высланных родственниках (кто, когда, куда и почему выслан) нет.

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого)
(подпись допрашиваемого) Горохов

Протокол допроса П.А. Горохова 9 февраля 1931 года.
ГАОПИ Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 20-29 об.

На дальнейших допросах Введенский детализировал свою версию подрывной работы краеведов. Те, «будучи разгромлены в своей частной жизни» революцией, снова объединились «под покровом общественной или научной организации». Так краеведческие общества, музеи, учебные заведения превратились в резиденции «антисоветского настроения»¹⁰¹. Оформление в ЦЧО отделений «Всенародного Союза» относится им «к средним месяцам 1928 г.». Двух лет существования «контрреволюционной организации во главе с контрреволюционным центром в Воронеже» хватило для создания «широкой сети ответвлений ... по городам ЦЧО». В состав «сети» Введенский, не мудрствуя лукаво, включил, надо думать, всех лично знакомых ему коллег, а тем центрам Черноземья, где знакомых у него не оказалось, выделил цифру общей численности «контрреволюционеров». Получилась действительно разветвлённая сеть. Она и определила топографию и персоналии дальнейших арестов по делу краеведов.

В таком же смертоубийственном контексте Введенским упоминаются Рязань, Тверь, Кострома, Владимир «и другие города», краеведы которых якобы входили в «сеть». Ну, и, наконец, «город Курск: Булгаков (из духовной академии, ныне в Воронеже); Горохов, Рязанцев и Пузанова Н.И., родственница Булгакова, подруга Н. Платоновой;

гг. Рыльск – Льгов: Репина Софья Константинова, дочь генерала (а ещё, между прочим, внучатая племянница Ильи Ефимовича Репина, как никак эмигранта из Советской России — С.Щ.); Андреев, Марков и Субботина;

гор. Дмитриев: Волобуев, Коротких;

Острогожск — 3; Липецк — 2;

Задонск — ?;

Орёл — 5;

Тамбов — Черменский Пётр Николаевич, ныне секретарь Бюро по изучению производительных сил при Облплане ЦЧО;

Борисоглебск — 2;

Старый Оскол — Рождественский Николай Михайлович»¹⁰².

Арестованному и морально подавленному историку разночинцу не составило труда обосновать особую «контрреволюционность» этого региона: «Центрально-Чернозёмная область как территория ярко выраженного крепостного помещичьего хозяйства, после революции 1905–1906 гг., сделалась оплотом самых крайних монархических организаций (Тамбов, Курск), которые руководились помещиками, духовенством, педагогами и т.п. ... Связанные одинаковыми антисоветскими настроениями, эти люди мечтали о том, что скромные краеведческие ячейки сыграют известную роль в благоприятный момент для активных антисоветских выступлений»¹⁰³.

¹⁰¹ Там же. Л. 9.

¹⁰² Там же. Л. 15.

¹⁰³ Там же. Л. 125.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

18-го Марта, 1931г. допрошенный Уполномоченным Секретного Отдела III ОГПУ по ЦЧО т. КУШНИР, я, БУЛГАКОВ Георгий Ильич, показал:

По своему происхождению (сын священника), образованию (духовная академия) и дореволюционной службе (преподаватель духовной семинарии с 1907 по 1918г.) я вступил в советскую школу и в советскую общественность из той среды, в которой черты старого монархического строя были особенно ярко выражены. И в моей дореволюционной литературной работе есть моменты, доказывающие, что я проводил монархические идеи. Так, например, в 1913г. мною был написан и опубликован доклад о пожертвованиях царей церквям и монастырям Курского края, где я говорю о положительном значении этих подарков.

Равным образом, мне с детства были привиты церковнические настроения, с которыми я вступил и в революционные годы, участвуя в духовном комитете, в епархиальных с'ездах, в церковном соборе, как автор труда о церковных соборах, епархиальном совете и богословской школе, вплоть до 1922г., а также приходском совете до 1924г.

Эти две черты - солидарность с монархической средой и работа с церковниками в первые семь лет революционного времени дают вполне определенную окраску моего политического монархического лица, как косного в усвоении подлинной программы советского социалистического строительства. Подтверждением этого служит и тот факт, что в моем современном мирозерцании идеалистическая черта - элементы религиозной веры - не изжиты.

Мое прошлое - мои монархические убеждения давали те или иные отголоски в моей практической работе, например: обход антирелигиозного разреза в краеведческой работе, недостаточная четкость классовой линии в организационно-методи-

ческих статьях и руководстве, старо-культурнический церковный уклон в моих краеведческих печатных трудах, незаконченность моих производственно-краеведческих трудов (рукопись для второго издания "Природы и экономики ЦЧО", рукописи рабочих книг 3 и 4 годов обучения школ ЦЧО и 5 года обучения по географии).

Самое же главное: отмеченные выше две черты моего политического лица дали полное основание контр-революционной монархической организации, возглавляемой быв. доцентом ВВЕ-ДАНСКИМ и др., рассчитывать на меня, как на человека, близкого к ним по идеологии, а поэтому я и творил отчасти то, что могло вредить и вредило правильному развитию краеведческого движения и, таким образом, выполнял некоторые вредительские и контр-революционные цели контр-революционной организации. —

Переживаемое мною тяжелое потрясение от сознания совершенного преступления и участия в к.-р. группе Курского краеведческого общества пробудило во мне чувство искреннего раскаяния 1/ в том, что я, как методист-краевед Курского края, не был на должной высоте своего звания и недостаточно учитывал возможность вредительского влияния на мою деятельность; 2/ в том, что я недостаточно активно работал над своей переподготовкой для краеведческой работы, в духе директив партии и Соввласти; 3/ в том, что я приносил вред трудящимся, затемняя их сознание монархическими идеями; 4/ в том, что я приносил вред трудящимся своей церковнической работой и проч.

Раскаиваясь во всем этом, прошу Соввласть смягчить заслуженное мною наказание и дать мне возможность честной работой загладить свои перечисленные преступления.

Писал собственноручно Г. БУЛГАКОВ?

ДОПРОСИЛ: Упол.СО III (КУШНИР)

В е р н о :

*Протокол допроса Г.И. Булгакова 18 марта 1931 года.
ГАОПИ Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 61–62.*

Читая все эти документы из архива ОГПУ–КГБ–ФСБ, хочется то и дело вскричать: остановись; ну, пожалей хоть кого-нибудь; ну, не вспоминай, что кто-то из твоих знакомых «дочь генерала» или «магистр богословия». Ну что

тебе стоит спасти хоть кого-то... Тщетные сожаления. Изошрённый в науке, но морально очищенный пытками мозг выискивает абсолютно все поводы для того, чтобы убили твоих невинных знакомых. Вся их вина — в знакомстве с тобой, товарищ Введенский. Выдав чекистам своих друзей и коллег поголовно, подследственный бедняга вынужден был придумывать их конкретные повинности. Антисоветчики-медики якобы не лечили пациентов «в целях создания недовольства среди населения». Задолго до ужасного «дела врачей», большевики, должно быть, боялись докторов, меряя их мораль по своей, бессовестной. Историки и архивисты, дескать, «сознательно уничтожали материалы жандармского и полицейского ведомств, документы секретных сотрудников этих ведомств, данные о бывших видных деятелях царского времени и другие ценные для Советской власти документы» (Явный отголосок повода к развязыванию Академического дела — находке политических документов в архиве и библиотеке Академии). Ну и, конечно, «распространить влияние на периферию ЦЧО через краеведческие общества и музеи, состав которых был по духу наш...»¹⁰⁴

Получив такие показания, ОГПУ в Курске схватило всех вышепоименованных «агентов Введенского»: Т.А. Горохова (известного читателю предыдущего параграфа) и *Михаила Алексеевича Рязанцева*¹⁰⁵ и *Наталью Ивановну Пузанову*¹⁰⁶; в самом Воронеже — Г.И. Булгакова.

В Щиграх арестовали руководителя тамошнего отделения Краеведческого общества *Михаила Николаевича Исаева*¹⁰⁷ (57 лет, крестьянин с образованием топографа; в анкетной графе судимость обозначил было: «Нет», но затем припомнил: «В 1919 г. белыми приговаривался к расстрелу»).

В Старом Осколе — братьев *Николая* (1882 года рождения) и *Дмитрия Михайловичей* (1890 года рождения) *Рождественских*¹⁰⁸; и жену старшего

¹⁰⁴ Там же. Л. 56.

¹⁰⁵ *Михаил Алексеевич Рязанцев* (1879–?) — военнослужащий, орнитолог-любитель; секретарь Курского краеведческого общества. Из крестьян. Уроженец Стрелецкой слободы Курска. В 1909 году — подпоручик пехотного Козловского полка. На момент ареста по делу краеведов — преподаватель педагогического техникума. Приговор: 3 года заключения в концлагерь. См.: *Рязанцев М.А.* Птицы юго-западной части Ц.-Ч.О. (округов: Курского, Львовского, Белгородского и части Воронежского, к западу от реки Оскола). Курск, Общество краеведения. Госмузей, 1929.

¹⁰⁶ См. ниже её переписку с С.Ф. Платоновым в Приложениях к моей книге.

¹⁰⁷ *Михаил Николаевич Исаев* (1870–?) — уроженец Орловской губернии. Из крестьян. На момент ареста нигде не работал, жил в селе Гурове Октябрьского района. По делу краеведов получил 5 лет заключения в концлагерь.

¹⁰⁸ Дети старооскольского священника, настоятеля кладбищенской церкви. Семейство Рождественских в 1923 году организовало в Старом Осколе краеведческий музей. Старший брат — Дмитрий Михайлович — школьный учитель ботаники, преподавал и в педагогическом техникуме. Младший брат — Николай Михайлович закончил юридический факультет Харьковского университета, но потом занимался геологией; воевал на Германской и Гражданской войнах (в армии С.М. Будённого);

Татьяну Александровну (1898 года рождения). Первый заведовал краеведческим музеем (им же основанным; а до того — воевал сначала на Германской войне прапорщиком, затем в Красной Армии, «участвовал в делах ¹⁰⁹ против Деникина и Врангеля»), оба преподавали в геологическом техникуме, готовившим кадры для разработки железной руды в районе КМА.

В Тамбове, среди нескольких человек, уже известного читателю *Петра Николаевича Черменского*. То был один из наиболее подготовленных и научно дееспособных историков Черноземья тех лет. Как и С.Н. Введенский, он поначалу держался на следствии стойко и признавал лишь свою вину частично. Так сказать, не субъективную, а объективную сторону своего «преступления»: «Возвращаясь к своей личной работе в тамбовском и областном краеведении, должен признать, что моя работа не выходила из рамок общего направления и условий работы, что фактически я был проводником не советского, а академического и буржуазного краеведения, в чем чистосердечно раскаиваюсь и прошу снисхождения» ¹¹⁰ (24 февраля 1931 года).

А уже на следующий день (в тот же самый день, что и Введенский!) превращает себя в активного «заговорщика»: «Введенский имел со мной несколько конфиденциальных бесед, в которых развил программу контрреволюционной краеведческой работы в [ЦЧ]Области, которая тогда формировалась... Изучать край так, чтобы результаты этого изучения были бы совершенно бесполезны для соц. переустройства страны, и более того, дискредитировали бы самую идею подлинно научного краеведения» ¹¹¹. Кроме Введенского, Черменский выдаёт следствию практически всех своих бывших коллег по активу тамбовского краеведения («В настоящем протоколе я искренне раскрываю полное дело о монархической контрреволюционной организации в Тамбове, в чём ранее сознавался лишь частично, предполагая не быть разоблачённым») ¹¹².

Как ясно видно по датам решающих для чекистов допросов, именно с 24 на 25 января терпение следователей лопнуло (по приказанию начальства?), и они предъявили подследственным такие аргументы, от которых многие не смогли отказаться. Выжившие заключённые рубежа 1920–1930-х годов, впрочем, не упоминают в своих воспоминаниях про избиения и другие физические пытки (если не считать таковыми жуткий холод в камерах и лишение сна на конвейерных допросах).

преподавал в Старооскольском геологическом техникуме; стал первым директором тамошнего музея. Биографические сведения о семье Рождественских см. на интернет-портале Старого Оскола CaviCom.ru. Но там не отмечено, что по делу краеведов Николай Михайлович получил 3 года заключения в концлагерь, а Дмитрий Михайлович — 5 лет концлагеря.

¹⁰⁹ На всякий случай, для юных читателей, не знакомых с русской литературой, поясню, что «делом», именовалась, в том числе, войсковая операция, проще говоря, бой.

¹¹⁰ Там же. Ч. 7. Л. 46–46 об.

¹¹¹ Там же. Л. 48.

¹¹² Там же. Ч. 7. Л. 46–46 об.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

1931 г., Апреля 4 дня. Допрошенный Уполномоченным II Отд. Секретно-Политического Отдела III ОГПУ по ЦЧО тов. К У Ш Н И Р, - И, ВУЛГАКОВ Георгий Ильич, - п о к а з а л:

Характерной чертой каждого советского научного общества является его органическая увязка с задачами советского социалистического строительства.

Курское общество краеведения, возникшее в 1923г., до последнего времени не смогло основательно осуществить эту черту в своей практической деятельности. Экономическая секция общества, самая важная, всегда была наиболее слабой. Втягивание широких масс трудящихся в ряды общества было незначительным. Исследовательский материал накоплялся главным образом по линии природы, истории и школьного краеведения. Одной из причин слабого развития общества является наличие в его составе прослойки, пассивной для разработки наиболее важных для социалистического строительства сторон жизни местного края. Отклоняя линию развертывания работы общества от правильного русла в плоскость академических вопросов, эта прослойка всей работе общества придавала тем самым антисоветский, контр-революционный оттенок. Участвуя в работах общества, эта прослойка представляла контр-революционную группу. К числу таких членов общества можно отнести лиц, вышедших из монархической среды. К числу этих лиц отношусь я, поскольку, несмотря на выступление против монархического принципа в напечатанной диссертации (1917г.) о соборах, я до революции проводил монархические идеи. К этой же группе можно отнести и ряд других лиц, неспособных, по своей подготовке работать вне узкой своей специальности, далеко

стоящей от кричащих вопросов современного строительства, например - ГОРОХОВА и РЯЗАНЦЕВА. Таких лиц, вышедших из бедняцкой семьи, долю работавшим на производстве (печатник), но связавшимся с торговлей на несколько лет является Т.А. ГОРОХОВ, мало-образованный, хотя и большой знаток в области нумизматики, но совершенно пассивный и беспомощный в разработке тех вопросов, которые ставятся на очередь реконструкции народного хозяйства. В этой же группе можно отнести учителя рисования и музейного работника М.А. РЯЗАНЦЕВА, бывшего офицера, давшего очень много по изучению природы края, одного из лучших сотрудников Курского музея.

Кроме лиц антисоветского направления, подобных нам с обществом пытались связаться лица, подобные ГАБАЕВУ, административно-высланному по специальности военному историку. Его связь с обществом выразилась в том, что он представил в Президиум рукопись о декабристах - курянах. Заслушана эта рукопись не была.

Курское общество краеведения, по ликвидации губернии, безуспешно пыталось объединить бывшие свои уездные отделения в межокружное общество краеведения, пыталось включить в это объединение и краеведческие общества, бывшей Орловской губернии. Единственными укрепленными филиалами общества, связанными с ним, были Ст.Оскольское и Рыльское, потом преобразованное в Львовское. Идеями их руководителями были: в первом - РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, а во втором - РЕПИНА, оба - бессменные члены Курского Совета Общества Краеведения. Оба эти краеведа, при посещениях Курска во время конференций и пленумов совета общества, связывались со мной. Главными вопросами, по которым я с ними беседовал, были вопросы о печатании их работ в журнале "Известия Общества", а также о распространении "Програ

инструкции исследовательских работ", изданных под моей редакцией (вып.1,2 и 3) и сборника "Курский край" (вып.1 и 2) и а также вопросы об оживлении работы отделения, при чем в своих советах о комплектовании новых членов я не подчеркивал классово-линии.

Отмечая отрицательные результаты своей работы в обществе краеведения, при наличии охарактеризованной прослойки в его составе, я должен сказать: 1) что, несмотря на трех-летнюю свою работу в составе актива членов Горсовета, участие как мое, так и всего общества в изучении городского советского социалистического строительства и содействия ему по линии краеведения было незначительным. Почти полностью оно может быть сведено к моему докладу в обществе "О современном Курске" к докладу ДМИТРИЕВА " О минеральных водах б.дачи СТЕЗЕВА" и к моему докладу на пленуме Горсовета " О доме отдыха в Москве", если не считать экскурсионной работы в Экскурбюро Губпрофсовета и Горкома, в которой я принимал участие наряду с другими краеведами, а также - участия в комиссии Горсовета по планированию города Курска. Фабрики и заводы города не изучены, не изучена и кустарная промышленность и транспорт. Справочник не закончен.

2) Изучение Советского социалистического строительства б.Курской губернии и б.Курского округа также не дало ценных результатов с точки зрения интересов социалистического строительства. Из естественно-производительных сил только фосфориты и степи были более или менее обстоятельно обследованы в нескольких пунктах и отражены в докладах и в журнале общества.

Изучение истории революционного движения в крае ограничилось проработкой материалов Курского Архива, не спуска-

~~...~~ до низовых ячеек, до накопления нового материала.

Нельзя не отметить, что все эти дефекты в числе других причин имели и мое влияние. Моя дореволюционная служба, моя специальность, как историка культуры, при руководящей организационно-методической должности и ученого секретари, сказывались на моей работе отрицательно, с одной стороны - привлекая в ряды краеведов моих бывших учеников, классово-чуждых по происхождению, как РОЖДЕСТВЕНСКИЙ из Ст.Оскола, а с другой стороны - выпячивая культурнические объекты исследовательской работы, чем не могли не затеняться вопросы изучения производительных сил, природы и экономической жизни.

Таким образом, искривляя линию развития краеведческого движения в Курском крае, я тем самым выполнял антисоветскую работу.

Писал собственноручно Г. БУЛГАКОВ

Допросил: Уполномочен. 2 Отд. СПО III ОГПУ (КУШНИР)

Верно: Уполномочен. 2 Отд. СПО III ОГПУ
(Кушнир)

*Протокол допроса Г.И. Булгакова 4 апреля 1931 г.
ГАОПИ Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 65-68.*

Пыткам в полном смысле этого слова придёт черёд в 1937-м и следующих годах. Пока шло в основном давление психологическое. Как видно из сходных протоколов и воспоминаний, почти всегда действовали в нужном чекистам направлении угрозы арестовать членов семьи. Такой угрозы многие, в особенности гражданские, в не военные в прошлом люди, чаще всего не выдерживали. Ломаясь психологически, они уже не могли

сообразить, что своей клеветой на ни в чём не повинных людей ничем на самом деле не помогут своим родственникам, родителям, супругам, детям. А скорее приблизят казнь и себе, и другим, в том числе жене, отцу, ребёнку... Шанс выжить был только у тех узников чекистских тюрем, кто ни в чём не признавался и не подписывал протоколов допросов. Но таких героев было мало, единицы.

Саморазоблачительные показания своего «руководителя» Введенского подтверждают и дополняют многие другие подследственные.

Прежде всего — его ближайшие сподвижники по воронежскому краеведению. Т.М. Олейников показывает на всех уже арестованных по делу воронежцев, а Введенский у него «инициатор группы». Следователям этого мало, нужны аресты новых «врагов народа», и Олейников подтверждает вербовочную роль «воронежского центра». «О деятельности члена к.-р. организации Поликарпова укажу на его поездку в Курск, где он должен был узнать о существовании к.-рев. Организации, о её работе и проч. Не помню, делал ли он сообщение о своей поездке в Курск или нет, так что в силу этого я не могу установить — была ли в Курске такая организация или нет. Но имея в виду издания Краев. Об-ва в Курске, можно сказать, что там, самое меньшее, были лица, вполне соответствующие по своей идеологии нашей контр. рев. Организации. Таким лицом мог быть Булгаков Г.И., которому принадлежит большинство статей, напечатанных в краеведческих изданиях г. Курска. Это же самое могу сказать и про Тамбов, где если не создателем контрреволюционной организации, то во всяком случае лицом, близко примыкающим к нашей организации, является П.Н. Черменский»¹¹³ (здесь, как и выше, и ниже сохраняю орфографию протокольного оригинала из канцелярии чекистов).

Единую «контрреволюционную сеть» краеведов Черноземья подтверждает А.М. Путинцев. Выданные им имена совпадают с мартирологом Введенского (включая Черменского, старооскольцев Преображенских, курян Булгакова и Рязанцева).

В.В. Литвинов, продержавшись три допроса, на четвёртом присоединяет свой голос к разоблачению краеведов-«контрреволюционеров». Причём в саморазоблачении доходит до предела — уже знакомого читателю мотива «бессознательного вредительства» рядовых краеведов. «Переход работы краеведческих обществ в контрреволюционной деятельности производился тонко, незаметно, постепенно, и некоторые из членов их вели работу контрреволюционного характера, сами того не замечая, по заданию председателя»¹¹⁴. Он, в свою очередь, называет «из лиц, группировавшихся вокруг С.Н. Введенского, из провинциальных работников» Г.И. Булгакова, Андреева и Репину («дочь генерала») из Рыльска; обоих братьев Рождественских из Старого Оскола.

¹¹³ Там же. Ч. 8 б. Л. 177–177 об.

¹¹⁴ Там же. Ч. 8 б. Л. 298.

ОТДЕЛ

к делу №

уч. реистр.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

1921 г. Апрель мес. 1 дня, я Уполномоченный Секретарь

Отдела ОГПУ Душман допрашивал в качестве

обвиняемого (ой) гражданина (ой) Дубанова А. Г.

(фамилия, имя и отчество)
и на первоначальные предложенные вопросы он (а)

показал (а)

1. Фамилия Дубанова

2. Имя, отчество Наталья Ивановна

3. Возраст (год рождения) 1886

4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство) Курек, слуга купца, русская

5. Место жительства (постоянное и последнее) Курек

6. Род занятий (последнее место службы и должность) Иванов работала

кушница. была машинисткой-счетоводом сирота

7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время) Не замужем. Отец Иван

Гайдаров. Дубанов - слуга купца

8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников) ответственности не имеет. Отец Виктор

Григорьев Курек

9. Образовательный ценз (первонач. образование, средняя школа, высшая, специальн. где, когда и т. д.) Взрослою школою по типу Усториши

в Ленинграде Высшие курсы

10. Партийность и политические убеждения

Теперь **ЛИБРАРИЯ КОПИЯ**
Теперь

11. Где жил (а), служил и чем занимался (лась): а) до войны 1914 г. 13
Ленинград - на Курейка

б) с 1914 г. до Февральской революции 17 года Москва и
Воспитательница в Средней ш. Звездный

в) где был (а), что делал (а) в Февральскую революцию 17 г., принимал (а) ли активное участие и в чем оно выразилось 13 первые дни Февр
революции перебежала вместе со школой из
В. Новороссийск, посылка в Петроград в составе
составила для отправки в Петроград
г) с Февральской революции 17 г. до Октябрьской революции 17 г. Звездный
Трехгодичная гимназия и Февральская революция
Звездный в Петроград давала задания уроки для

д) где был (а), что делал (а) в Октябрьскую революцию 17 года
Москва

е) с Октябрьской революции 17 г. до настоящего дня секр. секретаря
секретарем машинистки в Сов. Звездный - Курейка
се затем секретарем Звездный в Ново-Звездный
свои строгими секретарем Звездный Ново, а теперь ни
иже - переименован в Звездный - Звездный

12. Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее)
Не было.

13. Отношение допрашиваемого свидетеля к обвиняемому

14. Отношение к военной службе —

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого)

Показания по существу дела*

Ни в какой ^{тайной} обстановке никогда не участвовала. Никак не относилась к Млатонову не имея кроме его научной исторической работы.

Узнавши из газет, что Млатов обвинялся в скрещивании документов и интересовалась судьбой - своего времени и принимала все меры, чтобы узнать о его судьбе, много раз по почте пила своим подруге Шмариновой и не получила ответа.

Узнала от ^{иногда слышу через радио} своего друга Шмаринова, что Млатов и в Великом Новгороде, где она была знакома с Куреневых - но в пересиль была только с Шмариновым. - т.к. шк. об. занималась по ре. истории у Млатова в группе.

Шмаринова не отдала мне на чтение ^{и решила} что я дам ей Куренова. С другой Млатова ^{иногда} 2 раза была в Ленинграде - в Ленинградском институте истории.

Она тогда слышала, что Млатов ^{не отвечала на письма и обиделась и замкнулась} и отсюда ^{ушла} в Ленинград.

Потом что его ^{могут видеть} в Курене ^{кроме семьи} никто не слышал из кабинета с пиром - кабинетом. Табачев ^{шутит} что с Млатовыми познакомиться только когда получила работу в архиве. Но никто не работала с Табачев - только в архиве и шутит Игорь Делатментов ^(см. на обороте) в то время как Млатов ^{не отвечала} не отвечала.

моя жена не знает... и никогда не... и никогда не... и никогда не...

В том что Млатов... и скрещивала... и скрещивала...

Как никак не могла так много технических деталей и цифр вводить и не забывать ни одного слова и ни одного имени.

Вся моя работа в Кургане была под полным наблюдением и контролем Вольфа как главного дела вранее Габрис моего кандидатуры я мою взгляды и убеждения ни в чем ни в одном слове не разделяю с заданными Сер. Участию в организации считаю преступлением беспримерным. Идеологией Сталина усвоила и проводила ее в жизнь в чем свидетельствую мое беспримерное работю во всей работе по кургану. Целью брошюры Палагонова признания мне не было от него, а через Палагонова т.к. Палагонов мне не говорил на мою тему. Я отнесла себя к тему Завиды Феликс и Завиды Палагонова. Организация на Кургане Севера и Юга и в том числе по мне являю это задание мурман, увлечения работами, а в Палагонов являю мало и в то время она мне сообщала, что Сер. Фед. Палагонов заведует Мухоморовой группой и т.к. в мурмане Палагонов и набрелся на нее то просила мне приехать, труды Палагонова. В Берлин Палагонов с ней имел характер, только мною и Палагоновом интересом. Но в какой организации не участвовала и фактически не была и об этом то приехала.

Меня не надо было спрашивать о чем-то, я сама все знаю.

(* Протокол допроса должен заканчиваться словами: записано с моих слов верно, прочитано, подпись допрашиваемого и подпись допрашивавшего.)
Пользуясь в течение 15 лет - только одну передачу, или говорюсь Палагонов

Протокол допроса Н.М. Пузановой в январе 1931 года. (ГАОПМ Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 75-76 об.).

И выдаёт на расправу нового человека: «Двоюродная сестра Булгакова имеет дружественные отношения с академиком Платоновым и его дочерью Ниной Сергеевной»¹¹⁵. Так под арест попадает курянка Н.И. Пузанова.

Арестованный в Орле И.И. Лебедев¹¹⁶ в свою очередь сознаётся в том, что Сергей Николаевич организовал монархическую группу не только в университете, но и в краеведческом музее. «Конкретно Введенский мне говорил: "Политика Советской власти направлена к уничтожению нас, интеллигентов, к закабалению крестьянства, которое уже настроено к активным выступлениям против Советов, и что интеллигенция готова вступить в борьбу с Соввластью"»¹¹⁷.

А один из лидеров орловских краеведов, П.С. Ткачевский¹¹⁸, оказывается, «был душой организации. Довольно скрытый человек...»¹¹⁹ (Этот перл напоминает уже яacobинский «декрет о подозрительных»). Одна из установок коммунистов: кто не с нами, тот против нас. Кто во весь голос не славит новый режим, тот ему подозрителен.

¹¹⁵ Там же. Л. 308–309. Две из трёх дочерей Платонова были арестованы вместе с ним.

¹¹⁶ *Иван Иванович Лебедев* (1882–1937) — уроженец города Кромы Орловской губернии. Сын тамошнего купца. Закончил 4 класса Орловской гимназии. Корреспондент газеты «Орловский вестник» с 1901 года, а в 1914–1917 годах её редактор. Член Орловской губернской учёной архивной комиссии с 1905 года. Собирал нумизматическую коллекцию, вёл раскопки в Кромском уезде. Орловский делегат на Новгородском и Псковском Археологическом съездах. В 1920-х годах — сотрудник орловского архивного бюро и антирелигиозного музея, секретарь Общества краеведения. Не успев отбыть наказания (10 лет концлагеря) по делу краеведов, в 1934 году бежал со строительства Беломорканала. В 1937 был схвачен и расстрелян. См. о нём: *Кондакова Л.* Незаурядный редактор Лебедев // Орловский вестник. 2019. 27 июля.

¹¹⁷ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 8 б. Л. 74.

¹¹⁸ *Ткачевский Пётр Сергеевич* (1880–1966) — педагог, музейный работник, археолог. Уроженец села Дятково Брянского уезда Орловской губернии. Выпускник Строгановского художественно-промышленного училища. С 1909 года преподавал рисование, черчение и историю искусств в учебных заведениях Орла. С 1918 года — сотрудник губернского отдела народного образования, инспектор по охране памятников истории и культуры. Научный сотрудник Орловского музея. Принимал участие в создании краеведческих музеев в Орле, Болхове, Мценске, Карачеве, Кромах, Дмитрове, Ливнах. Один из организаторов и руководителей орловского краеведческого общества (1925). С 1928-го и вплоть до ареста — научный сотрудник по подготовке кадров ВСНХ в Москве. По делу краеведов ЦЧО получил 3 года высылки, которые отбыл в Архангельске, где «работал по своей специальности», то есть учителем средней школы. В 1934 году перебрался в Курск. Заведовал педагогическим кабинетом отдела народного образования. Накануне войны и в период немецкой оккупации города — сотрудник краеведческого музея. С 1955 года на пенсии. Его прошение о реабилитации в 1961 году оставлено без удовлетворения. Похоронен в Курске, на Всехсвятском кладбище. Реабилитирован посмертно в 1978 году вместе с остальными фигурантами по делу краеведов ЦЧО. См. о нём ещё: *Патрик Г.К.* Доклад П.С. Ткачевского на собрании Орловского историко-археологического общества 27 августа 1910 г. // Археология Верхнего Поволжья (К 80-летию К.И. Комарова). М., 2006.

¹¹⁹ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 1. Т. 5. Л. 142–142 об.

Протокол допроса

193 / года Июль мес. 12 дня. Я Н. Ли со Вурского

Отдела Спецсектора ОГПУ Мезенца допрашивал

в качестве свидетеля нижепоименованного гр-на, котрый будучи предупрежден в порядке ст. 95 УК ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛОЖНОЕ ПОКАЗАНИЕ, показал:

1) Фамилия, имя, отчество Табасна Сергей Григорьевич

2) Возраст 43 г. 3) Социальное происхождение б. чехословац

г. Москва.

4) Социальное положение (имущество) неимущий.

5) Партийность б. н.

6) Судимость нет.

7) Место службы Гарбашинская ул. Семаново в

8) Адрес местожительства Кантакуловский 43.

9) Отношение к обвиняемому насторожен.

Познакомил Н. Ли в 1928 г. в связи с тем, что он
работал в Семановом имении
она была преподавателем языка в
русской школе. В 1928 г. в школе в
Муроме преподавал в школе т.к. он был
администратором в настоящее время
он много знакомых на территории и
интересов в Ленинграде, а также
ран он по делу проф. Гнатанова
с кем-то он работал в 1928 году

в центрарфке.

Лузанка Н.И. в последние время работала в армии механиком в пусковой мастерской.

Средствами и существованием у неё был заработок в мастерской, дру-
гую истощает эти потребности.
Лузанка Н.И. избирательная комиссия
машинной работы в магазине
библиотечка и много и много
не время общественные работы
и.к. скотомы много редкостью
Замисант с много есть люди
и мне ценитам.

С. Габаева

Доцент И.Г. Соколов

Протокол допроса С.Т. Габаевой от 13 января 1931 г.
ГАОПИ Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 78-78 об.

Вышеупомянутый Д.М. Рождественский из Старого Оскола уверяет, что по месту его основной работы, в тамошнем педагогическом техникуме, «многие были завербованы». «На основе использования Краеведческого общества и музея занимались контрреволюционной работой, проводя её под руководством Губернской и Областной ... организаций, что сводилось к подрыву устоев Советской власти»¹²⁰.

В Курске первыми арестовали М.А. Рязанцева и Т.А. Горохова. Их дело принял к производству 8 февраля 1931 года уполномоченный курской оперсекции ОГПУ по ЦЧО Брунелевский. Из Воронежа ему передали «материал на Рязанцева», гласивший, будто тот, «являясь секретарём Курского краеведческого общества, вместе с другими членами этого общества, использовали легальные возможности существования общества

¹²⁰ Там же. Л. 29.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1931-года Марта 22-го дня Допрошенный Уполномоченным Секретного Отдела ПП ОГПУ по ЦЧО т. КУШНИР Я., ГОРОХОВ Тихон Абрамович показал:

Я монархист и признаю себя виновным в том, что состою в к-р монархической организации состоящей из краеведов Курского краеведческого Общества.

Вступление мое в к-р монархическую организацию произошло в 27-при посредстве вдохновителя и фактического организатора Курской к-р монархической группы БУЛГАКОВА Георгия Ильича. Курское краеведческое Общество, которое послужило до известной степени проводником к-р идей нашей монархической группы являлось местом собрания и встреч ее участников и лиц разделяющих нашу идеологию, ~~на которых~~ при которых велись всякого рода разговоры на антисоветские темы.

Более характерные из многого числа таких бесед я могу точно восстановить в памяти следующие из них: зная мои монархические убеждения и недовольство властью БУЛГАКОВ Г.И. неоднократно с целью вел со мной разговоры по антисоветским вопросам. Он обрисовывал плохую жизнь при Соввласти тех людей, которые пользовались уважением и всеми привилегиями при царском строе, беря за пример себя, как человека обиженного Соввластью изолированного от издания научных своих трудов, которые по его словам в идеологическом отношении не могут быть приемлемы существующим строем, говорил, что Соввласть своими подобными мероприятиями к людям чуждым ей по социальным признакам, создают большое количество людей ^{несчастных} ей, что идет в пользу нам. Такого же рода разговор имел место спустя некоторое время после первого уже с более конкретными выводами со стороны БУЛГАКОВА о создавшемся положении. БУЛГАКОВ мне тогда сообщил, что не только нам не нравится Соввласть, но и крестьяне во многих местах стали понимать что Соввласть не защищает их интересы, а только лишь грабят их все.

кими мероприятиями и что крестьяне в целях недопущения над собой выступят организованно против Соввласти.

БУЛГАКОВ также указывал и на безвыходное положение религиозных масс и церкви, при чем сказал, что религии при всех усилиях Соввласти не удастся уничтожить и что таким образом она наоборот разрастается. Здесь же он высказал мысль о необходимости сплотиться хотя-бы маленькими группами, дабы возможно было действовать об"единенными силами и указал в продолжении своего разговора, на краеведческое общество, как на более подходящее место для этого дела, т.е. об"единения в группу людей, которые обижены и недовольны соввластью. На это я ему ответил, что действительно Соввласть поставила нас в такое положение, что приходится голодать и один выход это организовать таких людей в организованное целое. Я БУЛГАКОВУ сообщил здесь же о своем согласии быть участником монархической группы в которой и состоял по день моего ареста. Конкретная моя контр-революционная деятельность заключалась в том, что я вел антисоветскую агитацию в интересах монархической группы среди населения города.

О количественном составе Курского монархического кружка я подробными данными не располагаю, так как не присутствовал на нелегальных совещаниях, которые безусловно имели место и ни кем с этим не информировался. О количественном составе мне известно через частое соприкосновение с БУЛГАКОВЫМ, а именно в монархическом кружке состоит РЯЗАНЦЕВ М.Д. с которым я впоследствии имел беседу о нашей группе и на темы анти-советского порядка.

РОИДЕНСТВЕНСКИЙ Д.М. в настоящее время находится в Старом Осколе, где насколько мне помнится из разговора с БУЛГАКОВЫМ имеет сочувствующих лиц из Краеведческой среды, Зав. Рыльским музеем РЕШИНА часто посещавшая Курск и бывающая у БУЛГАКОВА, как я заключил из разговора с ней, при краеведческом музее, которым она руководит имеется монархическая группа подобно нашей.

О влиянии и руководстве Курской к-р монархической группой связи и методах связи в этих целях я могу указать на два известные мне факта. Это в 1929-г. приезжавший из Воронежа ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Виктор Алексеевич имел уединенную беседу с БУЛГАКОВЫМ, о чем не знаю, но из происшедшего в то время между мною и ПРЕОБРАЖЕНСКИМ разговора я заключил что Соввласть стала обращать на Краеведческие общества внимания как на противодействующие общества ее интересам и что есть уже случаи арестов в некоторых местах краеведов.

Бывающая часто у БУЛГАКОВА РЕШИНА бывала в Воронеже у ВВЕДЕНСКОГО и по возвращении из Воронежа проездом заезжала в Курск к БУЛГАКОВУ.

Таким образом и путем, мне было известно, что руководящую роль в деятельности Курского монархического кружка осуществлялась из Воронежа профессором ВВЕДЕНСКИМ.

Дополнительные показания дам при следующем допросе и постараюсь восстановить в памяти некоторые забытые уже детали деятельности Курской контр-революционной монархической группы о ее связях.

Писал собственноручно Т. ГОРОХОВ.

Допросил Уполномоченный СО ПП ОГПУ КУШНИР.

С подлинным верно: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СО

 (КУШНИР)

*Протокол допроса П.А. Горохова 22 марта 1931 г.
(ГАОПИ Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 80-82).*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1931-года Марта 23-го дня Допрошенный Уполномоченным Секретного Отдела ПП ОГПУ по ЦЧО т. КУШНИР Я ГОРОХОВ Тихон Абрамович показал:

Точно не могу восстановить в памяти, но как будто-бы в 1928-летом БУЛГАКОВ был в г. Воронеже. По возвращении из гор. Воронежа БУЛГАКОВ пригласил меня и РЯЗАНЦЕВА к себе на квартиру, где информировал нас по некоторым вопросам касающимся, как краеведческого общества так и монархической группы в таковом, о которой я указал в прошлых своих показаниях. В общей сложности сообщение БУЛГАКОВА сводилось к тому, что старая часть состава Воронежского Краеведческого Общества и музея ведет борьбу с коммунистами краеведами старающимися всеми мерами очистить-общество от не нравившихся им людей. На это почве и на той, что старая часть краеведов решила сохранить направление краеведческой работы в старых формах- в формах старокультурничества, организовалась особая группа, которая стала оппозицию коммунистическому влиянию. В то время из упомянутых во всем разговоре БУЛГАКОВЫМ фамилии Воронежских краеведов, я заключил, что участниками группы являются: профессор ВВЕДЕНСКИЙ, ПУТИЦЕВ, ОЛЕШНИКОВ, ШЕСТОВА, ПОЛИКАРПОВ и ЛИТВИНОВ. Далее он сказал, что поскольку в Курском краеведческом Об-ве пока этого не наблюдается, т.е. натиска со стороны коммунистов, то вершить свои дела будет без"опасно. К-р устансовки его сводились к следующему, что среди членов краеведческого Об-ва нужно вести разговор, который бы постепенно вызывал у них недовольство Сов.властью, а именно говорить о притеснениях со стороны власти-интеллигенции, о слухах скорой и возможной гибели соввласти и коммунистов и вообще использовать все те моменты, которые бы могли послужить поводом вызыва недовольства существующим строем. БУЛГАКОВ предлагал в этих случаях неограничиваться только лишь краеведческой средой но и вести антисветскую

агитацию среди населения города, при чем указал, что чем больше о
дет врагов у Сов.власти тем скорее будет предрешаться ее гибель.
Что-же касается крестьянского населения в этой области, то БУЛГА-
КОВ высказался, что хорошо было бы втянуть в свою группу лиц быва-
ющих по роду службы в деревнях, это для того, что-бы вести анти-
советскую деятельность среди крестьянских масс, при чем он упомянул
что имеет хороших знакомых крестьян из ближайших сел, которые не-
долюбливают Сов.власть за то, что облагаются большими налогами.
Кроме этих слов по вопросу о крестьянстве, мне больше ничего не
известно и я не знаю какую вел БУЛГАКОВ среди крестьян к-р работу.
РЯЗАНЦЕВ по поводу сказанного выше БУЛГАКОВЫМ говорил, что для
того, что-бы успешной протекала наша к-р работа нужно добывать-
ся концентрации свжих людей, т.е. людей из бывшей среды Краевед-
ческого Об-ва.

О практической работе Курской к-р монархической группы я ука-
зал в прошлом показании и что либо нового по этому вопросу добави-
ть не могу.

ГАБАЕВА высланного из Москвы или Ленинграда в Курск, я знаю
что он тесно соприкасался с БУЛГАКОВЫМ и проживал у его родствен-
ницы ПУЗАНОВОЙ Н.И. Между БУЛГАКОВЫМ и ПУЗАНОВОЙ были тесные вза-
имоотношения при чем как мне известно от БУЛГАКОВА, крайне к-р на-
строения.

В 1929-г. осенью ввиду создавшихся для БУЛГАКОВА плохих ус-
ловий как по службе, так и в общественности в связи с раскрытием
его как антисоветского общественника и церковника он переехал
при содействии проф. ВВЕДЕНСКОГО в г. Воронеж. После отъезда БУЛГА-
КОВА в Воронеж наша монархическая группа стала замирать и уже не
проявляла той активности, которая была при БУЛГАКОВЕ и мои взгля-
ды изменились по отношению к Сов.власти.

Писал собственноручно Т. ГОРОХОВ.

Допросил: Уполномочен. СО ШИ ОГПУ по ЦЧО КУШНИР.

*Протокол допроса П.А. Горохова 23 марта 1931 г.
(ГАОПИ Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 86-87).*

для ведения антисоветской агитации и контрреволюционной работы»¹²¹. К этой сверхзадаче, поставленной перед следствием, добавлялось, что «у гражданина Рязанцева может храниться литература и переписка антисоветского характера и не подлежащая хранению»¹²².

«Во время обыска гр. Рязанцев держал себя наружно спокойно, внутренне волновался». Даже если это правда, то бывшего офицера, участника Германской войны 1914–1917 годов, следствию сломить или перехитрить не удалось. Вопросы следователей архивное дело не отразило, но они легко угадываются по ответам обвиняемых. Как видно из публикуемых ниже протоколов допросов, следователь прежде всего выяснял у арестованного личный состав краеведческого общества. Рязанцев добросовестно вспоминал как активистов, так и некоторых рядовых членов. Всех подчёркнуто называл «товарищами». Ничего антисоветского в их деятельности не находил. Отдельный текст, добавление к протоколу его первого допроса, посвящён Учёной архивной комиссии. Следователь, как видно, априорно считал её реакционной организацией, раз в ней заседали первые лица губернской администрации «при царском режиме». Но Рязанцев на эту удочку не попался и отказался признать «преемственную связь» между комиссией и их краеведческим обществом. Напомню читателю «ориентировку» курского краеведческого комиссара Клабуновского в отношении именно этого «контингента» подозреваемых в нелояльности большевистскому режиму.

Совсем не так вёл себя на следствии Тихон Абрамович Горохов, служивший перед арестом нумизматом губмузея и арестованный 9 февраля. Личность, как видно по протоколам допросов, довольно серая. Родившись в 1869 году в крестьянской семье в селе Семёновке Курского уезда, имел «образование домашнее», то есть не кончил даже начальной школы. Подростком батрачил на помещика, пас скот в родных местах. С 1893-го по 1912 год работал в типографии — сначала щигровской, затем курской, наконец, киевской. Тяжело переболев и не имея больше сил и желания трудиться печатником, с 1920 занимался антикварной торговлей в Курске. Затем, когда эта последняя превратилась в пережиток капитализма, значился безработным, пока не попал в музей. Ведь с юных лет он заинтересовался старинными монетами и постепенно приобрёл немалый опыт и широкую известность на неофициальном нумизматическом рынке, даже состоял членом-учредителем Московского нумизматического общества. Он придумал давать объявления в газетах о покупке редких монет, и таким путём ему удалось приобрести целый ряд случайно найденных кладов древних и средневековых денег. Поступив в краеведы, свои услуги их обществу

¹²¹ Там же. Ч. 4. Л. 1.

¹²² Там же. Л. 3.

предлагал в виде «исследования и определения времени зарытия кладов и их содержимого»¹²³.

Так получилось, что из арестованных курских краеведов, как это видно по архивированным КГБ документам следствия по их делу, Горохов первым дал разоблачительные показания в нужном для чекистов направлении. На первом же допросе он показал, что видел Рязанцева в составе деникинской армии, с которой тот якобы и ушёл из Курска. А в итоге второго допроса гороховский донос текстуально повторяет выше процитированную «ориентировку» на курских краеведов. Они объявлялись им прямыми продолжателями «царской» архивной комиссии. «Что таким лицам было нужно в обществе? Работа по изучению местного края? Нет, им было нужно легальное помещение где бы они могли собираться и обсуждать свои личные интересы, а попутно и провести или даже напечатать свои идеологические взгляды ничего неимеющие общего со взглядами нашего правительства»¹²⁴ (Не умеющий писать по-русски тёмный мещанин из крестьян судит о политике и идеологии!). «... Я видел, — конкретизировал Горохов свой поклёп на допросе 21 февраля, — что руководство Обществом было сосредоточено в руках бывших деятелей Архивной комиссии Булгакова Г.И., Сенаторского, Познякова, Стрельского и др., которые, опираясь на новый актив краеведческого Общества в лице Рязанцева М.А., инженера Яковлева, Карачевцева, Черномордик, Парманина, проводили явно контрреволюционные установки в работе. К этому относились постановления и опубликование докладов, имеющих целью показать жизнь старого, монархического строя, восхвалить его в противовес новому общественному строю»¹²⁵.

«Факты» в подтверждение этого смертоносного обвинения приводились нумизматом вполне в духе того времени и места, где шла беседа. «Ярким примером выступления против мероприятий Советской власти Булгакова может служить рассказанный Булгаковым анекдот о съезде в Москве воробьёв (птиц). Из доклада воробья видно, что благодаря мероприятиям Советской власти на мясном рынке Москвы воробьи должны остаться без горячей пищи. Этот анекдот Булгаков рассказывал во время ревизии музея при мне, Якименко-Забуге¹²⁶, Пашине и др. и второй раз в обществе краеведов в присутствии Яковлева, Рязанцева, Позднякова и др.

¹²³ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 58. Л. 10.

¹²⁴ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 4 Л. 25 об.

¹²⁵ Там же. Л. 33.

¹²⁶ *Михаил Николаевич Якименко-Забуга* (1878–1942) — художник, учитель рисования. Из семьи циркового артиста. Окончил Харьковскую школу рисования и живописи. С 1900 года — в Курске. Преподавал рисование в реальном училище. Соучредитель (1910), затем председатель (1911–1914) Товарищества курских художников. В его студии первые уроки рисования брал, в частности, А.А. Дейнека. В 1919–1932 годах работал в Курске учителем рисования в школах и в учительском институте. В роковом для краеведов 1931 году переехал с семьёй во Владикавказ, а оттуда в Киев, где и умер при немцах, не сумев эвакуироваться из-за тяжёлой болезни.

Рязанцев, как мне известно проводя экскурсии по городу старался завести их в некоторые церкви г. Курска, но избегал показывать новые постройки произведенные Советской властью например новую электростанцию, постройки нового водопровода, три четырехэтажных дома, все эти постройки удобные для экскурсий, но когда кто либо из экскурсантов выражал желание посмотреть произведенные Советской властью постройки Рязанцев всегда отвечает, что смотреть там нечего, постройки эти ничто другое как какие-то каменные мешки, которые давят собою в смысле художественной стороны все живое»¹²⁷ (Сохранена орфография рукописи клеветнических «признаний»).

Именно Горохов не просто повторил, но подхватил и развил абсурдный на непредубеждённый взгляд тезис следствия о контрреволюционности краеведения. Тихон Абрамович объяснил, что в докладах об истории Курска восхвалялось его дореволюционное прошлое, а в докладах о современном Курске подчёркивались разруха, ухудшение жилищных условий, дефицит продуктов питания при большевиках.

Рефреном повторяется им самый нужный следствию тезис: «Причиной объединения в Общество названных выше людей послужило стремление иметь легальную организацию»¹²⁸.

М.А. Рязанцев, под нажимом следователя, в свою очередь, признал, что отдельные доклады по истории Курска приукрашивали его дореволюционное прошлое, игнорировали тогдашний негатив («эксплуатация, прибыль, отсутствие плана и прочее»). Однако такого рода политически незрелые доклады он припомнил только за С.Н. Ефременко, которая за несколько лет до того покинула Курск, переехала в Москву. Подробно Рязанцев перечислил те краеведческие тексты, которые они не пропустили в печать в силу их неактуальной для советской власти тематики. Обвинения в создании контрреволюционной организации и в антисоветской работе краеведов Михаил Алексеевич на каждом допросе решительно отвергал. Как видно, обстрелянного и в германскую, и в гражданскую войну офицера-добровольца чекистам не удалось запугать. Их грубому нажиму поддавались в первую очередь штатские богословы, поповичи родом и духом, и прочие гуманитарии. Наверное, дело в том, кто из подследственных какую жизненную стезю себе выбирал: боевую или сугубо мирную, тихую. Как говаривали герои О. Генри, «дело не в дорогах, которые мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет выбирать дорогу». В тяжкую для родины годину стремиться на фронт или же в тыл... В тюремной камере думать только о собственной шкуре или же помнить и беречь друзей, сотрудников.

Эту грань в советских застенках помнили даже презренные уголовники. «Я вор в законе и дружков своих не продавал!» — говорит карманник по кличке Ручечник арестовавшему его с поличным оперу

¹²⁷ Там же. Л. 44–44 об.

¹²⁸ Там же. Л. 45.

Жеглову (в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия» и его экранизации). Между прочим, когда в советские зоны после войны массово пришли военнотружачие, фронтовики, они жестокой рукой прекратили там уголовный беспредел. Урки и «суки», привыкшие потрошить и загонять под нары мягкотелых интеллигентов, столкнулись с противником другой породы, в чём-то им родственной по решительности и жестокости. Но с правильными представлениями о чести и долге.

Самой стойкой среди курских подследственных, как ни странно, оказалась женщина — Наталья Ильинична Пузанова. Будучи выпускницей курской гимназии, а затем санкт-петербургских Высших женских курсов (Бестужевских), она осталась работать на них же преподавательницей французского языка. После Октябрьского переворота и в связи с опасностью немецкой оккупации столицы, личный состав курсов эвакуировался под крыло к Белой армии в Новочеркасск. Когда белые были разбиты, Пузанова перешла преподавать грамоту красным командирам. Вернувшись в родной город, служила в Курске на технических должностях, а в конце концов согласилась «на физическую работу» — вязать чулки в артели инвалидов (Мне довелось опубликовать её переписку с С.Ф. Платоновым, которая перепечатывается в приложениях к этой книжке).

Для следователей по делу краеведов она казалась подарком — дочь церковнослужителя (хоть и на пенсии); родственница (кузина) главного курского «монархиста» Булгакова, подруга дочерей Платонова и ученица его самого, квартирохозяйка сосланного в Курск полковника Габаева. Ни на кого из других курян не находилось столько компромата. Сколько сплетённых чекистами ниточек переплелось в судьбе этой скромной женщины. Казалось — вот он, чёткий след платоновского заговора в Курске. Переписка с Платоновыми, переписка с заграницей. Но не тут-то было. Первый же допрос Пузановой оказался последним — столь категорически и логично она отменила все обвинения чекистов. Заявила о своей полной лояльности к Советской власти; о том, что гордится своей многолетней добросовестной работой в советских учреждениях. Платоновых обвинила в том, что они не пожелали отвечать на её письма и устные приветы, переданные через знакомых. Она сочла себя «забытой ученицей» маститого академика. Поклёп Горохова на её контрреволюционные настроения никакого подтверждения не находил. И следователи отступили от этой упрямой «дочери служителя культа». Она никого не выдала, себя не оболгала и не унилась перед суровым следствием. Какой пример стойкости духа! Какой укор слабодушным мужчинам! Парадоксальной наградой за мужество стало самое лёгкое в рамках этого дела наказание — три года ссылки, а не концлагерь, как для большинства её однодельцев (которые в своём большинстве знать не знали главу всей их «организации» — академика Платонова и его коллег по академии и университетам).

Не один курянин Горохов, но и многие другие его однодельцы подтверждали выдуманную чекистами версию «краеведческого заговора».

Однако только Горохов привнёс в свои политические обвинения личную неприязнь, откровенную зависть к своим образованным коллегам, грязные детали бытового поведения. Из протоколов его допросов совершенно ясно: человек сводит застарелые счёты. Причём с теми людьми, которые его самого никак не обижали, наоборот, привлекали к музейной работе, учили ей, помогали ему стать специалистом-археологом. А он «в благодарность» обвинил их во всех антисоветских грехах. Со страниц неправдоподобно малограмотных гороховских показаний веет Достоевщиной. Человек из подполья... Воистину, корень всех людских пороков — зависть.

Снова возникает вопрос — почему многие подследственные возводили на себя и своих товарищей голословные обвинения? Должно быть, их к этому принуждали. Как?

О методах описываемого следствия можно отчасти судить по отдельным материалам последующей реабилитации осуждённых краеведов. Некоторые из выживших в лагерях и ссылках обращались с такими заявлениями к главному военному прокурору начиная с 1950-х годов. Так, преподаватель Ф.Ф. Руднев¹²⁹ из Орла в своём заявлении отмечает: «Следствие сопровождалось угрозой расстрела и ареста моей семьи»¹³⁰. Надо полагать, к таким угрозам прибегали не только старший следователь Киреев и начальник орловского ГПУ Бромберг, но и их сослуживцы из соседних городов ЦЧО. Камера, в которой на следствии сидел Руднев, располагалась рядом с уборной, а форточка в окне камеры была без стекла.

¹²⁹ Фёдор Фёдорович Руднев (1892–1982) — родился в селе Ниткольском Елецкого уезда Орловской губернии в семье сельского дьякона. Закончил Орловское реальное училище, затем (1912) учился в Петербургском Политехническом институте, откуда поступил на военную службу. С 1915 года на воинской учёбе и на передовой — воевал в Пехотном Аккерманском полку. Дважды ранен. Остался хромым. Удостоен ордена св. Владимира III степени. После лечения в госпитале Омска мобилизован в армию А. Колчака, в штабе которого служил канцеляристом. В 1918 году ушёл с военной службы и продолжил учёбу в Омском политехническом институте, а затем в Иркутском университете. После его окончания вернулся в Орёл, преподавал в педагогическом техникуме, затем в средней школе. Занимался краеведением, совершал экспедиции по Орловскому краю с биологическими и археологическими целями. Переписывался с краеведами Центральной России. По «Делу краеведов ЦЧО» приговорён к 10 годам ссылки. Наказание он отбывал в Коми АССР, в Ухте, где преподавал географию в средней школе. Затем, окончив высшие геологические курсы при Управлении Ухтпечлага НКВД (1935), с 1937-го по 1941 год работал техником-геологом. В 1943 году Фёдор Фёдорович вернулся в родные места. Поскольку жить в Орле, областном городе, ему не было разрешено, он переехал с семьёй в Елец, работал преподавателем географии в педагогическом и художественном училищах, читал лекции в институте усовершенствования учителей педагогическом институте. Много занимался изучением природы и истории Орловщины, добился открытия заповедников «Воргол» и «Воронов камень», а также музеев И.А. Бунина в Ельце и Озерках. Дожил до реабилитации в 1978 году. Похоронен в Орле. Сведения и литературу о нём см. на сайте Липецкой областной универсальной научной библиотеки.

¹³⁰ Там же. Ч. 6. Л. 399.

Это в феврале-то месяце. «От окна до середины цементного пола была гора льда. Так что мне — инвалиду пришлось лежать на голых досках в этом ледяном и каменном мешке около двух месяцев, что подорвало моё здоровье»¹³¹. Упомянутые орловские чекисты угрозами добивались от Руднева признания того, что он участвовал в какой-то неизвестной ему организации, во главе которой находился «воронежский профессор *Веденский*». «Этого *Веденского*, — восклицает в 1956 году Руднев, — я не только не видел, но и не слышал о его существовании».

*Прапорщик Ф.Ф. Руднев. Западный фронт. 1915 год.
С сайта Липецкой областной универсальной научной библиотеки.*

В лице Руднева, как и курянина Рязанцева, чекисты напали не на мягкотелого «интеллигента» или поповича, а на боевого офицера. С третьего курса Санкт-Петербургского Политехнического института он добровольно ушёл в 1915 году на фронт, был дважды ранен в боях с немцами. Второе ранение — с раздроблением тазобедренного сустава; после операции нога укоротилась на 20 сантиметров. Демобилизовался в чине поручика, с должности командира батальона. Все подказки следователей боевой комбат

¹³¹ Там же. Л. 311 об.

отверг. Измучившись с ним, его следователь Киреев заявил: «Да вы и сами могли не сознавать и не знать, что вами руководят из Москвы или Воронежа»¹³². Руднев остался одним из нескольких подследственных по этому делу, кто «в предъявленном обвинении себя не признал». Однако был не только осуждён в 1931 году, но и в реабилитации ему в 1956-м отказали. Якобы его вина в антисоветской агитации «в достаточной степени изобличена показаниями руководителя монархической контрреволюционной организации [орловчан] Преображенского В.А.». Как видно, показания морально сломленных подследственных с лихвой компенсировали в глазах чекистов позицию отдельных честных упрямцев. Чекистов и сталинских, и потом хрущёвских.

5 мая 1931 года *следствие по делу 92 краеведов ЦЧО* закончилось. В соответствующем постановлении «уполномоченный 2-го Отделения Секретно-политического Отдела Полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО Кушнир» констатировал, что все подследственные «вполне изобличены в предъявленном им преступлении, предусмотренном ст. 58-10, 11 Уголовного кодекса»¹³³. С этого дня все арестованные по этому делу «числились за коллегией ОГПУ». 66 человек оставались под стражей в Воронеже, 26 — в Курске, Орле, Тамбове.

*Княгиня Вера Михайловна Оболенская (1879–1941?), по мужу Викторова.
На процессе краеведов её обвиняли «в защите личности Тургенева»,
хранителем музея которого она служила в Орле. Портрет с сайта cot.orel.ru*

¹³² Там же. Л. 313.

¹³³ Там же. Ч. 3–686. Л. 689.

Суда краеведов не удостоили: коллегия ОГПУ в Москве заочно, без вызова обвиняемых из Воронежа, Курска, Тамбова, Орла, 5 июня вынесла внесудебный приговор. По всё той же печально известной 58 статье советского уголовного закона. По заключению первого историка этого «Дела» А.Н. Акиньшина, «расправа поражает своей масштабностью и бессмысленностью по отношению к незащитным людям. Пятеро приговорены к расстрелу, подавляющее большинство к заключению в концлагерь сроком от 3 до 10 лет и лишь несколько человек — к высылке в Северный край, Западную Сибирь, Казахстан»¹³⁴.

Через два месяца после краеведов та же коллегия ОГПУ по той же статье осудила 115 учёных из центральных учреждений, составлявших якобы тот самый «Всенародный Союз борьбы...», филиалами которого были группы краеведов Черноземья.

Абсурд, современный краевед Акиньшин прав, тут налицо. Но какова логика этого безумия? Чтобы читатель мог оценить постановку вопроса, конспективно перечислим всех жертв «Дела краеведов» поимённо (кое в чём невольно повторяясь).

* * *

*«Бегут, стучат,
бегут колёсики гуськом.
Спешат, хоят
пугнуть мальчишечку сибирским холодком.
А я ушаночку поглубже натяну
и в своё прошлое с тоскою загляну,
слезу смахну, тайком тихонечко вздохну...».*

*Геннадий Жаров.
Ушаночка. 1996.*

По делу краеведов **расстреляны** летом 1931 года¹³⁵:

- *Фёдор Иванович Поликарпов* (1882 года рождения); брат архиерея; до революции земский начальник Острогожского уезда, подпоручик, воевал на Германской войне; около месяца служил в Белой армии, за что сидел в советском концлагере 2 года в 1920–1921 годах; затем работал в Воронежском краеведческом музее, пока не принял сан священника; таковым его и казнили;

- *Всеволод Александрович Бекенёв* (1872 года рождения); до революции — директор реального училища, статский советник; в ходе Гражданской

¹³⁴ *Акиньшин А.Н.* Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Записки краеведов. Воронеж, 1992. С. 219–220.

¹³⁵ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 4. Л. 692.

войны в 1919 году ушёл с белыми при их отступлении, но вскоре вернулся в Воронеж, где преподавал на рабфаке ВГУ;

- *Александр Петрович Назаров* (1884 года рождения): родился в городе Боброве Воронежской губернии; до революции был приставом полицейской части в Воронеже; перед арестом работал в бюро по найму квартир;

- *Владимир Васильевич Петиков* (1898 года рождения); из крестьян; закончил Орловскую гимназию и два курса Московского университета, откуда ушёл в Добровольческую армию А.И. Деникина, за что в 1920 приговаривался к расстрелу, заменённому 5 годами концлагеря; отсидев их, вернулся в Орёл, где преподавал в школе, затем в механико-строительном техникуме; стал секретарём Орловского общества краеведения, член редколлегии журнала «Орловский край»; работал руководителем статистического отдела горсовета в Орле ¹³⁶;

- *Гавриил Владимирович Ерёменко* (1880 года рождения; из крестьян, образование начальное; в первые послереволюционные годы был уездным инспектором по охране памятников старины; в 1920-е годы работал научным сотрудником Орловского краеведческого музея.

Остальные подследственные получили **следующие наказания** ¹³⁷:

- *Александр Семёнович Аблецов* (1880 года рождения); из мещан; занимался ботаникой; внёс вклад в систематику цветковых растений ¹³⁸; школьный учитель; в момент ареста преподаватель финансово-экономического техникума в Орле; 3 года исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ ¹³⁹);

¹³⁶ См. о нём: *Саран А.Ю.* Орловский аспект «Дела краеведов» // Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 4. Орёл, 1998.

¹³⁷ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 4. Л. 692–696. Кроме этих архивных дел, в приводимом перечне приговорённых использованы данные сайтов: Бессмертный барак, Открытый список, Rkk.memo.ru, Воронежский край.РФ, Воронежский гид, «Древо. Открытая православная энциклопедия».

То, что краеведы были не исключением, а типичными жертвами сталинских репрессий, см. в кн: *Ошеров А.* Над пропастью во ложы. Из досье курской «лубянки». Курск, 1998.

¹³⁸ См.: *Саксонов С.В.* Первые члены Русского Ботанического общества. А–Г. (К 100-летию Русского Ботанического общества) // Самарская Лука. Проблемы региональной и глобальной экологии. 2015. № 2. Т. 28.

¹³⁹ 27 июня 1929 года Политбюро ВКП(б) приняло постановление об использовании труда заключённых в народном хозяйстве. А 11 июля правительство возложило на ОГПУ освоение природных богатств окраин страны — Севера, Сибири, Дальнего Востока с Колымой и Чукоткой, Средней Азии. Соответственно, наши лагеря из концентрационных превратились в исправительно-трудовые. 15 июня 1939 года правительственный указ запретил досрочное освобождение заключённых за хорошую работу. Более того, директивы ОГПУ запрещали тем зекам, чей срок истёк, покидать место лагерной работы; их переоформляли в вольнонаёмных на добровольно-принудительной основе. См.: *Млечин Л.* Идеальные рабы // Новая газета. 2019. № 81. 26 июля.

- *Фёдор Митрофанович Авдеев* (1880 года рождения); из воронежских купцов; унаследовал их дело — до революции торговал в Воронеже, представлял купеческое сословие в казённой палате; потом работал химиком на маслозаводе; накануне ареста безработный; 3 года ИТЛ;

- *Александр Николаевич Аверин* (1868 года рождения); литератор, журналист; из мешан; закончил уездное училище; трудился в типографии наборщиком, конторщиком; до революции редактировал газету монархического направления «Воронежский телеграф», был гласным членом воронежской Думы; поместил в повременной печати множество очерков по истории и современной культуре; в 1920-е годы работал конторщиком ряда губернских организаций: продовольственного комитета, совета народного хозяйства; наконец, на заводе им. Коминтерна; 10 лет ИТЛ; отбывал срок в Кировской области, с 1937 года жил в Мичуринске Тамбовской губернии;

- *Василий Павлович Андросов* (1884 года рождения); уроженец Тамбова, из рабочих; работал поваром, затем рабочий госстройконторы в этом городе; 3 года ИТЛ;

- *Прасковья Порфирьевна Аносова* (1886 года рождения); уроженка Тамбова; из рабочих; работала архивариусом Тамбовского архива; 3 года высылки в Северный край;

- *Тихон Ильич Аркатов* (1886 года рождения); из воронежских крестьян: до и после революции вёл розничную торговлю в своей лавочке в Воронеже, после наладил кустарное производство мыла; 3 года ИТЛ;

- *Николай Алексеевич Баранов* (1894 года рождения); родился в Воронеже, образование среднее; по материалам дела — служил офицером в Белой армии; перед арестом работал бухгалтером конторы «Союзхлеб»; 5 лет ИТЛ;

- *Николай Максимович Безубцев* (1885 года рождения); уроженец Козловского уезда, учился в Московском коммерческом институте; искусствовед, театральный режиссёр; работал хранителем музея изящных искусств и восточных древностей при ВГУ, затем научным сотрудником краеведческого музея; создатель первого в Воронеже кукольного театра, который действовал при университете; 5 лет ИТЛ; срок отбывал на строительстве Балахнинского комбината;

- *Иван Иванович Белоцерковский* (1885 года рождения); уроженец Воронежа, образование начальное; счетовод артели инвалидов «Новая жизнь»; 3 года ИТЛ;

- *Борис Александрович Бирилёв* (1900 года рождения); в Воронеже, образование среднее; счётный работник; перед арестом бухгалтер из Старого Оскола Курской губернии; 3 года ИТЛ;

- *Дмитрий Георгиевич Болдырев* (1871 года рождения); уроженец села Нижняя Ведуга Воронежской губернии; образование начальное; до 1917 года — землевладелец и содержатель конного завода; перед арестом работал стекольщиком по частному найму; 3 года ИТЛ;

- *Георгий Ильич Булгаков* (1883 года рождения); уроженец города Суджи Курской губернии; сын священника; арестован в Воронеже, где работал преподавателем в школе ФЗО; 5 лет ИТЛ;

- *Сергей Николаевич Введенский* (1867 года рождения); уроженец села Телелюй Липецкого уезда; сын священника; выпускник Московской духовной академии; перед арестом заведовал библиотекой ВГУ; 5 лет ИТЛ;

- *Вера Михайловна Викторова* (в девичестве княжна Оболенская) (1879 года рождения); родилась в городе Алатыре Симбирской губернии; литературовед, музейный работник; закончила Орловскую гимназию; муж погиб на Гражданской войне; в 1920-е годы она была хранителем, затем директором (до 1929) Тургеневского музея в Орле; вела литературную секцию Орловского общества краеведения; арестована в Москве, где работала библиотекарем в Наркомате земледелия; выслана в Казахстан на 3 года; после окончания срока ссылки жила в городе Зеленодольске Татарской АССР, где и умерла незадолго до начала Великой Отечественной войны;

- *Александр Владимирович Голованов* (1877 года рождения); в селе Нижняя Чигла Бобровского уезда ЦЧО; образование начальное; начинал приказчиком в розничной торговле; до революции — владелец обувного магазина и содержатель ресторана; перед арестом нигде не работал; 3 года ИТЛ;

- *Дмитрий Никифорович Голованов* (1872 года рождения); уроженец села Волосово-Звягино Козельского уезда Калужской губернии, образование начальное; до революции торговец; на момент ареста работал упаковщиком в управлении связи в Воронеже; 3 года ИТЛ;

- *Сергей Николаевич Голованов* (1880 года рождения); химик; родился в Острогожске; закончил физико-математический факультет Харьковского университета; с 1907 года был преподавателем химии в реальном училище Воронежа; с 1919 года перешёл в промышленный отдел воронежского совнархоза; на момент ареста специалист по масложировой и кожевенной промышленности этого совнархоза; 3 года ИТЛ; в итоге следствия заболел психическим расстройством и помещён в спецбольницу ГПУ; вскоре отправлен в Ухтпечлаг;

- *Иван Козьмич Головинский* (1880 года рождения); родился в селе Худове Климовского уезда Могилёвской губернии, белорус; сын священника; окончил Могилёвскую гимназию (1899), Петербургский Историко-филологический институт (1907); преподавал историю и географию в женской гимназии Ростова-на-Дону, в Тамбовском реальном училище (1912–1917); в Острогожском педагогическом техникуме (1921–1931); заместитель председателя Острогожского общества по изучению местного края; 5 лет ИТЛ; освобождён досрочно в 1933 году; стал учителем школы в селе Шубном Острогожского района ЦЧО, затем преподавателем педагогического техникума в городе Павловске Воронежской области (1934–

1935), потом педагогического училища в Смоленске (1935–19421); в 1941 возвратился в Острогожск, где преподавал в реальном училище при немецкой оккупации; арестован в феврале 1943 года; получил ещё 10 лет ИТЛ;

- *Сергей Иванович Голубев* (1886 года рождения); родился в Рязанской губернии, образование начальное; слесарь-механик; во время I Мировой войны служил в городской полиции Тамбова; потом работал в слесарной мастерской; на тамбовской губернской конференции в октябре 1924 года выступил с докладом «Состояние пчеловодства в губернии»; перед арестом жил в Тамбове, нигде не работал; 5 лет ИТЛ;

- *Тихон Абрамович Горохов* (1872 года рождения); из крестьян села Семёновки Щигровского уезда Курской губернии, без образования; типографский рабочий, затем торговец антиквариатам; нумизмат-любитель: в 1920-е гг. работал нумизматом Курского краеведческого музея, занимался разборкой и систематизацией монетной коллекции; опубликовал несколько статей в краеведческих «Известиях»; 3 года ИТЛ; срок отбыл; до начала 1950-х годов жил в Курске;

- *Иван Ефимович Гребенник* (1875 года рождения); рождён в слободе Алексеевке Бирюченского уезда, из крестьян; окончил народное училище в Алексеевке и два класса учительской семинарии; экономист, статистик; до революции заведующий страховым отделом Воронежского губернского земства (1899–1918)¹⁴⁰; член конституционно-демократической партии; на 1909 год — поручик 196-го пехотного резервного Заславского полка; на 1917 год — подполковник 66 пехотного Бутырского полка; награждён Георгиевским оружием за отличие на прежнем месте службы — в 542 пехотном Лепельском полку; в советское время работал в губернском страховом отделе, губернском совете народного хозяйства (с 1919) и облплане¹⁴¹; опубликовал более 15 статей по истории и статистике страхового дела в Воронежском крае, в том числе в сборнике «Для крестьянина» (Воронеж, 1911), журнале «Народное хозяйство Центрально-Чернозёмной области» (1925), «Известиях Воронежского краеведческого общества» (1927, № 3–5); перед арестом — экономист Воронежского облсовнархоза; 3 года ИТЛ;

¹⁴⁰ См.: *Гребенник И.Е.* О деятельности Воронежского губернского земства по взаимному земскому страхованию и по борьбе с пожарами в селениях: (Крат. ист. очерк). Съезду представителей сельских пожарных дружин Воронежской губернии. Воронеж: Типо-литография товарищества «Н. Кравцов и К^о», [1913]. 32 с.; *Его же.* Страховые и пожарные условия в селениях Воронежской губернии: По данным исследования, произведённого летом 1912 года. (Материалы, замечания к материалам). Воронеж, Воронежское губернское земство, 1915. [2], 6, 96, [6], 741 с.

¹⁴¹ См.: *Гребенник И.Е.* Перспективы железнодорожного строительства в районе Воронежской губернии. Воронеж, 1-я типо-литография ГСНХ, 1926. 26 с.

В 2010-е годы именно в этом районе военным строителям России пришлось спешно проводить железнодорожный путь в обход территории враждебной Украины.

• *Николай Викентьевич Гринёв* (1883 года рождения); уроженец Воронежа, из мещан; образование высшее — юрист; до революции — нотариус в Землянске; работал экономистом в стройтресте; перед арестом юрисконсульт тамбовского отделения треста Росснаббыт; 3 года ИТЛ; отбывал срок под Карагандой; умер в конце 1930-х годов в Воронеже;

• *Ардалион Михайлович Девицкий* (1880 года рождения); родился в селе Девице Землянского уезда Воронежской губернии в семье священника; окончил духовную академию; до революции преподавал русский язык и словесность в учительской семинарии, епархиальном женском училище, Михайловском кадетском корпусе, духовном училище; в 1919 году был взят воронежским губчека в качестве заложника; освобождён белыми; в 1920-е годы преподавал литературу в школах, был заведующим учебной частью рабфака при ВГУ; накануне ареста работал в железнодорожном техникуме; 5 лет ИТЛ; вскоре после освобождения в 1936 году вторично осуждён ещё к 10 годам лагеря, где пропал без вести для родных;

к слову сказать, его племянник (сын брата) — воронежский священник *Митрофан Михайлович Девицкий* расстрелян красноармейцами на глазах жены и детей в 1920 году («Древо. Открытая православная энциклопедия»);

Ардалион Михайлович Девицкий с супругой. Фото из интернет-ресурса «Краеведческие заметки и личные наблюдения» в «Живом журнале».

- *Иван Иванович Дедюрин* (1886 года рождения); уроженец Воронежа, из рабочих; образование начальное; работал возчиком в правлении потребкооперации; 3 года ИТЛ; по возвращении в родной город стал ломовым извозчиком; в 1938 году «тройка» УНКВД приговорила его к расстрелу;

- *Иван Николаевич Дерибезов* (1869 года рождения); родился в городе Козлове Тамбовской губернии, из крестьян; образование низшее; работал в Тамбове чернорабочим, затем сторожем ветеринарной лечебницы; 5 лет ИТЛ; заключение в концлагерь заменено высылкой в Северный край на 5 лет;

- *Владимир Алексеевич Долгополов* (1874 года рождения); родился в слободе Ливенке Бирюченского уезда Воронежской губернии в семье священника; окончил Бирюченское духовное училище (1889), Киевскую духовную академию (1901); кандидат богословия; служил в Полтавской, затем Воронежской духовной академиях, Бирюченском духовном училище; с 1907 года преподавал в Воронежской духовной семинарии; член церковного историко-археологического комитета; перед арестом работал в железнодорожном техникуме; 3 года ИТЛ;

- *Александр Михайлович Дядьков* (1876 года рождения); родился в селе Урусове Ранненбургского уезда Рязанской губернии; сын священника; закончил Рязанскую духовную академию, Историко-филологический институт в Нежине; преподавал русский язык в мужской прогимназии в Воронеже (1896–1899), затем учитель истории и географии, инспектор в реальном училище (189–1918); статский советник; член Статистического комитета (1899), Губернской учёной архивной комиссии (1900) в Воронеже; разбирал монетную коллекцию Воронежского музея; ушёл из Воронежа с белыми (1919), жил в Юзовке (1920–1922); учитель школы в селе Рамонь Воронежского уезда (1923–1924); преподаватель промышленно-экономического техникума в Воронеже перед арестом — преподаватель авиатехникума и стройкомбината; 5 лет ИТЛ; отправлен в Сиблаг; скончался на этапе от туберкулёза лёгких; его жена Валентина Павловна (урождённая Сверчевская) тоже была арестована в 1931 году и сослана в Саратов, где работала ассистентом на кафедре иностранных языков Саратовского университета;

- *Гавриил Петрович Ермаков* (1872 года рождения); родился в Воронеже, образование среднее; по профессии переплётчик; в протоколах допроса упоминается о том, что он был депутатом Государственной думы; перед арестом занимался переплётными работами на дому; выслан в Северный край на 3 года;

- *Герман Андреевич Замятин* (1882 года рождения); родился в городе Слободском Вятской губернии в семье священника; закончил Вятскую духовную семинарию, учился в Юрьевском университете (1902–1906), завершил образование в Петербургском университете (1907); закончил и Петербургский Археологический институт (1907–1909); приват-доцент Юрьевского университета по кафедре всеобщей истории; в 1918 году

переехал в Воронеж вместе с коллективом Юрьевского университета, где был доцентом на кафедре русской истории; до лета 1929 года — профессор педфака ВГУ; автор работ по истории российско-шведских отношений начала Нового времени; в его архиве сохранилась рукопись по истории Воронежского университета; перед арестом работал архивариусом областного архивного бюро и библиографом в публичной библиотеке; 3 года ИТЛ; по отбытии наказания, в 1933 году работал в библиотеке Воронежского государственного педагогического института (1933); в 1934–1938 годах — профессор последовательно Орловского, Курского, Сталинградского государственных педагогических институтов; с 1938 года заведующий кафедрой всеобщей истории Молотовского педагогического института в Перми; доктор исторических наук (1943); умер в 1953 году;

*Отличник народного просвещения РСФСР, профессор Г.А. Замятин на занятии.
С сайта Государственного архива Пермского края.*

- *Александр Яковлевич Зейдель* (1871 года рождения); родился в Санкт-Петербурге, образование высшее; в 1920-е годы преподавал в Тамбовском педагогическом институте; на краеведческих конференциях выступал с докладами по естествознанию; перед арестом работал преподавателем в школе ФЗО; 5 лет ИТЛ;

- *Илья Маркелович Иванов* (1892 года рождения); родился в селе Чертовицком под Воронежем; из крестьян; окончил церковно-приходскую школу и сдал экстерном экзамены за 5 классов гимназии; по профессии фотограф; телеграфист Юго-Восточной железной дороги (1908–1915), потом там же счетовод статистического отдела (1915–1919); фотографом отдела

пути (1919–1927); затем фотограф же в Музее революции; член Русского фотографического общества; перед арестом работал фотографом на заводе им. Дзержинского; 3 года высылки в Северный край; по возвращении работал фотографом в разных учреждениях Воронежа, в том числе в Воронежском краеведческом музее; там же хранится коллекция его негативов, где запечатлены многие исторически примечательные моменты истории (см.: Старый Воронеж на фото И.М. Иванова // Живой журнал. Запись S16n425); умер в 1980 году; его воспоминания «Справедливость не всегда торжествует» опубликованы в газете «Молодой коммунар» (2004. 26 августа – 7 сентября);

- *Николай Фёдорович Инцерт* (1881 года рождения); уроженец Острогожского уезда, из духовенства; выпускник Воронежской духовной семинарии; потом юрист; до революции был судебным следователем в Бобровском уезде; перед арестом — управляющий делами облдортранса; 5 лет ИТЛ;

- его родственником может быть *Николай Яковлевич Инцерт* (1896 года рождения), сын священника Воронежской губернии, закончивший гимназию в Острогожске, служивший и у белых, и у красных; живя в Москве, работал инструктором в Союзе воинствующих безбожников и в других местах; увлечение эсперанто привело его в Союз эсперантистов союзных республик, чьим ответственным секретарём он стал; в этой должности арестован и расстрелян в 1937 году (международный язык — международные связи — обвинение в шпионаже);

- *Михаил Николаевич Исаев* (1870 года рождения); уроженец села Малоархангельского Орловской губернии; образование среднее; в 1920-е годы представлял Курское краеведческое общество в Щиграх Курской губернии; в момент ареста проживал в селе Гурове Советского района ЦЧО, нигде не работал; выслан на 5 лет в Западную Сибирь;

- *Алексей Фавстович Ковалевский* (1871 года рождения); родился в Гродно; до революции — советник Воронежского губернского правления; служил офицером в Русской армии; перед арестом жил в Воронеже, нигде не работал; 5 лет ИТЛ;

- *Иван Васильевич Козякин* (1869 года рождения); родился в городе Рассказове Тамбовской губернии, образование начальное; перед арестом жил в Тамбове, нигде не работал; выслан на 5 лет в Западную Сибирь;

- *Александр Аркадьевич Колобов* (1865 года рождения); родился в Тамбове, образование среднее; перед арестом жил в Тамбове, нигде не работал (на иждивении сына); 5 лет ИТЛ;

- *Сергей Николаевич Коноров* (1879 года рождения); родился в городе Старом Осколе Курской области; математик; преподаватель математики в Воронежском реальном училище; в 1920-е годы работал на рабфаке при ВГУ; 5 лет ИТЛ;

• *Иван Сергеевич Костанди* (1894 года рождения); родился в станице Бурлацкой Ставропольской губернии, грек; жил в Орле, работал учителем в школе ФЗО Московско-Курской железной дороги; 10 лет ИТЛ;

• *Пётр Григорьевич Кравчук* (1886 года рождения); родился в селе Андрушенке Волынской губернии, образование начальное; до революции служил околоточным надзирателем полицейской части в Воронеже; в 1920-е годы служащий; на момент ареста работал счетоводом коммунального комбината; 5 лет тюрьмы;

• *Михаил Никитич Крашенинников* (1865 года рождения); родился в Новгороде, с 1896 г. профессор кафедры классической филологии и истории литературы Юрьевского университета; был членом охранительного Союза русского народа; с 1918 года и до лета 1929 года — профессор Воронежского университета; 5 лет ИТЛ; умер в 1932 году в Семипалатинском исправительно-трудовом лагере ¹⁴²;

• *Сергей Дмитриевич Кротков* (1898 года рождения); родился в Ельце Орловской губернии; работал в Воронеже преподавателем комвуза (то есть Коммунистического университета ЦЧО, вскоре Коммунистическая сельскохозяйственная школа?); 3 года ИТЛ;

• *Андрей Корнилиевич Курицын*, родился в 1874 г. во Владимирской губернии; рабочий; маляр-подрядчик, перед арестом нигде не работал (на иждивении сына); 3 года ИТЛ; там вскоре, в 1931 году, умер;

• *Василий Васильевич Литвинов*, родился в 1873 г. в Новохопёрске Воронежской губернии; историк-краевед, библиограф; окончил учительскую семинарию в Воронеже. С 1910 г. работал в Воронежском губернском музее главным хранителем, а затем и заведующим библиотекой; автор работ по истории края, составитель библиографических указателей по краеведению; 5 лет ИТЛ; освобождён досрочно в 1934 году; вернувшись в Воронеж, работал в статистическом бюро; умер весной 1941 года;

• *Ловчиков Андрей Федорович*, родился в 1871 г. в деревне Гнилуше Касторенского района Курской губернии, образование начальное; до ареста работал сторожем казарм в Воронеже; выслан в Северный край на 5 лет;

• *Пётр Васильевич Малащенко* (1873 года рождения); уроженец Одессы; украинец; военнослужащий, офицер; закончил 2 Московский кадетский корпус, 2 военное Константиновское училище; службу начал в 61 пехотном Владимирском полку; переведён в гвардию, сотрудник Военно-исторического музея артиллерии в Петербурге, офицер-воспитатель

¹⁴² См.: *Анфертьева А.Н.* М.Н. Крашенинников: к портрету учёного и человека // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999; *Попов С.А.* Профессор М.Н. Крашенинников (1865–1932). Материалы к биографии // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 16. Воронеж, 2001; *Акинъшин А.Н., Немировский А.И.* Михаил Никитич Крашенинников — историк литературы и педагог // Вестник Воронежского государственного университета. 2003. № 1.

Пажеского корпуса; Орловского Бахтина кадетского корпуса ¹⁴³; в 1914 году полковник 141 пехотного Можайского полка; участник I Мировой войны; с 1916 года командир 70 пехотного запасного полка; награждён орденами св. Станислава 2 степени, св. Анны 2 степени, св. Владимира 4 степени; на Гражданской войне воевал в Красной армии; после войны и революции преподаватель географии; в 1920-е годы заведовал отделом музея И.С. Тургенева в Орле; 10 лет ИТЛ;

- *Борис Сергеевич Марин* (1903 года рождения); родился в Усмани Тамбовской губернии, учился в Воронежском кадетском корпусе; выходец из известной дворянской семьи, к которой принадлежал поэт, герой войн против Наполеона Сергей Никифорович Марин (1776–1813); работал завхозом в Воронежском краеведческом музее; в следственном деле значилось, что он «из рабочих»; ему в вину ставилось общение с сосланными в город интеллигентами; 5 лет ИТЛ;

- *Владимир Платонович Менжулин* (1868 года рождения); родился в Острогожске Воронежской губернии, из крестьян; учитель, филолог; закончил историко-филологический факультет Московского университета (1890), преподавал в народных школах Воронежской и Рязанской губерний; затем 27 лет служил в казённой палате в Воронеже и, следом, в податной инспекции на Урале; с 1920 года учитель семилетней школы крестьянской молодёжи в селе Ястребовке Старооскольского района ЦЧО, преподавал географию, русский и немецкий языки; инвалид 2 группы; 5 лет ИТЛ, с заменой на высылку на 5 лет в Западную Сибирь; отправлен в село Новоильинку Колпашёвского района Нарымского края;

- *Филипп Михайлович Миндрин* (1877 года рождения); родился в Воронеже; до революции был маклером на бирже, в деле упоминается о том, что ещё владел конным заводом; перед арестом нигде не работал, жил на иждивении дочери; 3 года ИТЛ; умер в Воронеже летом 1942 года;

- *Василий Фёдорович Мирошников* (1888 года рождения); родился в городе Боброве Воронежской губернии; юрист; служил в Красной Армии, в 1920-е годы был членом областного суда в Воронеже; перед арестом работал юрисконсультантом в областном совете профсоюзов; 3 года ИТЛ; отбывал срок под Карагандой; по возвращении из лагеря работал в Тамбове, умер в апреле 1941 года;

- *Владимир Иванович Мирошников* (1894 года рождения); родился в Воронеже, из мещан; преподаватель; перед арестом работал преподавателем Воронежского авиатехникума; 3 года ИТЛ;

¹⁴³ Это военно-учебное заведение основал в 1835 году орловский и курский помещик генерал-майор *Михаил Петрович Бахтин* (1768–1838). Он пожертвовал на его обустройство большую часть своих средств: 1 500 000 рублей ассигнациями капитала и два поместья в 2700 и 1469 душ крестьян. Единственный именной кадетский корпус в России (из 28).

• *Пётр Григорьевич Немеико* (1880 года рождения); родился в Воронеже, из мещан; до революции — преподаватель Воронежского реального училища; перед арестом работал преподавателем Воронежского авиатехникума; приговорён к 3 годам лагерей, но умер в воронежской тюрьме летом 1931 года;

• *Тихон Митрофанович Олейников* (1883 года рождения); родился в деревне Неровновке (она же слобода Неровная) Острогожского уезда Воронежской губернии в семье священника; историк, специалист по церковной истории XVII–XIX веков, православной этнографии; закончил Воронежскую духовную академию (1904), затем Санкт-Петербургскую духовную академию и Санкт-Петербургский Археологический институт (1908); трудился в Новгородской духовной семинарии (1908–1910); с 1910 года преподаватель русской словесности в Воронежской духовной семинарии, с 1914 года её инспектор; одновременно был делопроизводителем Воронежского церковного историко-археологического комитета, в 1912–1913 годах — председатель этого комитета; редактор альманаха «Воронежская старина»; после революции работал учителем средней школы в Воронеже; затем научный сотрудник губернского архивного бюро, старший хранитель краеведческого музея (1920–1929), преподаватель Воронежского отделения Московского археологического института (1920–1922); с 1929 года преподаватель подготовительных курсов рабфака университета; 5 лет ИТЛ; после освобождения работал учителем средней школы в посёлке Семилуки; умер не ранее 1941 года;

Т.М. Олейников. Фото с сайта drevo-info.ru

• *Андрей Егорович Остроумов* (1885 года рождения); родился в селе Малые Пупки Дегтянского района ЦЧО; из духовенства; перед арестом учитель школы ФЗО в Тамбове; 3 года ИТЛ;

• *Сергей Антонович Петровский* (1863 года рождения); родился в селе Фомина Негочевка Землянского уезда Воронежской губернии в семье священника; юрист; учился в Воронежской духовной семинарии (1878–1881), затем закончил Воронежскую мужскую гимназию (1883), юридический факультет университета св. Владимира в Киеве (1888); до революции присяжный поверенный (с 1893), гласный городской думы Воронежа (с 1897), депутат III Государственной думы от Воронежской губернии, член фракции кадетов; был инициатором создания и членом правления Кольцовского филиала губернской публичной библиотеки. Ему принадлежал дом в Воронеже на Большой Дворянской улице, где родился писатель И.А. Бунин; преподавал на юридическом факультете (1918–1919), затем факультете общественных наук (1921–1923) Воронежского университета, был юрисконсульт Юго-Восточной железной дороги (1922–1929), адвокатом; 5 лет ИТЛ; срок отбывал в Вишерском лагере на Урале; в 1935 году возвратился в Воронеж; умер в Воронеже в апреле 1944 года;

*Русского либерала и просветителя Сергея Антоновича Покровского советская власть репрессировала, но не победила. Его помнят, а его палачей не помнят.
С сайта Фонда Русского либерального наследия Rusliberal.ru.*

• *Сергей Иванович Покровский* (1878 года рождения); родился в селе Филипповском Владимирской губернии в семье священника; закончил духовную академию; преподаватель духовного училища, член правления крестьянского банка в Воронеже; в 1920-е годы был инспектором губернского земельного управления, выступал с докладами о крестьянской реформе в краеведческом обществе; 5 лет ИТЛ;

• *Таусия Михайловна Потапова* (1894 года рождения); родилась в Воронеже в купеческой семье, закончила высшие женские курсы; в 1920-е годы заведовала художественным отделом Воронежского краеведческого музея, накануне ареста — научный сотрудник музея; 3 года ИТЛ; помещена в Балахнинский лагерь; там в 1933 году получила повторно ещё 3 года по той же статье 58-10;

• *Пузанова Наталья Ильинична* (1886 года рождения); родилась в Курске, дочь священника; выпускница Смольного института благородных девиц; до революции преподавала французский язык в Смольном институте; потом учила красноармейцев; перед арестом жила в Курске, работала по инвалидности чулочницей на дому; выслана на 3 года в Северный край;

Дом в Воронеже, во флигеле которого, на съёмной квартире родился И.А. Бунин. Последний дореволюционный владелец дома С.А. Петровский перепроектировал и расширил строение в стиле рационального модерна. Ныне дом принадлежит потомкам С.А. Петровского. В том самом южном флигеле базируется Госинспекция охраны культурного наследия Воронежской области. Фото-сайт.ру

- *Алексей Михайлович Путинцев* (1880 года рождения); родился в Коротоякском уезде Воронежской губернии в семье священника; литературовед, этнограф, фольклорист; окончил Юрьевский университет, где учился у М.Н. Крашенинникова; с 1920 года профессор кафедры русской литературы Воронежского университета, одновременно с 1924 года директор Дома-музея И.С. Никитина; 3 года ИТЛ; умер в мае 1937 года в Тамбове;

- *Алексей Дмитриевич Ракитин* (1880 года рождения); родился в Воронеже, образование начальное; до революции вёл бакалейную торговлю в Воронеже, домовладелец; работал в Военторге; перед арестом заведовал магазином ПТО (?); 5 лет ИТЛ;

- *Дмитрий Михайлович Рождественский* (1890 года рождения); родился в Старом Осколе Курской губернии, в семье священника; учитель; до ареста работал в педагогическом техникуме; руководитель Старооскольского общества краеведения, созданного в 1923 году, несколько раз избирался членом Центрального бюро краеведения; 5 лет ИТЛ;

С сайта Фонда Русского либерального наследия Rusliberal.ru.

- *Николай Михайлович Рождественский* (1882 года рождения); родился в Старом Осколе Курской губернии, в семье священника; учитель; до ареста заведующий краеведческим музеем в Старом Осколе; 3 года ИТЛ;

- *Фёдор Фёдорович Руднев* (1893 года рождения); родился в селе Никольском Ливенского уезда Орловской губернии в семье сельского дьякона; окончил Орловское реальное училище; учился с 1912 года на экономическом отделении Петербургского политехнического института, но ушёл оттуда в 1915 году в армию добровольцем: в юнкерское училище по сокращённой программе и на фронт; воевал в 255 пехотном Аккерманском полку прапорщиком, возглавлял полковую разведку, командовал батальоном; дважды тяжело ранен — в грудь навывлет и в колено разрывной пулей, награждён боевыми орденами; из госпиталя в Омске мобилизован в армию А. Колчака, где в связи с хромотой после ранения служил канцеляристом в штабе; закончил Иркутский университет (1923), вернулся домой в Орёл; преподавал в Орловском садо-огородном техникуме, а с 1925 года в средней школе; 10 лет ИТЛ; срок отбыл в Ухте Коми АССР, работал там техником-геологом, а по окончании срока — учителем в школе; в 1943 году переехал в Елец, где преподавал географию в педагогическом и художественном училищах; умер в Ельце в 1983 году;

Ф.Ф. Руднев — студент Санкт-Петербургского политехнического института. 1913 год. С сайта Липецкой областной универсальной научной библиотеки.

- *Фёдор Константинович Рындин* (1873 года рождения); родился в Екатеринославской губернии; экономист и статистик; под его редакцией в 1921 году в Воронеже вышел краеведческий справочник «Наш край»;

арестован в январе 1931 года в Москве, где работал консультантом ВСНХ; 3 года ИТЛ; но в феврале 1932 года решением коллегии ОГПУ досрочно освобождён;

- *Михаил Алексеевич Рязанцев* (1879 года рождения); родился в слободе Стрелецкой Курской губернии; ветеран Германской войны; в 1920-е годы преподавал в курском техникуме и был секретарём Курского краеведческого общества; изучал флору и фауну ЦЧО; с 1927 года возглавлял юношескую секцию при обществе; 3 года ИТЛ;

- *Сергей Алексеевич Савельев* (1873 года рождения); родился в Воронеже, из мещан; образование начальное; до революции был приказчиком в торговых лавках; сам вёл торговлю в Воронеже, домовладелец; перед арестом нигде не работал; 5 лет ИТЛ;

- *Михаил Иванович Сатин* (1873 года рождения); родился в Москве, из мещан; образование среднее; до революции служил почётным судьей и гласным уездного земского собрания в городе Кирсанове Тамбовской губернии; после революции садовник; перед арестом жил в Тамбове, нигде не работал; 5 лет ИТЛ; выслан в Северный край на 5 лет;

- *Василий Фёдорович Силин* (1866 года рождения); родился в селе Стружаны Рязанского уезда Рязанской губернии; был директором Варшавской гимназии; в послереволюционные годы инспектор по охране памятников искусства и старины в Тамбове, занимался сохранением ценностей из помещичьих усадеб — картин, библиотек, архивов; в 1920-е годы руководил Тамбовским губернским и научно-художественным музеями; с 1929 года работал научным сотрудником краеведческого музея; 5 лет ИТЛ; прибыл в Ухтпечлаг 1 августа 1931 года, освобождён досрочно 19 октября 1933 года;

- *Сергей Иванович Соколов* (1874 года рождения); родился в городе Козлове Тамбовской губернии, образование высшее; до революции преподавал историю и географию в Тамбовском реальном училище; в 1920-е годы научный сотрудник Тамбовского архивного бюро; 3 года ИТЛ;

- *Константин Михайлович Стаховский* (1905 года рождения); родился в Воронеже, из мещан; художник; учился в Воронежских художественных мастерских (с 1919), окончил художественно-промышленный техникум (1927); участник городских, областных, республиканских выставок живописи; в конце 1920-х годов учитель рисования в школе ФЗО, председатель объединения молодых художников Воронежа; 3 года ИТЛ; возвратился в Воронеж в 1936 году, позже был принят в Союз художников; художник-постановщик Тамбовского драматического театра (1941–1945); далее учитель рисования в средних школах и детских кружках; умер в 1973 году;

- *Владимир Павлович Субботин* (1885 года рождения); родился в Тамбове; в 1921 году высылался в Вятку за принадлежность в прошлом к

партии кадетов, по возвращении работал научным сотрудником Тамбовского краеведческого музея, затем преподавал в школе ФЗО; 3 года ИТЛ;

- *Ткачевский Пётр Сергеевич* (1880 года рождения); родился в селе Дятькове Брянского уезда Орловской губернии; педагог, музейный работник, археолог; закончил Строгановское художественно-промышленное училище; преподавал рисование, черчение, историю искусств в учебных заведениях Орла; организатор и соруководитель Орловского краеведческого общества, научный сотрудник Орловского краеведческого музея; в 1920-е годы был директором Орловского государственного музея; арестован 27 марта 1931 года в Москве, где он работал (с 1928 года) научным сотрудником по подготовке кадров в ВСНХ; выслан на 3 года в Северный край; отбыл наказание в Архангельске, где учительствовал в школах; в 1934 году переехал в Курск, устроился сотрудником в краеведческий музей; умер в 1966 году в Курске;

- *Алексей Петрович Трубецкой* (1877 года рождения); из старинного дворянского рода, князь; родился в Орловской волости Воронежского уезда; будучи, скорее всего, сыном князя Петра Николаевича Трубецкого, предводителя дворянства Московской губернии, камергера и члена Государственного совета, умершего в 1911 году, на следствии по делу краеведов назвался выходцем из крестьян, якобы начального образования; после революции торговец (оставшиеся на родине представители этого княжеского рода — всё высокообразованные, знавшие по несколько иностранных языков люди — кем только ни были в 1920 – 1930-е годы: фельдшерицами, медицинскими сёстрами, экспедиторами, инженерами, музыкантами в трактирах и кинотеатрах, и т.д., и т.п.; как видно, их ждала совершенно та же участь, что и у большинства эмигрантов — родная страна для них обернулась чужбиной); перед арестом работал агентом по снабжению в стройконторе Торгстроя в Воронеже; 3 года ИТЛ;

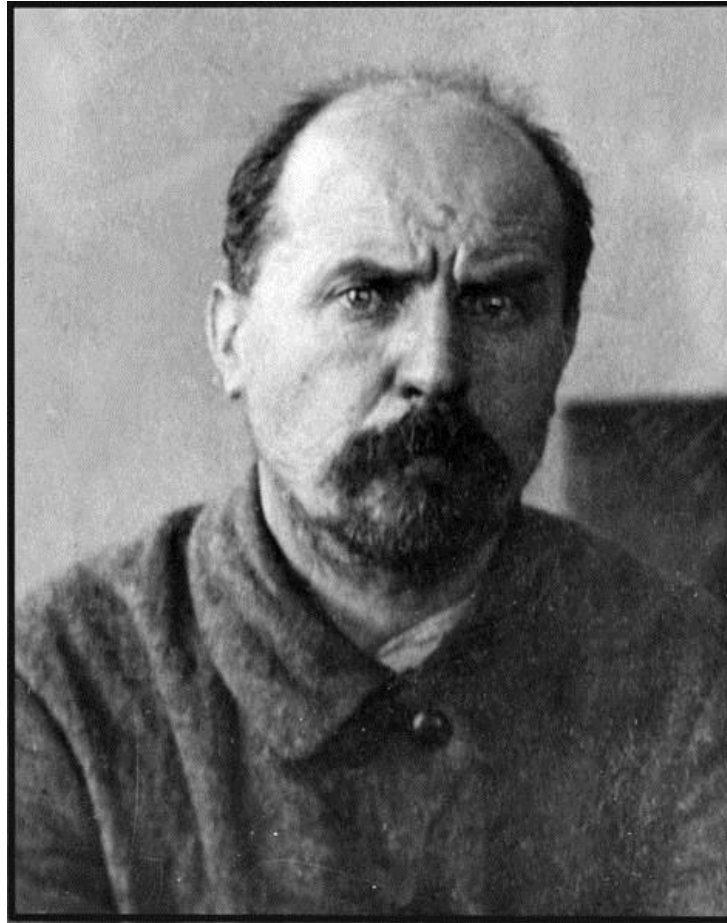
- *Виктор Васильевич Трунов* (1870 года рождения); родился в городе Павловске Воронежской губернии; из рабочих; образование начальное; до революции служил, в частности, начальником тюрьмы в Новохопёрске; в 1920-е годы работал счетоводом, перед арестом — на книжной базе ОГИЗА в Воронеже; 5 лет ИТЛ;

- *Михаил Павлович Трунов* (1877 года рождения); родился в Воронеже, как и его младший брат, указанный следом, в семье купца Павла Сергеевича Трунова, работавшего управляющим на машиностроительном заводе «Столль и Ко»; закончил Воронежскую гимназию (1886); потом медицинский факультет Московского университета (1891); по выпуску работал хирургом в земской больнице Воронежа; добровольно выезжал для работы в эпицентрах эпидемий холеры и тифа; член Воронежской учёной архивной комиссии (с 1901); Церковного историко-археологического комитета (с 1902); проводил раскопки курганов бронзового века в местечке Тойде и на городище у села Новый Буравль Бобровского уезда (1910), на следующий год — Маяцкого городища и других памятников той же округи;

служил в медицинских учреждениях и на железной дороге, из-за конфликтов с властями при защите интересов призывников на Русско-японскую войну выслан в 1906 году в уездный тогда Липецк Тамбовской губернии, где работал врачом тамошнего диспансера; инициатор создания липецкого Народного дома ¹⁴⁴ (и музея, библиотеки, воскресной школы, лектория, общества по распространению научных и практических знаний при нём) имени Петра Великого (1909); организатор и первый директор Липецкого народного (краеведческого) музея (1918–1925), а также музея Г.В. Плеханова; в начале 1920-х годов возглавлял там же краеведческое общество; первооткрыватель палеолитической стоянки Гагарино; выслан в Западную Сибирь на 5 лет; перемещён в Томск, в трудовую коммуну ОГПУ; отбыв срок, вернулся в Липецк, но в 1937 году уехал оттуда и до войны жил под Ленинградом, в местечке Лисий Нос, работал там врачом; умер в блокаду в 1942 году ¹⁴⁵;

¹⁴⁴ Придуманная и осуществлявшаяся русскими интеллигентами, деятелями земств общедоступная форма организации культурного досуга простых людей, начиная с пролетариев. Народные дома открывались с 1880-х годов, но особенно часто после 1905 года, как государством, так и земствами, так и на средства частной благотворительности. Так, в Курске в здании народного дома после революции помещался драматический театр, а ныне — областная филармония. Основная функция народных домов — образовательная, вечерние школы для взрослых, и внешкольные кружки для детей. Кроме того, при таких центрах открывались библиотеки, музеи, хоры, клубы, театры, книжные лавки, чайные и многое другое. Слабой копией этих заведений стали советские «дома культуры», где преобладали кино и танцы.

¹⁴⁵ Сведения о братьях Труновых, собранные В. Бухоновым, см. в Интернете: Коммуна. Информационный портал Воронежа и Воронежской области. Воронеж, 15 апреля 2004; И в печатной версии: *Его же. Судьба братьев Труновых // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2004.*

М.П. Трунов. Портрет с сайта «Архипелаг Святая Русь».

- *Илья Павлович Трунов* (1884 года рождения); родился в Воронеже, в купеческой семье (на следствии по делу краеведов назвался родом «из рабочих»); здесь же закончил гимназию (1903), затем физико-математическое отделение Московского университета (1910); до революции преподавал математику и физику в частном реальном училище И.П. Мирошникова, в коммерческом, механико-техническом училищах, на рабочих курсах просвещения в Воронеже, затем в уездной Рамони; перед арестом преподавал в строительном и индустриальном техникумах; 3 года ИТЛ; срок отбывал в Котласе Архангельской области, на лесоповале, торфоразработках; возвратился в родные края летом 1933 года; через 4 года выслан из Воронежа и до 1946 года работал учителем физики и математики в школе села Садовое Аннинского района; вернувшись в родной город в 1946 году, стал заведовать кабинетом математики в областном институте усовершенствования учителей; затем преподавателем Инженерно-строительного института; умер в 1954 году;

- *Пётр Фёдорович Фёдоров* (1875 года рождения); родился в Воронеже; до революции — землевладелец, член правления Крестьянского банка в Воронеже; перед арестом — десятник по ремонту здания Воронежского университета; 5 лет ИТЛ;

- *Георгий Ильич Фомин* (1878 года рождения); родился в Борисоглебске Тамбовской губернии, из мещан (на следствии показал, что «из рабочих»); журналист, фотограф; окончил Новохопёрское городское реальное училище; служил делопроизводителем на Юго-Восточной железной дороге; затем делопроизводитель отдела народного образования губернского земства (1914–1918), сотрудничал репортёром в газетах «Воронежский телеграф» (1912–1914), «Дон»; фотографировал приезд Николая II с семьёй в Воронеж 6 декабря 1914 года; член, председатель (1913) Воронежского фотографического общества; член Воронежской Учёной архивной комиссии (1918); ушёл из Воронежа с Белой армией (октябрь 1919); вернулся в Новохопёрск (1921–1922), затем в Воронеж, где устроился научным сотрудником отдела этнографии краеведческого музея (1921–1931), автор рассказов и краеведческих статей в периодике и книг: «Народные развлечения, их сущность и значение для народа» (Воронеж, 1916). «Кулачные бои в Воронежской губернии» (Воронеж, 1926); с его иллюстрациями выходил «Путеводитель по Воронежу для школьных экскурсий» (1914); перед арестом ещё работал нормировщиком в Кустпромсоюзе; 3 года ИТЛ¹⁴⁶; срок отбывал на постройке Беломорканала, затем на строительстве канала «Москва – Волга», где выпускал многотиражную газету; освобожден в 1934 году; жил в Воронеже, работал лаборантом в Сельскохозяйственном институте; затем снова в Новохопёрске, где и умер в 1951 году;

- *Георгий Никанорович Холодович* (1892 года рождения); родился в Задонске Воронежской губернии; до ареста преподавал в школе ФЗО в Задонске; 3 года ИТЛ;

- *Черменский Пётр Николаевич* (1884 года рождения); родился в селе Чермном Тамбовской губернии в семье священника; историк, преподаватель; преподавал в Тамбовской гимназии, в советское время — в педагогическом институте, был бессменным учёным секретарём краеведческого общества; арестован 5 февраля 1931 г. в Воронеже, где работал в Облплане (кстати, в это время краеведческие организации ещё обсуждали его доклад «Социалистическая реконструкция хозяйства ЦЧО и задачи краеведения», опубликованный в начале 1931 г.); 10 лет ИТЛ; о его послевоенной работе рассказано ниже; умер в 1973 году;

- *Вукол Иванович Шапошников* (1873 года рождения); родился в слободе Алексеевке Воронежской губернии, из крестьян; до революции арендовал землю у графа Шереметева, вел розничную торговлю; в 1920-е годы работал оценщиком в ломбарде, продавцом кооперативного магазина в Воронеже; 3 года ИТЛ, но умер летом 1931 г. в тюрьме;

¹⁴⁶ «Примечательная деталь — в архивном деле Фомина есть тюремная фотография с нагрудным номером — 36. Знаковое число для всех фотографов: на стандартной фотоплёнке — 36 кадров» (*Вязовой М. Г.И. Фомин // Воронежский исторический форум. История, архитектура, краеведение, туризм. 2019. 12 января.*

- *Пётр Фёдорович Шапошников* (1886 года рождения); родился в слободе Алексеевке Воронежской губернии, из крестьян; в 1920-е годы заведовал столовой, работал инструктором общества помощи инвалидам войны в Воронеже; 3 года ИТЛ;

- *Софья Николаевна Шестова* (в девичестве Носова) (1876 года рождения); родилась в селе Карцеве Кашинского уезда Тверской губернии, из учительской семьи; архивист, библиотекарь, музейный работник; окончила гимназию в Царском селе (1894); учительствовала в земской школе Корчевского уезда Тверской губернии (1894–1906); работала в книгоиздательстве, редакциях газет, музее Ярославля (1906–1913); с 1913 года жила в Воронеже, работала в губернском музее (1914–1919), сотрудничала в «Воронежском телеграфе», охранительном печатном органе; член Ярославской и Воронежской губернских учёных архивных комиссий; училась на археографическом отделении Воронежского филиала Московского археологического института (1920–1922); архивариус воронежского губернского архива (1919–1921); работала в Воронежском краеведческом музее хранителем рукописного отдела (1921–1925); библиотекарь облплана, губисполкома, перед арестом — ветеринарного института (1925–1930); 5 лет ИТЛ; этапирована в Котлас;

- *Александр Алексеевич Щёголев* (1868 года рождения); родился в городе Козлове Тамбовской губернии, образование высшее. До революции был библиотекарем Тамбовской учёной архивной комиссии; перед арестом жил в Тамбове, нигде не работал. Выслан в Казахстан на 5 лет;

- *Александр Павлович Шукин* (1876 года рождения); родился в Коломне Московской губернии; фотограф; в 1920-е годы заведовал фотоотделом Воронежского аптекоуправления; 5 лет ИТЛ;

- *Глеб Николаевич Яковлев* (1876 года рождения); родился в Воронеже в семье священника; искусствовед, музейный работник; с 1907 года работал библиотекарем в Острогожске и принимал активное участие в создании картинной галереи памяти И.Н. Крамского; в советское время, до 1929 года, заведовал музеем краеведения и картинной галереей, одновременно был секретарём местного краеведческого общества; перед арестом — научный сотрудник музея; 5 лет ИТЛ; в конце 1930-х гг. вернулся из заключения и вновь стал директором музея; ему пришлось вывозить наиболее ценные музейные экспонаты в Воронеж, когда к Острогожску подошли немцы; умер в 1945 году.

* * *

*«Шам — рядами по годам
Шли в строю незримом
Кольма и Магадан,
Воркута с Нарымом.*

...

*Из-за проволоки той
Белой-поседелой —
С их особою статьёй,
Приобщённой к делу.*

Кто, за что, по волей чьей — Разберись, наука...»

*А.П. Твардовский.
Пёркин на том свете.
1954–1963 годы.*

Ну, вот и весь мартиролог. Вернёмся к его анализу. Чтобы понять логику коммунистического террора. И размеры ущерба для отечественной науки и культуры из-за того, что столь многих специалистов и энтузиастов грубо оторвали от любимого дела, убили или обездолили без всякой с их стороны вины.

Пожалуй, можно в основном согласиться с наблюдением вдумчивого фигуранта всех тех событий Н.П. Анциферова: «Верхушка "заговорщиков" получила наиболее лёгкие наказания. Платонов, Тарле, Лихачёв и другие академики получили вольную высылку в большие города. В общем, чем серьёзнее было обвинение, тем легче наказание. Так, учёный секретарь ЦБК Святский получил 3 года концлагеря. А я — его подчинённый — уже 5 лет. А совсем рядовые обвиняемые, например, Тхоржевский, — по 10 лет с конфискацией всего имущества. ... Характер приговора — наказание, обратно пропорциональное обвинению, — доказал, насколько мало было веры у властей предрежащих в обоснованности обвинительного акта»¹⁴⁷. Продолжая эти верные в принципе наблюдения современника и участника трагических событий, предположу, что большевистские власти на старте большого террора ещё опасались зарубежной реакции, неизбежной огласки своих карательных акций. Ведь чекисты казнили, подвергли суровой уголовной репрессии не за дела, которых и не было, а за выдуманные замыслы. Учёных, академиков, которых знали по всей Европе и в США, решили наказать символически, а уж на мелких сошках — губернских да уездных краеведах отыгрались сполна. Так за границу пошёл от политической полиции СССР один информационный импульс, не столь суровый, а на места, в регионы — другой, устрашающий.

¹⁴⁷ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 373.

Современному читателю надо пояснить, что десятилетнее лишение свободы по действовавшему тогда советскому уголовному праву было максимальным сроком заключения. Трёхгодичный срок считали «детским». Оценка «пятёрки» зависела от личности того, кто её получил. Для явно уж ни в чём не повинного, но запиравшегося на следствии человека, — месть «органов». Тот же пятилетний срок для так или иначе (в глазах следствия или на самом деле) виновного, но сдавшегося чекистам человека, — награда за сговорчивость. Впрочем, из этих правил случались исключения. Логика массового террора подразумевала и момент алогичности — «на кого бог пошлёт», кому какое наказание. Чем непонятнее, тем страшнее для общества.

Краеведы, по версии следствия, — рядовые «заговорщики» в целом получили не менее, а то и более суровые наказания, чем их столичные «вербовщики» и «руководители» из числа сотрудников Академии и ЦБК. Среди арестованных по собственно Академическому делу в Москве и в Ленинграде 112-ти человек расстреляли шестерых (бывших офицеров); 63 получили концлагерь на срок от 3 до 10 лет; 21 (все академики) — трёх- или пятилетнюю ссылку.

В черноморском деле картина схожая. Расстреляли, как уже сказано, нескольких давно отошедших от краеведческих занятий, но как-то связанных в прошлом с царской «охранкой» или «белыми» лиц. Надо заметить, что все в прошлом военные, что прошли по этому делу, были участниками и героями I Мировой войны. Они воевали на передовой, имели ранения и боевые награды. Но в глазах большевиков защита «империалистического отечества» была не смягчающим, а отягчающим обстоятельством для ветеранов. Что касается службы в Белой армии, то практически все из подследственных, кто побывали там совсем недолго, занимали мелкие канцелярские должности в армейских штабах. Наконец, среди репрессированных краеведов оказались и красные герои — участники Гражданской войны на стороне самих большевиков. Но эти боевые заслуги никак не сказались на тяжести приговора.

Довольно (хотя и не стопроцентно) типичный момент, часто (но не всегда) определявший суровость наказания — признание свой (выдуманной) вины или же упорное запирательство в ней. Сумевшие, несмотря на разные пытки, до конца отрицать свою виновность, получали чаще всего меньшие сроки по сравнению с «сознавшимися» в «антисоветской деятельности» однодельцами.

Немногочисленные сегодня историки сталинских репрессий не очень-то вдумываются в причудливую логику коммунистического террора. Так, относительно одного из выше упоминаемых персонажей наивно говорится: «Судьба оказалась к Ф.Ф. Рудневу милостивой, он перенёс все тяготы и вернулся из заключения домой и, что ещё немаловажно, не потерял интереса к краеведению: в 1960–1970-е гг. его материалы публиковались в местных

газетах, в "Подъёме"»¹⁴⁸. «Милостивая судьба» в этом случае не при чём: этот человек стойко перенёс все физические и психологические пытки, но виновным себя не признал. Его, как и менее стойких подельников, держали в ледяной камере, угрожали расправиться с близкими людьми, сулили символическое наказание, но он не «повёлся» на угрозы и обещания лживых чекистов. Не признал белое чёрным. Потому что был слеплен из другого теста, нежели поповичи родом, богословы по жизненному выбору Введенский или Булгаков, «заложившие» всех, кого только можно было оговорить. Руднев ведь сам, будучи столичным студентом, пошёл на Германскую войну и отвоевал её доблестно. В войсковой разведке, на переднем крае фронта. С тяжёлыми ранами и орденами. Хрупкий на вид паренёк имел стальной стержень характера. Потому и отнёсся к чекистским следователям с подобающим презрением, и отделался ссылкой, а не концентрационным лагерем. Такая участь, повторю, не правило, а доблестный пример.

Хотя на других фигурантах этого абсурдного дела чекисты отыгрались по полной. На 10 лет лишения свободы обрекли даже не воронежских «руководителей», а их более провинциальных сателлитов. Так, постановили «заключить в концлагерь на 10 лет» П.Н. Черменского, «главу тамбовской организации» (которого судьба потом, после отбытия срока, свяжет с Курском). Всего по 5 лет концлагеря получили главные фигуранты всего провинциального дела, воронежские краеведы Введенский¹⁴⁹, Путинцев, Олейников, Литвинов. Как бы в награду за то, что предали своих коллег. Столько же — 5 лет лагерей получил «главный среди курян заговорщик» Г.И. Булгаков¹⁵⁰. А вот М.А. Рязанцев, так любивший природу, особенно птиц своего соловьиного края¹⁵¹, помещался в северные лагеря на 3 года.

¹⁴⁸ «Дело краеведов», уголовное дело против интеллигенции Воронежа (1930–1931) // Интернет-ресурс: Воронежский край. РФ. 2013.

¹⁴⁹ По сведениям А.Н. Акиншина, С.Н. Введенский был досрочно в 1934 году освобождён из Свирьского исправительно-трудового лагеря. Предательство коллег власти ему таки зачли. Переехал к дочери в Подмоскovie, умер там в 1940 году.

¹⁵⁰ Г.И. Булгаков отбыл весь срок на строительстве Беломорканала «Москва — Волга». Трудился техником, затем старшим техником-геологом на строительстве Куйбышевского гидроузла на Волге. За ударную работу был освобождён досрочно, в 1934 году; награждён Почётной грамотой Мосволгостроя (1936) и значком «Ударник МВС» (1937) — отличия не то, чтобы просто издевательские, а какие-то inferнальные. Как и многие другие заключённые, чтобы снизить вероятность повторного ареста, согласился работать по вольному найму в местах отбытого заключения, на тех же самых гидростройках. Передавал свой производственный опыт новым контингентам заключённых — преподавал на курсах буровых мастеров и коллекторов. Общественная работа — участник драмкружка. Его обращение к М.И. Калинину с просьбой о снятии судимости (1939) осталось без удовлетворения. Только в 1944 году он посмел вернуться из Куйбышевской области в освобождённый от немцев родной Курск — умирать.

¹⁵¹ См.: *Рязанцев М.А.* В защиту птиц // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 1–2; *Его же.* Птицы юго-западной части ЦЧО // Там же. 1928. № 4–6.

«По отбытии наказания — выслать ... в северный край сроком на 3 года». Там его следы для нас теряются. В отличие от своих «раскаявшихся» однодельцев, виновным он себя не признал и прошений о реабилитации впоследствии не подавал. Приговор иуде Горохову оказался таким же — 3 года лагерей. После них и ссылки и он возвратился в родной город. Прожил там по крайней мере до начала 1950-х годов, помаленьку приторговывая сбережёнными даже от чекистов нумизматическими запасами и мечтая приобрести в свою коллекцию монет знаменитое «Ярославле серебро»¹⁵². Такой же срок отмерили Борису Александровичу Болдыреву, 1900 года рождения, бухгалтеру из Старого Оскола. Его земляки братья Рождественские, Дмитрий (1890 года рождения) и Николай (1882 года) Михайловичи — создатели Старооскольского краеведческого музея — удостоились 3 лагерных лет каждый. Надо заметить, что Н.М. Рождественский (ученик Г.И. Булгакова по духовной семинарии) избирался членом губсовета объединения курских краеведов и даже членом московского ЦБК. Оба брата, повторю, воевали в своё время на Германском фронте, а затем в 1919–1921 годах в Красной Армии. Оказывается, выдумали чекисты, они, как и прочие их коллеги, «на основе использования краеведческого общества и музея занимались контрреволюционной работой, проводя её под руководством губернских и областных ... организаций, что сводилось к подрыву устоев Советской власти»¹⁵³. Везучий, недостреленный ещё белыми Михаил Николаевич Исаев из Щигров отделался у своих, красных, 5 годами высылки в Западную, причём, Сибирь. Такой же меры наказания подвергся престарелый учитель школы крестьянской молодёжи в селе Ястребовке Старооскольского района Владимир Платонович Менжулин (аж 1868 года рождения). Для старого и больного человека такое наказание было смерти подобно. Его просьба о помощи тогдашней «правозащитнице»

¹⁵² В 1948 году с Т.А. Гороховым в Курске встречался А.А. Формозов, тогда студент исторического факультета МГУ, на каникулах участвующий в работе Деснинской экспедиции под руководством М.В. Воеводского. Составляя по заданию последнего карту монетных кладов региона, он разыскивал цитированную выше статью Горохова на эту тему и был познакомлен с ним лично. 79-летний нумизмат продал ему, а затем и его однокурснику В.Л. Янину (ныне академик РАН, заведующий кафедрой археологии МГУ, начальник Новгородской экспедиции) по нескольку дирхемов и выпуск «Известий Курского губернского общества краеведения» со своей статьёй о курских кладах. «Монеты были явно из того комплекса — тех же лет, так же обрезаны, той же сохранности, но место находки было названо другое. Это возмутило Янина. Клад надо было сдать в музей целиком и назвать точное место находки. Горохов показал Янину свою коллекцию и спросил, нельзя ли достать в Москве «Ярославле серебро» — "Я бы никаких тысяч не пожалел". Если это не слова, то Горохов не очень нуждался и мог бы не просить денег за книжки у студентов и не продавать клад в розницу. В целом у Янина сложилось о Горохове самое отрицательное впечатление. У меня, — вспоминает А.А. Формозов, — не совсем такое. Хотя [и] я в нём увидел довольно тёмного субъекта из мещанской среды, а не краеведа в лучшем смысле этого слова» (*Формозов А.А. — Щавелёву С.П.* 28 января 1992 года // Архив автора).

¹⁵³ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 5. Л. 28–28 об.

Е.П. Пешковой вряд ли спасла его жизнь. Екатерина Павловна Пешкова, первая и единственная официальная жена Максима Горького, формально возглавляла в СССР организацию помощи политическим заключённым, но абсолютному их большинству ничем помочь не могла. На 3 года в Северный край выслали стойкую бестужевку Наталью Ильиничну Пузанову (1886 года рождения). Так же поступили с П.С. Ткачевским (и его судьба потом закинула в Курск).

Получается, прав Н.П. Анциферов — самые жестокие наказания получили неизвестные среди краеведов лица, не дипломированные учёные, а случайно подвернувшиеся чекистам под руку люди. Минимальные данные их анкет говорят о том, что многие осуждённые за краеведение лица не имели к нему никакого отношения. Но чекисты не очень-то заботились об убедительности своих поклёпов и приговоров.

Мои выборочные справки об итогах репрессий в отношении краеведов тоже не тянут на обобщение по поводу того, «кто выживает в лагерях». Во-первых, интернет-ресурсы плодотворнейшего общества «Мемориал» далеко не полны и мы пока не знаем судеб всех советских зэков. Во-вторых, даже о той части репрессированных, чьи судьбы сегодня мне известны, трудно судить в целом, вообще. Кто-то из арестованных умер уже на следствии, не выдержав его строгих методов. А кто-то, наоборот, пережил и лагерь, и ссылку, и вернулся в родные края. Некоторые из вернувшихся вскоре умерли от болезней лагерного происхождения, а кое-кто — явное меньшинство — жили потом многие годы и даже занимались любимым краеведением. Как видно, дело решали генетика организма и люди, попавшие на лагерном пути. Сегодня опыт выживания в тюрьме и лагере, как ни странно, актуализировался. «...За решёткой и в лагерях шанс на выживание и сохранение рассудка был вовсе не у работяг, крестьян и прочих якобы прочных людей. В условиях многолетнего голода и изматывающего труда лучше других приспособлялись сухопарые подтянутые мужчины среднего возраста и потомственного достатка. ... Больше всего опустившихся, помешавшихся от недоедания зэков было среди выходцев из низов. ... А дворяне, потомки купцов, промышленников выходили из лагерей в ясном сознании, со своими зубами, с хорошей кожей. ... Ценились фундаментальные учёные. Ценились эксклюзивные гуманитарии»¹⁵⁴, какими и были многие краеведы. Их профессия подвела под монастырь репрессий, но она же и спасла многих из них в «местах отдалённых».

Социально-психологически поучительно, как по-разному держались на одном и том же следствии отдельные его участники. Сначала почти все отвергали обвинения чекистов. Кто-то — категорически (как, например, С.Н. Введенский), кто-то в более осторожных формулировках (как Т.А. Горохов). Дальнейший нажим следователей надломил дух большинства краеведов, и они начали каяться в несуществующих преступлениях, топить

¹⁵⁴ Миронова А. Кто выживет в лагерях // Новая газета. 2019. № 85. 5 августа. С. 9.

своих коллег. «Обвиняемые в участии в курской группе воронежской контрреволюционной организации и использовании Краеведческого общества в контрреволюционных целях» Булгаков и Горохов «виновными себя признали»¹⁵⁵.

*«Бухта Нагаева. Магадан. Грозное слово – цинга...» (Ф.А. Искандер).
Врата гулаговского ада. Родина автора книги. Фото сайта tagspase.ru.*

Меньшинство устояло, и чекисты потеряли к ним интерес после нескольких допросов — поняли, что признания из них не выжмешь. Так произошло с воронежским профессором М.Н. Крашенинниковым, которого обвинили в игнорировании марксизма. На что он и на воле, и в тюрьме повторял, что никакого марксистского языкознания пока нет и преподавать его он поэтому просто не мог¹⁵⁶. Куряне Рязанцев и Пузанова проявили на следствии исключительное мужество; они тоже ни в чём контрреволюционном не сознались, категорически отвергали обвинения чекистов и поклёпы слабодушных подследственных. Однако наказание заслужили такое же, как предавший всех и вся Горохов. По мнению следователей, «запиравшиеся» оказались «достаточно точно изобличены показаниями других обвиняемых».

Один-единственный, 92-й по счёту обвиняемый — Виктор Алексеевич Преображенский оказался освобождён из-под стражи, следствие в его отношении прекратили. Почему — ясно хотя бы из вышеизложенного

¹⁵⁵ Там же. Ч. 3–686. Л. 102–103.

¹⁵⁶ См.: Акинъшин А.Н. Трагедия краеведов... С. 216.

эпизода с орловцем Ф.Ф. Рудневым, которого он облыжно изобразил главой заговорщиков в их городе. Выбрали чекисты одного из предателей своих коллег для показательного примера «объективности» «следствия».

*«Через весь материк, посмотри-ка, ух-ты, наконец-то достиг Нагаевской бухты...»
(Павел Раменский. Колыма. Поэма).*

Так была «раскрыта и ликвидирована ПП ОГПУ по ЦЧО в ноябре – декабре 1930 г.»¹⁵⁷ очередная «контрреволюционная организация». И опять, наверное, прав Н.П. Анциферов, — власти не случайно не вывели их на открытый судебный процесс, как «вредителей» некоторых других категорий, а приговорили втайне. Слишком уж контрастировали фантастические обвинения в подготовке военного переворота и мирные краеведческие занятия.

Чтобы читатели поняли всю меру жестокости чекистов к своим безвинным согражданам, приведу ещё один, типичный для всех репрессированных краеведов, пример. Уже известный читателю сельский учитель Владимир Платонович Менжулин обратился к Екатерине Павловне Пешковой со следующим заявлением:

¹⁵⁷ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 8 б. Л. 102.

«Октября 12 дня 1931 года.
Новоильинка Колпашёвского района
[Нарымского края]
через гор[од] Томск.
Адм[инистративно-]ссылного
бывшего учителя Владимира
Платоновича Менжулина

Просьба

Окончив Московский университет в 1890 [году] одновременно с моими товарищами-филологами Покровским (профессор, коммунист), академиком М.М. Богословским, Н.Л. Рожковым, Г.Н. Шмелёвым, что вышли из школы знамен[итого] историка В.О. Ключевского, я в течение 3 лет учительствовал в народных школах Воронежской и Рязан[ской] губерний, затем 27 лет работал в Казённой Палате в Воронеже, и податной инспекции на Урале, а последние 10 лет в Ястребовской школе-семилетке Старо-Оскольского округа [нрзб.] работал, преподавая немецкий, русский язык и географию. Став инвалидом II группы, я по решению Воронежской Страх[овой] Комиссии стал получать пенсию по 60 р[ублей] 11 к[опек] в месяц, продолжая педагогический труд в селе Ястребовке, т[ак] к[ак] люблю крест[янских] детей, будучи сам сыном кр[естьяни]на из Острогожска Воронежской губ[ернии]. Пенсию свою я получал 2 года с 1 июля 1929 г[ода] по 1 июля 1931 года. У меня семья — жена (дочь кр[естьянина]), сын и дочь, но жена нигде не служит, ей 50 лет, слаба здоровьем, сын, дочь учатся, средств к жизни никаких, семья на квартире бедствует со дня моего ареста 16 марта 1931 года. По зависти и злобе моих партийных товарищей-педагогов в Ястребовской школе, по доносу их и клевете Старо-Оскольский Опер[ативный] сектор ГПУ обвинил меня в агитации (ст[атья] 58 п[ункты] 10, 11 Уголов[ного] Кодекса), агент уголовного розыска 16 марта 1931 года произвёл у меня в квартире обыск, забрал у меня 28 рабоч[их] ученич[еских] тетрадей, в том числе мои стихотворения и доклады (на учительских собраниях). И вот с этого злополучного дня я становлюсь обитателем Старо-Оскольской тюрьмы, а затем местный ГПУ постановил выслать меня в ссылку на 5 лет в Нарымский край за какие-то неведомые мне преступления, а при ст[атье] 58 мне прописали за [нрзб.] 4 года, числюсь в списке об[щества] краеведов чисто номинально. Член ГПУ тов[арищ] Омелин допрашивал меня по ночам, что-то очень много писал в своём следств[енном] акте, потом, не читая его мне, предложил подписать протокол, что я исполнил беспрекословно, доверяя его корректности, что всё написано согласно моему отзыву и показаниям. По окончании допроса тов[арищ] Омелин сказал мне, что на меня будет наложено маленькое наказание, но вместо этого обещания спустя 3 месяца мне неожиданно вместо ожидаемого освобождения от тюрьмы и возвращения к семье объявляют 8 июня вечером жестокую кару, мной вовсе незаслуженную после 40 лет службы родине —

пять лет высылки в Новосибирск, а вместо дома — в страшнейшую глушь сибирской тайги, среди болот, за 300 вёрст от г[орода] Томск в дер[евню] Новоильинку. На другой день, едва успев проститься в течение 10 минут с женой и дочерью, я 9-го июня был сопровождён этапом в Воронеж, скитался 2 месяца по тюрьмам Сибири, пока, наконец, испытывая голод, унижения и оскорбления конвоиров, достиг конечного пункта — Новоильинку. Умоляю Вас, дорогая Е[катерина] П[авловна], помогите мне чем можете, я с тех пор в кармане не носил весточки от жены с детьми уже 3 месяца, сейчас страшно нуждаюсь, проедаю последнюю одежду, бельё, жена хоть тоже бедствует, посылает мне денежную помощь. Я с отчаяния наложил бы на себя руки [нрзб.]... Хочу просить ВЦИК об амнистии, а Вас умоляю придти мне на помощь материально и содействовать успеху моего ходатайства во ВЦИК.

Ваш покорный слуга и учитель В. Менжулин.

Р. S. Если Вы, уважаемая Е[катерина] П[авловна], верите тому, что В.И. Ленин хотел добра русскому народу, если Вы желаете спасти меня от голодной смерти, то будьте добры выслать мне по телеграфу какую-либо сумму денег в помощь. Будьте добры выписать для меня газет и журналов на 2 месяца. В. М.

Р. S. S. При этом посылаю Вам мои стихотворения.

За что?

С семьёй родною разлучили,
В Сибирь далёко увезли.
Скажи, ОГПУ, тебе ль твердили,
Как паутину, ложь сплели.

Недобры люди постарались
Меня безжалостно сгубить,
В тюрьму упрятать; удивлялись,
Кто знал меня, за что судить.

За то ль невинно я страдаю,
Тоскую долго день и ночь,
Что службы 40 лет кончаю;
Трудиться больше мне не в мочь.

12 лет служил Советам,
Народной власти верен был.
ОГПУ поверил злым наветам,
И вот я в ссылку угодил.

О, ВЦИК, верховный страж закону,
Добра и милости родник,
Не верь хоть ты лжи гнусной звону,
К тебе взывает мой язык.

Не был я в жизни агитатор,
Я пролетарий родом был,
Крестьянский сын – не спекулятор,
Студент московский бедно жил.

Последних 10 лет учитель,
Крестьянских деток я учил;
Писал стихи; руководитель,
Газете школьной верен был.

Местком зачислил активистом,
Меня одобрил, не хулил.
За что же ОГПУ я ненавистен,
Под суд суровый угодил?

О, возврати ж к семье родимой,
Мою ты старость пощади!
Молю тебя, о, ВЦИК наш чтимый,
От зла людского защити.

В. Менжулин.

28. IX. 1931 г[ода].

С[ело] Новоильинка Колпашёвского района, Томского округа»¹⁵⁸.

Каждый из почти сотни репрессированных краеведов ЦЧО наверняка произносил такие же слова. Безрезультатно.

Таков печальный *итог «золотого десятилетия» советского краеведения в Курской губернии* и соседних с ней регионах Центрального Черноземья. Никакое оно не «золотое». «...Мы живём на кровавой звезде» (Г.А. Шенгели). Звание краеведа превратилось в 1930-е годы почти в столь же мрачную «каинову печать» политической опасности, как и принадлежность к дворянству, высшему чиновничеству, буржуазии, церкви, офицерству при старом режиме, «кулачеству», троцкизму и тому подобным коллективным «врагам народа».

После обнародования всей правды о советских репрессиях против российской интеллигенции особенно прискорбны рецидивы клеветнической лжи и лукавые фигуры умолчания относительно соответствующих фактов. Так, глава Курского областного общества краеведов, воссозданного на рубеже 1980 – 1990-х годов, Юрий Александрович Бугров, сам поначалу опубликовавший курские материалы следственного дела своих предшественников (№ II–16967 Архива УКГБ–ФСБ Воронежской области), в целом ряде последующих своих выступлений и публикаций объяснял роспуск Курского губернского общества краеведения исключительно изменением административно-территориального деления Черноземья в

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1 Д. 571. Л. 121–123. Автограф. Цит по сайту: Pkk.memo.ru.

начале 1930-х годов и временной ликвидацией Курской губернии. В сравнительно недавнем прошлом ещё можно было как-то понять составителя прежнего, советских времён справочника, который сообщал, что лидер воронежских краеведов С.Н. Введенский «в начале 30-х гг. уехал из Воронежа»¹⁵⁹, «забывая» добавить: «В арестантском вагоне в ГУЛАГ навсегда». Затусовать правду Бугрова побудили его ультракоммунистические убеждения.

В том же самом позорно реакционном духе, что и рядовой инженер Бугров, светлую память репрессированных краеведов пытался облить грязью известный историк, академик Б.А. Рыбаков. Он, уже на самом закате своей жизни и после Перестройки российского общества, лживо внушал невежественному журналисту, что они всё-таки занимались вредительством и шпионажем против СССР¹⁶⁰.

Сегодня замалчивание реальной картины уничтожения первых советских краеведов выглядит, по меньшей мере, нелепо, а по сути — кощунственно по отношению к нашим замечательным предшественникам.

* * *

«Ори Ройвена не убили. Они были заказными убийцами. А в полученных ими приказах об Ори Ройвене не было ни слова. Орибастус Джанфранко Паоло Ройвен, магистр права, провёл шесть лет в различных тюрьмах, его непрерывно допрашивали сменяющиеся следователи, пытаясь о самых различных, зачастую вроде бы бессмысленных вещах и делах.

Через шесть лет освободили. К тому времени он уже был совершенной развалиной. Цинга лишила его зубов, анемия — волос, глаукома — зрения, астма — дыхания. Пальцы обеих рук ему сломали на допросах.

На воле он прожил неполный год. Умер в храмовом приюте. В нужде. Забытый всеми.

Рукопись книги "Люди — тени, или История секретных королевских служб" пропала без следа».

*А. Сапковский.
Владычица озера.*

Обезглавленные объединения советских краеведов просуществовали недолго. В начале 1930 года председателем курского Окружного совета краеведов назначили *Фёдора Липовича Фаермана* (1898 года рождения) — торгового работника, служившего на тот момент консультантом Окрплана.

¹⁵⁹ Цит. по: *Бугров Ю.А.* Общества краеведения // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 226.

¹⁶⁰ Давай, милый, посидим, от души поokaем (Интервью А. Шарова с акад. Б.А. Рыбаковым) // Российская газета. 1995. 9 сентября. С. 8.

«Специалист по экономике кожевенного рынка» недолго продержался во главе здешних краеведов ¹⁶¹.

Вскоре его сменила на этом посту *Мария Константиновна Кардаш* (1897 года рождения), также член ВКП(б), заведовавшая одно время губмузеем. Её предшественника и в музее, и среди краеведов — Молчина, как и Фаермана, перебросили с краеведения на укрепление сельских исполкомов. Коллективизация крестьянства, его «раскулачивание» вызвала нешуточные волнения в курской округе. 27 февраля 1930 года первый секретарь Центрально-Чернозёмного обкома ВКП(б) И.М. Варейкис обратился к Сталину с телеграфным запросом, в котором просил разрешения привлечь к борьбе с бунтующим крестьянством кадровые формирования Красной Армии. Так что советским властям на местах уже было не до каких-то краеведов. Это помогло оставшимся на свободе энтузиастам.

*Курский врач и эколог Павел Владимирович Чебуркин.
С сайта красноярского отделения Общества «Мемориал».*

Так, в том же 1930 году подальше от Курска бежал Л.Н. Соловьёв. В Ленинграде он спешно переквалифицируется на курсах при Горном институте на геолога (раз археологов арестовывают) и уезжает в таком качестве в самую что ни на есть глубинку. Из места нового распределения —

¹⁶¹ А в дальнейшем и он, этот бедный еврей родом из Херсона, технарь с высшим образованием, оказался в списках репрессированных. В 1948 году в Карагандинской области работал инспектором угольного треста и был арестован по 58-й статье, получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

городок Боровичи на Новгородчине уходит ещё дальше, в леса и горы, ведя геологоразведки по Валдайским высотам. В конце 1933 его «петля» по карте страны завершается в Абхазии, где он постепенно возвращается к археологии. Проведя на Кавказе вторую половину жизни, Л.Н. Соловьёв немало сделал для изучения каменного века данного региона, подготовил кандидатскую диссертацию, задумывал докторскую. А Курск надолго остался без собственного специалиста-археолога.

Все попытки оставшихся на свободе энтузиастов продолжить издание краеведческих «Известий» разбились о следующую резолюцию цензуры: «Издание журнала не может быть возобновлено, т.к. Главлитом вообще признаётся нецелесообразным издание окружных краеведческих печатных органов, а в отношении Курского журнала неоднократно выявлялась определённая идеологическая невыдержанность. Зав. Облоно Никифоров. Инспектор ОблЛита Давыдов»¹⁶². Так и пропали подготовленные для очередных номеров курского краеведческого журнала и даже набранные, частью отпечатанные в типографии статьи: М.А. Рязанцева «Охрана природы Курского округа», Н.П. Вознесенского «Климат Курского округа», доктора Дмитриева «Медико-санитарное обследование колхозов округа» и «Железисто-щелочные воды источников "Стезева дача"», П.В. Чебуркина¹⁶³ «Обследование вод артезианских и других колодцев города Курска», Л.Н. Соловьёва «Раскопки древнеславянского погребения у деревни Поповки». И что в них можно было усмотреть антисоветского? А вот не нужна была советам наука и культура вообще.

Попытки оспорить решение курских цензоров в воронежском и даже московском (у «тов. Смидовича») центрах краеведческого движения ничего не дали.

Постановлением воронежского ОБК от *3 августа 1930 года* и само *Курское окружное отделение было ликвидировано*. Курянам предложили «вместо единого Краеведческого общества организовать краеведческие кружки при каждом колхозе, совхозе, фабрике, заводе, школе, изба-читальнях и т.п.»¹⁶⁴, а для координации будущей кружковой сети

¹⁶² ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 47. Л. 32.

¹⁶³ По всей видимости, это *Павел Владимирович Чебуркин* (1910–1943) — уроженец Курска, выпускник Воронежского медицинского института; бактериолог, основатель и руководитель первой в Курске бактериологической станции. Потом заведовал больницей в городе Орске Оренбургской области, в 1938 году женился, в 1939 у него родился сын. Участвовал в советско-финской войне. Был начальником тылового госпиталя, в мае 1940 вернулся в Орск. В начале Отечественной войны назначен начальником группы госпиталей в Орске. 22 июля 1941 года мобилизован в действующую армию. Военным трибуналом приговорён к расстрелу за «антисоветскую агитацию».

Его отец, *Владимир Викторович Чебуркин* (1882–1937), тоже медик, микробиолог, учившийся в Московском университете, с 1910 года жил в Курске, преподавал в реальном училище химию, а после революции — в фельдшерском техникуме; заведовал бактериологической лабораторией областной больницы. Расстрелян в 1937 году.

¹⁶⁴ Там же. Д. 48. Л. 92.

оставлялось *Курское городское бюро краеведения* (оно же районное). Стремясь любой ценой сохранить разрешение советской власти на своё и своих подшефных существование, руководители краеведов ЦЧО жёстко оговорили число и направленность новых секций при районных бюро: «по социалистической реконструкции сельского хозяйства для научно-исследовательского изучения социалистического сектора деревни; по изучению фабрик и заводов; по школьному краеведению». О запечатлении образцов культуры старой деревни, об археологии и истории своей области краеведы теперь боялись и заикнуться. Сами от себя они потребовали практически невозможного: «Добиться в самом ближайшем будущем соотношения по составу членов организаций не менее 50% рабочих и крестьян-колхозников». Между тем к 1930 году в составе курского объединения краеведов из 69 членов находился рабочих только 1, крестьян — 1, остальные — служащие и безработные (10); членов ВКП(б) — 7, ВЛКСМ — 2, беспартийных — 60¹⁶⁵.

Последние директивы агонизирующего ЦБК гласили: «Вся краеведная работа, как в центре, так и на местах, должна быть направлена на проведение генеральной линии партии, на борьбу против правого уклона, как главной опасности на данном этапе, «лево-троцкистских загибов» и «право-левацких тенденций» и переключение на обслуживание текущих задач социалистического строительства...»¹⁶⁶. Бюро запрещало краеведам любые экспедиции, «не занимающиеся изучением нашего социалистического строительства»¹⁶⁷.

По сути, именно тогда, в 1930 году, настал конец провинциальным организациям советских краеведов. Их реальная работа прекратилась, оставалась какая-то её бумажная имитация.

На попытке перестроить свои ряды в соответствии со столь «ценными указаниями» окончательно захлебнулось организованное движение краеведов в Курске. 18 октября 1930 года состоялось *последнее общее собрание Курского общества краеведения*. На нём присутствовали и опытные краеведы (догуливающие на свободе Т.А. Горохов и М.А. Рязанцев; Л.Н. Соловьёв, Н.П. Вознесенский, Л.Н. Позняков, С.Н. Ефременко) и несколько новых в этом кругу лиц. Сообща решили считать Курское окружное общество ликвидированным, реорганизовать его в «горрайонное»

¹⁶⁵ Там же. Анкета Курского окружного Общества краеведения за 1928–29 годы. Л. 122. Подробнее о вкладе курян в естественнонаучное и социологическое краеведение см. прежде всего: Курский край. Сборник по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Вып. 2. Курск, 1926. Он содержит обстоятельные очерки о геологии и гидрологии (И.Д. Яковлева), климате (Н.И. Вознесенского), флоре (М.Н. Нагибиной) и фауне (В.Г. Плигинского) региона.

¹⁶⁶ Договор о социалистическом соревновании между ЦБК РСФСР и ЦБК БССР // Там же. Д. 53. Л. 1 об.

¹⁶⁷ Циркуляр ЦБК от 3. 09. 1930 г. всем краеведным организациям и музеям // Там же. Д. 50. Л. 32.

и «освежить рукописи членов Общества», имеющиеся в портфеле редакции его журнала ¹⁶⁸.

Однако ОБК ЦЧО в январе 1931 года предписало сдать все дела их общества в Областное архивное бюро, а неизданные рукописи выслать ему в Воронеж (Среди таковых оказались: «Местный архив как один из источников краеведения» И.С. Абрамова ¹⁶⁹, «Курское областное архивное бюро» С.Е. Волкова, «Местные документы XVII века», «Топография Курского и Львовского уездов по архивным документам XVIII века» С.Н. Ефременко, «Фауна западной части ЦЧО» В.Г. Плигинского ¹⁷⁰ и некоторые другие).

Последние листы соответствующего архивного фонда — списки мертворождённых «кружков краеведения», создававшихся на бумаге в начале 1931 года. Эти справки производят трагикомичное впечатление. Как говорится, Дж. Оруэлл со своей антиутопией отдыхает... Так, краеведческая ячейка дислоцированного здесь арtpолка насчитывала 29 человек; при швейной фабрике — 11; на государственном кожевенном заводе аж 34 (в их числе — строгаль, прокатчик, кузнец, раскройщик, шприцатор, сыпаль кож и прочие «археологи»). Даже там, где краеведческие кружки могли бы стать при квалифицированном руководстве не совсем формальными, их состав развеивает подобные надежды. Скажем, в бюро краеведения школы для взрослых значились: санитар, буфетчица, учащийся. А рядовыми кружковцами тут якобы стали белошвейки, домработницы, чернорабочие, крестьяне, картонажник, санитары, безработные и тому подобные кадры.

¹⁶⁸ Там же. Д. 50. Л. 3.

¹⁶⁹ *Иван Спиридонович Абрамов* (1874–1960) — фольклорист, этнограф, историк литературы. Уроженец Глуховского уезда Черниговской губернии, из крестьян. Начинал учителем в селе Студенок на границе с Курской губернией. Закончил Учительский институт в Глухове (1898). Затем переехал в Петербург. Закончил там Археологический институт (1903). Сотрудничал в газетах и альманахах. После революции — сотрудник Центрального музея литературы в Ленинграде. Автор документальных публикаций о субэтнических группах населения Курского края — саянах и др. См. его: О курских саянах: Этнографический очерк. СПб., 1907. 18 с. (Из журн. "Живая старина", 1906, вып. 3). Работал над словарём краеведов. В 1929 году сослан в Сольвычегодск как подписчик и автор журнала «Краеведение». В 1930 году вернулся в Ленинград. В 1933 году арестован по «Делу славистов», сослан в Северный край на 3 года. Отбыв наказание в Тюмени, вернулся в Ленинград, а после войны — в родное украинское село, до преклонного возраста работал там библиотекарем в школе, которую сам заканчивал. См.: *Сорокина С.П.* Украинский краевед Иван Спиридонович Абрамов // Традиционная культура. Альманах. 2010. № 3.

¹⁷⁰ *Владимир Григорьевич Плигинский* (1884–?) — энтомолог, специалист по жукам, фауне Крыма, защите растений от вредителей. Автор массы публикаций по рациональному использованию растений и насекомых. Заведующий Курской станцией защиты растений. Закончил Харьковский университет. Возглавил Энтомологическое бюро в Курске (1918), 1919 году переименованное в Станцию защиты растений. В 1926 году уволен с этой должности. В 1930-е годы его «биографические следы» для Википедии теряются. См.: *Черников А.М.* В.Г. Плигинский — основоположник курской школы защиты растений // Аграрная наука — сельскому хозяйству. Материалы научно-практической конференции. Курск, 2009.

Словом, все, кроме учителей, имевших хоть какое-то образование. Зато оказалась выполнена резолюция ОБК насчёт того, чтобы «втянуть в краеведческие организации рабочих от станка, а по районным организациям в деревне — передовиков крестьян из бедняцкого и середняцкого актива и особенно — крестьян-колхозников»¹⁷¹.

По верному наблюдению археолога-эмигранта М.А. Миллера, «после окончательного разгрома краеведческих учреждений были созданы официальные, правительственные "Краеведческие бюро" в областных центрах, как бы для руководства краеведческой работой, в действительности же для наблюдения за тем, чтобы краеведческое движение в обществе не возродилось снова»¹⁷².

Именно с 1930 – 1940-х годов термин «краеведение» окончательно приобрёл в глазах профессиональных учёных и просто образованных людей некий вненаучный, даже предосудительный смысл. И было за что невзлюбить так называемое краеведение с этой поры: беззастенчивое перекраивание фактов в угоду идеологическим схемам; устойчивая компилятивность, нередко переходящая в прямой плагиат у предшественников; суконный стиль письма и просто элементарная неграмотность, вульгарная темнота — вот отличительные приметы большинства лиц, подвизавшихся в зрелый и поздний советские периоды на краеведческой ниве, вплоть до сегодняшнего дня там, где ещё живы «краеведы» советской закваски.

Об испуге местных историков перед репрессиями властей за краеведение, о растерянности провинциальной интеллигенции перед быстрой сменой идеологических вех сталинским режимом свидетельствуют *перемены в областном музее*, который как-никак продолжал функционировать. В 1931 году музейщики ещё просят денег на археологические раскопки; хотя историческая часть экспозиции задвигается на задний план по сравнению с общественно-политическим и экономическим «лицом» Курска, строящего социализм. В 1932-м же году о раскопках уже и не заикаются; отдел истории ликвидируется вовсе! Вся экспозиция делится на отделы: историко-революционный с антирелигиозным подотделом; промышленно-экономический; естественно-природный; культурно-бытовой с художественным. «Отделу социалистического строительства было отведено 10 светлых больших зал в верхнем этаже, где до этого был размещён отдел истории»¹⁷³. Захватившей власть партии большевиков история уже была не нужна. Коммунистов интересовало только «светлое будущее», в жертву которому приносилось всё что угодно в настоящем. Про старину и национальные традиции вспомнят ближе к большой войне, когда надо будет как-то гнать в атаку какими-то лозунгами миллионы новых солдат.

¹⁷¹ Там же. Д. 48. Л. 58.

¹⁷² Миллер М.А. Археология в СССР. Мюнхен, 1954. С. 81.

¹⁷³ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 442. Л. 112, 145 об.

Если десять или двадцать лет назад курские музейщики обследовали старинные церкви и дворянские усадьбы на предмет их охраны как памятников культуры, то теперь «силами музея, совместно с Горфо производилось обследование церквей, находящихся на учёте музея, с целью изъятия цветного лома; таким образом сдано свыше 1709 пудов лома от колоколов»¹⁷⁴ и прочей утвари (подсвечники, люстры, баки для святой воды, кружки для пожертвований, кресты и тому подобные аксессуары богослужений). «При снятии колокола с колокольни Троицкой церкви [Нижней, в Курске — С.Щ.] оказались порванными электрические провода и проломлена часть крыши на колокольне»¹⁷⁵ ещё действовавшего тогда храма. В ответ на эту жалобу общины верующих директор музея Кардаш просила «Металлом» «в дальнейшем наблюдать за съёмкой колоколов, во избежание поломок». Кроме Троицкой церкви, тотальным конфискациям подверглись тогда Знаменский и Сергиевский соборы Курска.

В уездном городке Короче Рудмедторг заграбастал на переплавку особенно старинный колокол — XVII века и чугунные пушки. Кроме того, в 1929–1930 годах музей санкционировал продажу на слом старинных зданий бывшей Коренной пустыни, а также церквей в Фатеже, Обояни и многих других местах края.

От переплавки спаслась только бронзовая статуя «Распятие Христа» работы итальянского скульптора Сальваторе Альбано (1841–1893), забранная из алтаря лютеранской кирхи в Курске. И то по причине своего «антирелигиозного значения, характеризующего тесную связь дворянства с церковью», согласно экспертной оценке сектора науки Наркомпроса. Ведь на постаменте статуи имелась надпись, оказавшаяся для неё при большевиках спасительной: «Сие распятие принесено в дар Суджанским предводителем дворянства, камер-юнкером двора Его Императорского Величества Симоном Александровичем Юрьевичем¹⁷⁶ и супругой его Анной Сергеевной, урождённой графиней Апраксиной, евангелической лютеранской церкви ... в день Пасхи 1907 года»¹⁷⁷.

Никакой документации на разрушаемые в 1930-е годы памятники культуры музей не вёл. От большинства из них вовсе не осталось информации. Много позднее, в 1970 – 1980-е в музей от случая к случаю поступали сведения о случайных находках следов некоторых из тех

¹⁷⁴ Там же. Д. 44. Л. 51.

¹⁷⁵ Там же. Д. 55. Л. 14.

¹⁷⁶ Семён Александрович Юрьевич (1870–?) — выходец из старинного дворянского рода, давшего России нескольких выдающихся военных и придворных деятелей. Учился в Николаевском кавалерийском училище, потом в кадетском корпусе. С 1890-го по 1897-й находился на военной службе. До 1908 года жил в Курской губернии, позднее переселился в Саратов. Был одним из крупнейших землевладельцев Аткарского уезда, в Саратове имел магазин «Цветы, растения, семена». Занимался общественной деятельностью, с 1909 года был членом Саратовской учёной архивной комиссии.

¹⁷⁷ Там же. Д. 58. Л. 9.

исторических ценностей. Например, «в селе Верхополье Касторенского района, в помещении склада стройматериалов — бывшей школе, на полу вместо половых досок лежит икона "Варвара-мученица" ... очень большого размера» — сообщала приезжая туда Н.М. Лёвшина. Ей объяснили, в чём дело: «Когда строили школу, одновременно разрушали церковь. ... И, чтобы добру не пропадать, директор школы распорядился использовать её [икону — С.Щ.] как строительные доски. Изображением клали вниз»¹⁷⁸. То есть, надо понимать, не совсем уж мы, комсомольцы-коммунисты, варвары, уважаем чувства верующих, не топчемся по святому когда-то лику...

Директриса музея (она же председательница новоявленного горбюро краеведения) *Мария Константиновна Кардаш* сочла, что внешних, по заказам других инстанций, секвестраций культурных ценностей маловато будет, и сама обратилась в Главнауку со служебной запиской, где просила избавить музей от слишком большой (более 3 000 экземпляров) нумизматической коллекции (составленной, напомним, из нескольких богатых собраний курских коллекционеров начала века). Лучшие монеты Кардаш предлагала передать в центральные музеи, дублиеты продать через Госторг или обменять в других музеях на более актуальные с её точки зрения экспонаты¹⁷⁹.

Протестовать против вандализма оказалось некому: в сентябре 1930 года музей получил очередную директиву Наркомпроса о кадровой чистке, где ребром ставился «вопрос об освежении личного состава ... путём: 1) перевода на пенсии сотрудников, достигших преклонного возраста; 2) снятия с работы ... недостаточно квалифицированных научных музейных работников, а равно работников, идеологически чуждых современному направлению в музейной работе»¹⁸⁰. К тому времени все «чуждые элементы» из музея уже были уволены, вплоть до уборщицы М.Ф. Михайловой, на свою беду оказавшейся в прошлом монашкой (все монастыри губернии к тому времени позакрывались властями). Даже мыть полы за нищенскую плату не доверяли Советы «людям с раньшего времени» (И. Ильф, Е. Петров).

На протяжении 1930 – 1940-х годов никаких реальных результатов мало-мальски организованной историко-краеведческой деятельности в Курске по печатным, архивным и мемуарным источникам не прослеживается. Единицы переживших ленинско-сталинское лихолетье в Курске любителей старины (те же Парманин, Позняков) время от времени публиковали компилятивные заметки на краеведческие темы в областных газетах да агитпроповских брошюрах.

А ведь кроме краеведов, репрессиям начиная с рубежа 1920 – 1930-х годов в провинции подвергались ещё и представители самых разных общественных слоёв, включая, конечно, интеллигенцию (В этом легко

¹⁷⁸ Там же. Д. 131. Л. 29–29 об.

¹⁷⁹ Там же. Д. 50. Л. 21.

¹⁸⁰ Там же.

убедиться, прочитавши в курских газетах за начало 1990-х годов списки реабилитированных прокуратурой посмертно курян). Так, в 1932 году был арестован глава Курской епархии, архиепископ Курский и Обоянский Дамиан (в миру Димитрий Воскресенский), а вместе с ним 127 священников и дьяконов, 106 монахов и монахинь¹⁸¹. Коллегия ОГПУ приговорила епископа к расстрелу, но отложила исполнение этого приговора до 1937 года, когда отбывавшего 10-летний срок Дмитрия Воскресенского (1873–1937) расстреляли на Соловках.

Согласно архивной статистике, собранная историком В.В. Раковым и его учениками, всего по Курской губернии за 1937 год органами НКВД было арестовано 8354 человека¹⁸². На один только этот, правда, ужаснопамятный год, Курскому областному управлению НКВД из наркомата был спущен план на ускоренную репрессию «враждебных элементов» — 4000 человек. Из них к первой категории — «наиболее враждебных элементов», подлежащих после ареста и рассмотрения на так называемой «тройке» расстрелу — относились 1000, а ко второй категории — лишению свободы от 8 до 10 лет — 3000. Реализовывая эту директиву, курские чекисты, как тогда водилось, перевыполнили план больше чем в два раза — арестовали 8354 человека. Из них тогда же, немедленно после решения «тройки» было расстреляно 2886 человек (34,5% арестованных), а 5468 (45,5%) приговорено к тюремному и лагерному заключению, в том числе 4862 человека к 10 годам лагерей.

По категориям осуждённых: «бывшие кулаки» — 4607 (55%), из них 1319 — к высшей мере наказания, расстрелу; «просто» «уголовники» — 1474 (16,8%), к расстрелу — 510; «эсеры» (разумеется, бывшие) — 358 (4,4%), к расстрелу 131; «троцкисты» — 91 (1,2%), к расстрелу — 50; «шпионы и диверсанты» (это в мирное-то время, в глубокой провинции!) — 37 (0,5%), к расстрелу — 25; «духовенство и монашествующие элементы» — 245 (3%), к расстрелу — 146; «сектантский и церковный актив» — 576 (7%), к расстрелу — 213; «участники контрреволюционных образований в прошлом» (как правило, уже отбывшие один раз наказание за это) — 6 (0,1%), к расстрелу — 5; «украинская националистическая контрреволюция» — 21 (0,4), к расстрелу — 9; «активный контрреволюционный элемент в прошлом» (белогвардейцы, бывшие каратели, служащие полиции, жандармы) — 733 (89%), к расстрелу — 413; «прочие» (?) — 206 (2,6%), к расстрелу — 65.

Ещё раз поясню, что так называемые тройки вовсе не были судом (в любом смысле этого слова). Людей не судили, а заочно приговаривали к наказанию. В «тройку», как правило, входили начальник регионального

¹⁸¹ См.: *Карнаевич В.* Архиепископ Дамиан — сын земли Курской // *Городские известия.* 1998. № 130. 29 октября. С. 7.

¹⁸² *Раков В.В., Карнаевич В.Г.* О репрессиях 1937 года (по материалам Курской области) // *Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура».* Белгород, 1998. С. 91.

управления НКВД, соответствующий (областной, краевой, республиканский) прокурор, первый секретарь ВКП(б) того же региона. Приговор выносили без всяких адвокатов, заочно, прочитав поступившие на обвиняемых бумаги следствия. Их оглашал секретарь, а тройка только подтверждала предложение следствия, к какой из вышеупомянутых категорий относить того или иного обвиняемого. Первая категория означала расстрел, вторая — концлагерь. Сталинская Конституция СССР 1936 года никаких «троек» не предусматривала, а предусматривала осуществление правосудия судами. Так что эти внесудебные репрессии вовсе не нарушали законность, они её просто игнорировали. Сами «тройки» были незаконным органом. Так что их приговоры после падения СССР отменялись почти всегда автоматически¹⁸³.

В связь с насильственным устранением не только инакомыслия, но и самих инакомыслящих земляков я бы поставил парадоксальное суждение Д. Хармса, сообщённое им осенью 1933 года К.И. Чуковскому и занёсенное тем в свой дневник: Хармс «до сих пор был выслан в Курск и долго сидел в ДПЗ. О ДПЗ он отзывается с удовольствием; говорит: "прелестная жизнь". А о Курске с омерзением: "невообразимо пошло и подло живут люди в Курске"»¹⁸⁴. Кроме вполне понятной в устах такого неподражаемого фантазмагориста, каков был Хармс, доли преувеличения, в этом его суждении я вижу вполне реалистичное свидетельство очевидца тех лет: в тюремных камерах, арестантских вагонах, лагерных бараках 1920 – 1950-х годов складывались удивительно колоритные сами по себе компании из активных личностей, многих высокообразованных людей, которым практически нечего было уже терять, а на воле интеллигентные люди боялись сказать вслух лишнее слово.

Так что заявленное руководством краеведческого музея в феврале 1936 года «*Научно-исследовательское общество изучения Курской области*» не пошло дальше заполнения анкет его членами и составления их списка. В следующем, 1937 году даже и списков от него не осталось. В недавно опубликованном современными краеведами энциклопедическом словаре «Курск» относительно этой мнимой организации их предшественников сказано с подкупающей наивностью: «...Сильный состав исследователей предвещал полновесную деятельность на благо и развитие краеведческого движения в Курске и области. Однако по неизвестным причинам развитие работы нового общества не удалось»¹⁸⁵. Как говаривал в подобных случаях булгаковский персонаж Бегемот: «Ну, да, неизвестно, — подумаешь, бином Ньютона!» Мертворождённое «общество»-то ставило своей целью опять-таки «вовлечение трудящихся масс в активную борьбу за успех

¹⁸³ См. подробнее: *Бабий А.* «Тройка» — это стая // Новая газета. 2017. 18 августа. № 89. С. 15.

¹⁸⁴ *Чуковский К.* Дневник (1930–1969). М., 1994. С. 73.

¹⁸⁵ *Бугров Ю.А.* Общества краеведения // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 266–267.

социалистического строительства путём изучения своего края»¹⁸⁶. Фамилии его «активистов-учредителей» ничего не говорят историку курского краеведения (какие-то Зеликсон, Фомин, Завыленков, Железнов, Грачёв; ответственный секретарь А.Е. Гречнева). Какой там «сильный состав»!.. За решёткой да колючей проволокой, в бегах подальше от родины находился к тому времени действительно сильный состав курских краеведов.

В этой связи процитирую Б.А. Слуцкого, одного из первых написавшего (в стол) о такого рода делах, как вышеизложенные:

«До чего довели Плутарха,
как уделали Карамзина
пролетарии и пролетарки
и вся поднятая целина!..
До гиньоля, до детектива,
расцветающих столь пестро,
довели областные активы
и расширенные бюро.
Впрочем, это было и будет
и истории нету иной.
Тот, кто это теперь забудет,
тот, наверно, давно больной...»¹⁸⁷.

10 июня 1937 года последовал официальный запрет обществ краеведения в стране. Соответствующее постановление Совета народных комиссаров РСФСР объявило: «Признать дальнейшее существование центрального и местных бюро краеведения нецелесообразным». Наркомпрос тут же разослал на места «Инструкцию о работе комиссий по ликвидации Бюро краеведения» от 16 июля 1937 года, которая предписывала все книги и рукописи, научное и хозяйственное оборудование, прочие материальные ценности краеведческих объединений передать органам народного образования. «Акт по ликвидации Курского общества краеведения» датирован 28 августа 1937 года. Однако гораздо раньше, ещё в июле 1934-го все накопившиеся с 1923 года в Курске краеведческие документы поступили на хранение в государственный архив. В 1950-е годы добрая треть этой документальной коллекции оказалась уничтожена ленивыми и невежественными архивистами «как не имеющая практической и исторической ценности».

Скудное оборудование губернской организации краеведов (этажерка, счёты, чернильный прибор, каучуковая азбука; 205 книг; 4,5 дести писчей бумаги; 2 карты) досталось областному музею — его предусмотрительная директорша-партийка Кардаш выпросила у ГПУ сразу после ареста

¹⁸⁶ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

¹⁸⁷ *Слуцкий Б.А.* Из «А» в «Б» // Собр. соч. в 3 тт. Т. III. Стихотворения 1972–1977 гг. М., 1991. С. 80.

технического секретаря общества М.Н. Рязанцева находившиеся в его опечатанной комнате ключи от помещения этой общественной организации.

Заодно под наблюдением облисполкома ликвидировали районные отделения краеведческого общества. Те, согласно актам ликвидационных комиссий, вовсе «не имели имущества и других ценностей».

На самом деле печатные и архивные *материалы Курского краеведческого общества* обладают определённой историографической, культурной, прикладной ценностью. Тупые большевики этого не поняли. К текстам старых краеведов сейчас за разными справками всё чаще обращаются современные исследователи Курской земли, её исторических древностей и природных условий. Ведь что-то за прошедшие десятилетия исчезло безвозвратно, и свидетельства прежних краеведов в этой своей части превратились в первоисточники наших знаний. А до каких-то источников, летописных и археологических, нынешние любители изучать прошлое края сами добраться не в состоянии в силу своей малограмотности или лени — и в этих случаях бывшие краеведческие сводки приходят на помощь. Далеко не полностью, но сохраняются в фондах и экспозициях областных и районных музеев вещевые находки из разведок и раскопок тех лет. Персональные статьи о некоторых из краеведов 1910 – 1920-х годов вошли в нынешние справочники — словарь «Курск» (1997) и «Большую» Курскую энциклопедию (2004–2005). Многие (десятки) интернет-сайтов воскресили биографии наших предшественников. Со вполне понятным пиететом перед ними, героями русской науки и культуры.

Помимо всего прочего, пример советских краеведов, их недолгой, но искренней попытки продолжить занятия археологией, историей, этнографией и прочей наукой и просвещением своего народа, наглядно показывают преимущества и возможности императорской России в этих отношениях. Потому что общее образование, профессиональную подготовку все персонажи этого параграфа получили до революции. Там же находятся их ментальные корни служения своему народу. Как мог видеть читатель, абсолютное большинство советских краеведов были родом из семей крестьян, мелких церковных служителей, мещан и купцов среднего разбора, а вовсе не из дворян да капиталистов. Советские чекисты с трудом наскребали на них компромат по этой — социально-политической линии. На пару-тройку кадетов среди краеведов приходились десятки, сотни совсем беспартийных, аполитичных служителей науки и просвещения. Кое-кто из краеведов даже был совсем «красным», партийным, воевавшим против белых. Но и это никого не спасло от чекистской расправы,

Мне представляется важным не только отметить то, что наши краеведы 1920-х годов смогли и успели сделать по изучению и охране памятников истории и культуры. Не менее поучительно представить себе, какой урон духовности своего народа нанесли те, кто мешал краеведам работать, держал их организации на нищенском финансовом пайке, а в конечном счёте осудил на моральные и физические муки вместо того, чтобы наградить за

подвижничество. Реабилитация пришла к ним слишком поздно, почти ко всем — посмертно.

Как уже отмечалось, кое-кто из осуждённых по делу краеведов обращался в 1930-е годы с прошениями о снятии с них судимости, а в 1950 – 1960-е годы — о реабилитации, но всё безуспешно. Лишь в июле 1978 года Воронежский областной суд отменил вынесенный им в 1931 году приговор «за отсутствием события преступления»¹⁸⁸ (Большинство жертв собственно Академического дела реабилитировались ещё в 1960-е). В соответствующем постановлении отмечалось, что чекисты по этому делу «применяли запрещённые методы ведения следствия».

Многие из бывших сотрудников ОГПУ по ЦЧО, выступивших палачами краеведов, сами пали жертвой своей репрессивной системы. Она, как известно, периодически избавлялась от сделавших своё чёрное дело сотрудников. Среди получивших «высшую меру наказания» «за нарушение социалистической законности» — следователи Кушнир, Брунелевский, Кудрявцев и ряд других чекистов, чьи автографы читатели найдут в публикуемых мной протоколах допросов краеведов ЦЧО.

Причины трагедии, произошедшей с краеведами после Октября, трактуются новейшими историографами недостаточно, на мой взгляд, определённно. В поднакопившейся на эту тему литературе складывается мнение, будто советская власть расправилась с ними походя, без особого повода — кто только не подворачивался под «красное колесо» большевистского террора!? Есть и такая точка зрения, которая предлагает видеть в краеведческих кружках очажки явной или потенциальной оппозиции сталинизму: «Работа сотен и тысяч энтузиастов, разбросанных по всем уголкам огромной страны, не поддавалась контролю тоталитарной системы — трудно было рассчитывать на то, что эти люди, преимущественно представители дореволюционной интеллигенции, примут установки на идеологизацию краеведения»¹⁸⁹; «краеведческое движение 1920-х гг. слишком отлично было от утвердившегося стиля командно-административной системы ... Сталина и его подручных...»¹⁹⁰.

Доля истины в подобных констатациях содержится. Примером чего могут служить некоторые разногласия, случавшиеся между старыми, дореволюционной закалки и новыми, сугубо советской выделки краеведами в Курске. Показателен конфликт Г.И. Булгакова с заслуженной революционеркой, эсеркой в прошлом *Паулиной Наполеоновной Шавердо* (1861–1937). Краеведы поручили ей было составить доклад о 1905 годе, «по документам архива с дополнением личных воспоминаний, как активной участницы в работе того времени». Она больше месяца, по собственному

¹⁸⁸ ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Ч. 11. Л. 206.

¹⁸⁹ *Акинъшин А.Н.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // ВИ. 1992. № 6–7. С. 173.

¹⁹⁰ *Шмидт С.О.* Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 166.

определению, «рылась в архиве» и доклад подготовила. Однако в назначенное для выступления время её ждал афронт. Явившимся на место собрания, в школу, где преподавал Булгаков, докладчице и приглашённым ею слушателям сторожика заявила: «Георгий Ильич сказал, что собрания не будет»¹⁹¹. Оскорблённая краеведка с революционным стажем подала заявление о выходе из Общества. Вряд ли можно счесть этот эпизод случайным недоразумением. В нём явственно просматривается нежелание Г.И. Булгакова и некоторых его единомышленников среди опытных краеведов заниматься событиями Новейшей истории, да ещё в односторонне-партийном освещении. А эту акушерку Шавердо большевики расстреляли в 1937 году, повесив ярлык «участницы троцкистского подполья».

Но при всём том, я думаю, никакой ниши для явной или скрытой политической оппозиции, тем более контрреволюции краеведческое движение представлять не собиралось, да и не могло. Как видно по вышеизложенным курским материалам, и старые, и тем более молодые краеведы 1920-х годов изо всех сил старались следовать генеральной линии ВКП(б) на своих участках общественной работы. Одни действительно верили рабоче-крестьянскому государству. У других оставалась слишком свежа в памяти смертоносная практика ЧК и белогвардейской контрразведки, по очереди умощавших тот же Курск трупами правых и виноватых перед ними. Неразгаданный на свою беду краеведами парадокс их положения заключался в том, что главную опасность для властей они представляли отнюдь не как саботажники, а именно в качестве добросовестных, объективных и, энергичных исследователей прошлого и особенно настоящего, своего родного края.

Куда ни шло, если речь шла о массовом разрушении археологических объектов. Хотя едва ли местным властям приятно было в 1930 году получать циркуляры, подобные следующему: «В связи с катастрофическим положением в деле охраны и учёта памятников культуры по ЦЧО, Облбюро краеведения, — идя навстречу намеченным ГАИМК работам, — считает необходимым теперь же поставить на контроль как местонахождения памятников культуры, так и районы тракторных запашек и наиболее крупных строительных и земляных работ»¹⁹². Или такую директиву: «Вследствие того, что социалистическое переустройство деревни принимает широкий размах и быстрый темп и что в скором времени можно ожидать полного уничтожения культуры старой деревни, является необходимостью особенно характерные признаки её запечатлеть фотографией»¹⁹³. В пору сплошной коллективизации, форсированной индустриализации от подобных бумажек просто отмахивались. В результате, между прочим, служба археологического надзора отсутствовала в Курской области почти до самого конца XX века. Инспекция по охране памятников истории и культуры в составе комитета

¹⁹¹ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 55. Л. 163.

¹⁹² Там же. Д. 48. Л. 57.

¹⁹³ Там же. Л. 56.

культуры областной администрации с 1990-х годов существует, но почти исключительно номинально. Это уже традиция — печальная, но солидного стажа, коему уже под сто лет.

В 1920-е же годы большевистские власти имели неосторожность поручать краеведам и куда более злободневные мероприятия, чем раскопки каких-то курганов или городищ. Скажем, «периодическое, планомерное наблюдение за состоянием посевов»; «определение размеров практических норм личного, кормового и хозяйственного потребления» разных продуктов на селе; «бюджет основных групп трудового населения» города и т.п. вопросы актуальной статистики. Такие данные собирались Обществом краеведов через учителей и школьников и передавались в органы государственной статистики.

Поначалу, со второй половины 1920-х годов цифры «показывают на наличие в результате хозяйствования не только недостаточных запасов, но даже и свободных к продаже излишков в близких к действительности количествах»¹⁹⁴. А уже в 1929-м, в «год великого перелома» «близкие к действительности» сведения «урожайной» статистики стали особенно опасны для официальных надзирателей за краеведами. Тогда в учётном «Листке о питании сельского населения» вместо молока, хлеба и сала пришлось бы писать воду, кору и глину, а то и человечину, как в самых страшных эпицентрах голода. Ненужным свидетелем подобных эксцессов могли оказаться археолог, этнограф, биолог, географ, каждое лето рвущиеся в поле со своими фотоаппаратами и блокнотами.

А кроме экстраординарных коллизий вроде голода да массовых репрессий на совести советской власти оставалась груда застарелых общественных проблем, вроде пресловутой жилищной. Всесоюзные переписи населения 1923-го и 1926 годов показали по Курской области, что «ни один город губернии не обеспечен жилой площадью по норме в 10,0 кв. м на каждого жителя. ... Это тот минимум требований гигиены, без которого здоровье человека находится в опасности. ... Преобладают квартиры сырые с низкими потолками, недостаточным освещением, давно неремонтированные и слишком загрязнённые. Такие антисанитарные и антигигиенические жилища развивают болезни и повышают смертность населения, ослабляют жизнедеятельность и являются громадным препятствием культурному и интеллектуальному развитию человека»¹⁹⁵, — делали вывод краеведы-гуманисты. Однако революционеры-коммунисты боролись отнюдь не за то, чтобы расписаться в собственном бессилии вывести страну к «светлому будущему». Идеологический диссонанс между политикой «великого перелома» на пути к социализму и теми фактами, что накапливали слишком добросовестные и учёные краеведы, обрёл их на уничтожение.

¹⁹⁴ Герасимов С. Урожай и сельхозбаланс 1924/25 годов // Там же. Д. 6. Л. 6.

¹⁹⁵ Стрелков Ф.М. Жилищные условия городов Курской губернии // Известия КГОК. 1927. № 4. С. 12.

* * *

*«Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим —
Кто был ничем, тот станет всем».*

Интернационал.

Гимн РСФСР (1918–1922), СССР (1922–1944); ВКП(б), КПСС, КПРФ.

Документальные материалы первых краеведческих организаций ЦЧО, рассмотренные в этой части книжки, позволяют уточнить *социально-политический контекст взлёта и падения советского краеведения как оригинального явления отечественной культуры.*

После победы в Гражданской войне большевикам требовалось закрепиться у власти, нейтрализовать оппозицию среди населения, в особенности заручиться поддержкой учёных и других специалистов. Разрешение и даже поощрение краеведческих объединений, в составе которых преобладала «старая» интеллигенция, лежали в русле решения этих задач рабоче-крестьянского государства. Краеведы же со своей стороны стремились продолжить привычную им культуртрегерскую, просветительскую деятельность на благо народа и заодно загладить своё нередко сомнительное при новом режиме социальное происхождение и положение в императорском прошлом.

Необходимо сопоставить продолжающуюся по дореволюционной инерции историографическую активность краеведов и атаку на традиционное историческое образование, которую повели именно в 1920-е годы большевистские власти. Как известно, с 1918 году в стране были закрыты исторические факультеты университетов; на долгие годы изучение и особенно преподавание истории ограничивалось экономическим развитием и революционным движением в России XIX – начала XX века ¹⁹⁶. Только краеведы-любители на местах продолжали писать и рассказывать обо всех эпохах и разного рода деятелях регионального прошлого.

Показательно, что массовый террор в отношении гражданского населения был возобновлён большевиками лет десять спустя после взятия власти именно начиная с учёных-гуманитариев и краеведов (если не считать прежних противников партии Ленина — эсеров и прочих действительно «политических» оппозиционеров). Предстоящим в Стране Советов событиям не нужны были историки, бытописатели, вообще фиксаторы. А краеведы могли ими стать, уже становились. Их забота о прошлом (исторической памяти) и настоящем (уровень жизни населения) Отчизны оказалась в

¹⁹⁶ См. подробнее: *Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3.

фатальном разладе с коммунистической политикой рывка к «светлому будущему». Пафос объективного знания — с идеологией выполнения производственного плана любой ценой. Выявление региональной специфики — с унифицирующим катком социального уравниательства, а затем имперского интернационализма. Так что в лице краеведов сначала убрали полунезависимых статистиков новых волн террора, вызванного катастрофическим для большевистских властей расхождением их лозунгов и реальных последствий претворения таковых в жизнь. Уничтожение краеведов и их организаций — один из первых, мало кем распознанных симптомов краха коммунистической утопии в России.

Таковыми, примерно, видятся мне мотивы, по которым власти решили не только свернуть краеведческое движение, но и внести многих его представителей в проскрипционные списки. Дополнительный анализ политического и идеологического контекста развития и гибели советского краеведения, постепенного возрождения краеведческих традиций в нынешней России содержится в работах А.А. Формозова, С.О. Шмидта, А.Н. Акиньшина и О.Г. Ласунского, некоторых других авторов¹⁹⁷.

* * *

В качестве своеобразного постскриптума к очерку истории курского краеведения 1920-х годов приведу ещё один архивный документ: «*Вопросы к товарищу Рыбакову*», чья археологическая экспедиция работала на Курской земле в 1937, 1939 годы, то есть всего через несколько лет после «раскрытия заговора краеведов». Вопросы эти сформулировали новые работники Курского краеведческого музея:

«1) Собрать сведения о движении доисторического человека и жившего здесь (признаки его селищ); 2) Об исторических народах, оседавших на нашей территории; 3) О случайно проходивших народах по нашей области с юга, запада, севера, востока; 4) О северянах, об их соседях

¹⁹⁷ См. общий анализ темы: *Формозов А.А.* Археология и идеология (20–30-е гг.) // *Вопросы философии*. 1993. № 2; *Шмидт С.О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // *Отечество. Краеведческий альманах*. Вып. 1. М., 1990; *Его же.* А Сталин краеведов не любил // *Книжное обозрение*. 1992. № 4. С. 7; *Его же.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х гг. // В его кн.: *Путь историка. Избр. труды по источниковедению и историографии*. М., 1997; *Акиньшин А.Н., Ласунский О.Г.* Региональный фактор в изучении российской истории // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв.* Воронеж, 1995; *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М., 1998.

Образцы порегионных историографий того же феномена: *Акиньшин А.Н.* Трагедия краеведов // *Русская провинция*. Воронеж, 1992; *Акиньшин А.Н., Ласунский О.Г.* Воронежская историческая регионология на современном этапе // *Исторические записки исторического факультета ВГУ*. Вып. 2. Воронеж, 1997; *Глазьев В.Н.* Воронежское краеведческое общество 1920-х гг. // *Из истории города Воронежа*. Воронеж, 1984; *Флейман Е.А.* Краеведческое движение в Поволжье. 1917–1930 гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. Кострома, 1997.

вятичах; 5) О литовских народах; 6) О движении монгольских племён и об их дорогах (шляхах); 7) Произвести обследование границ бывшего Московского государства XVI – XVII вв. (Белгород, Рыльск — центры по сооружению заграждений); 8) О случайных находках и кладах области; 9) Составление черновой картотеки для будущей археологической карты; 10) Приобрести литературные труды Самоквасова о северянах. Его же труды по Курску. То же Спицына и [нумизмата] Бурачкова¹⁹⁸»¹⁹⁹.

Все перечисленные и многие другие сюжеты исторического краеведения Курска и его округа совсем не обязательно было выпрашивать у московского доцента (будущего академика) Б.А. Рыбакова, которому на курских раскопках не хватало квалифицированной рабочей силы. По каждому из этих вопросов Г.И. Булгаков или Л.Н. Соловьёв, любой другой опытный краевед с дореволюционным образованием мог бы прочитать экспромтом целую лекцию, снять со своей книжной полки всю нужную литературу. Но их всех или вообще убили, или лишили свободы, или оторвали от краеведческой работы. К сожалению, следующим поколениям местных историков родного края во многом пришлось начинать с нуля — преемственность в развитии нашего провинциального краеведения, локальной истористики оказалась с начала 1930-х годов нарушена, как теперь ясно — практически необратимо. Традиции так называемой «микроистории» в провинции довелось после многолетнего перерыва продолжать на сколько-нибудь достойном уровне уже не добровольцам из среды разночинной интеллигенции, а немногим представителям высшей школы, музейного дела, библиотек, архивов и других государственных учреждений культуры. На примере самодеятельных организаций вроде бы советских краеведов лишний раз убеждаешься — гражданское общество оказалось у современной России в прошлом.

¹⁹⁸ Платон Осипович Бурачков (1815–1894) — чиновник, на досуге нумизмат, коллекционер монет. Его археологическая коллекция была приобретена Историческим музеем и хранится там.

¹⁹⁹ ГАКО. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 24. Л. 30–30 об.